

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 2(26), 2015

*На пороге
Пятой империи*

*Имперотворцы
России*

*Закат
Евросоюза*

Содержание:

- 2** Михаил КИЛЬДЯШОВ.
Время империй
- 6** **Стиль «Империя»**
(заседание Изборского клуба в Санкт-Петербурге)
- 18** **Всплывающая Империя**
(доклад Изборскому клубу под редакцией Виталия АВЕРЬЯНОВА)
1. ОБ «ИМПЕРСКОМ ПЕРЕЛОМЕ» И ЗАПРОСЕ НА ИМПЕРИЮ (стр. 18)
2. НЕУЛОВИМАЯ СУЩНОСТЬ (стр. 25)
3. МУТАЦИЯ ИМПЕРИИ (стр. 32)
4. САКРАЛЬНАЯ ВЕРТИКАЛЬ ИЛИ ПЕРЕВЁРНУТАЯ ТЕУРГИЯ? (стр. 35)
5. ФУТУРОЛОГИЯ ПЯТОЙ ИМПЕРИИ (стр. 43)
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ИМПЕРИЯ ХАЛКИДОНСКОГО ТИПА (стр. 46)
- 50** Юрий БАРАНЧИК, Александр ЗАПОЛЬСКИС.
Евросоюз – империя, которая не состоялась
(экспертный доклад Изборскому клубу)
ВВЕДЕНИЕ (стр. 50)
РАЗДЕЛ 1. ЕВРОПА: ИЛЛЮЗОРНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ (стр. 52)
РАЗДЕЛ 2. ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА ЕС (стр. 65)
ВЫВОДЫ (стр. 74)
- 76** **Он вел русских, как Моисей**
(беседа со скульптором Виктором ВОРОБЬЁВЫМ)
- 90** **Рождённая в опричнине**
(очерки Андрея ФУРСОВА и Виталия АВЕРЬЯНОВА)
- 106** **Лапоть Петра Великого**
(беседа с профессором Петром КАЛИТИНЫМ)
- 118** Шамиль СУЛТАНОВ.
Сталин: воплощение политического творчества
- 126** Александр ПРОХАНОВ.
Император Полярной звезды
- 128** **Библиотекарь**
- 129** **Хронология мероприятий клуба**
- 130** Стихи Игоря ТЮЛЕНЕВА.
«Не рви с Россией пуповину»

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» № 2(26), 2015 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

1–4-я обложки – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 07.04.2015

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 516

/ Михаил КИЛЬДЯШОВ /

Время империй

Христос ведёт Россию через времена и сроки

Имперская система координат многомерна. Империя простирается на разнонаправленных осях времени и пространства. Но эти оси стремятся в бесконечность не обособленно, а пересекаются в заветной точке, откуда многогранный кристалл империи ис-

точает неиссякаемую энергию, что разливается на русские века и русские земли.

Каждая империя сотворяет свой хронотоп, подобно тому, как стеклодув выдувает волшебное изделие или колокольных дел мастер отливает исполинское тело, рождающее боже-

ственный звук. В этом хронотопе — имперском «времяпространстве» — загадочными бликами и всполохами переливаются русские победы и пропасти, угадываются лики правителей и воинов, провидцев и поэтов. Сияет знойное солнце и разбегаются узоры на морозном стекле.

Пространство — тело империи, время — пульс, бьющийся в этом могучем теле: «время здесь сгущается, уплотняется... пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени». Пространство и время в империи взаимозависимы, взаимообусловлены, порождены друг другом: «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем».

Русская география и история, мифология и метафизика, божественное и мессианское бытие империи сопряжены настолько, что с великим трудом поддаются размежеванию и анализу. Пространство, зримое, осязаемое, плавно, без четких границ переходит в пространство духопостижимое, туда, где уже нет единиц

измерения, нет ни большого, ни малого. Время земное, ведущее всё живое к старости, а неживое — к ветхости, в империи в одночасье может остановиться или повернуться вспять.

Это земное историческое время раздроблено историками на периоды, века и даты. Оно схвачено, как в объектив, в летописи и научные исследования, о нем глаголют стихи и архитектурные сооружения, портреты и монументы, дневники и воспоминания, выцветшие фотографии и кадры немой кинохроники.

Это время линейно, для него существует вчера, сегодня и завтра. Оно подобно железнодорожному составу, стремящемуся по проложенным путям. Но бывает, что этот состав сходит с рельсов, терпит крушение, и тогда историческая ось изгибается, пружинит, надламывается. Псевдохроникеры начинают кликушествовать о том, что изначально был избран тупиковый путь, что крушение было неминуемым, что стрела русского времени стала заблудившимся трамваем.

Тогда для русской стрелы пытаются проложить узкоколейку, идущую параллельно с путями мощных локомотивов. Но только русскому имперскому народу ведомо, как закалялась сталь и созидалось ювенильное море. В русском историческом времени живет мощь Павки Корчагина и дышит романтика «одухотворенных людей» Платонова, которые физически, генетически слились с этой неодолимой силой локомотива истории. Он несет с собой музыку Чайковского и Мусоргского, Рахманинова и Свиридова. Из этой железной поступи времени возникают полотна Сурикова и Верещагина, Петрова-Водкина и Дейнеки, устремляется к небесам сталинский ампи́р.

Но имперское время не только линейно, но и циклично, это не только стрела, но и круг. Это время унаследовано нами от предков, дышавших в унисон с природой, живших трудом на земле. Тогда небесная посолонь и урожай делали время бесконечным, плут времени шел от весны к весне. Золотое время, в котором еще не было оттенков, а были только цвета. Время, в котором добро и зло были ясно различимы. В самом слове «время» заложено бесконечное вращение, в нем слышится и «веретено», и «вереница», будто тянет наша прама́терь из кудели волшебную пряжу, и струится она по временному кругу. И это кружение так знакомо нам по сказкам и колыбельным, застольным песням и поминальным плачам, лубочным картинкам и узорам на рушниках. Это время тридевятого царства, оно не знает ни часов, ни минут, и неведомо нам — долго ли, коротко ли оно.

Наивысшее время империи — Божественное время. Это время дарует нам веру в жизнь вечную, именно о нём в народе говорят: «будешь во времени, и нас помяни». Неслучайно церковно-славянский язык, от которого русский язык напитался, как от живоносного источника, сохранил четыре прошедших и два будущих времени, разделяя время земное и небесное. «Было времечко, целовали нас в темечко, а ныне — в уста, да и то ради Христа», — говорим мы, когда небесное соприкасается с земным.

Мифологическим временем, чьё дыхание через века по-прежнему слышится в природе, жил поэт Алексей Кольцов.

*Вспомни время своё:
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотую рекой!*

Это время, которое «не терпит перерывов», которое идёт от себя и к себе же возвращается, ухватили, как перо билибинской жар-птицы, наши фольклористы и мифологи Александр Афанасьев и Федор Буслаев, Н.И. Толстой и Владимир Пропп.

О мифологическом времени в «Ключах Марии», погружаясь в тайны нашей загадочной души, писал Есенин: «...мы едем, едем потому, что земля уже выдышала воздух, она зарисовала это небо и рисункам её уже нет места. Она к новому тянется небу, ища нового незаписанного места, чтобы через новые рисунки, через новые средства протянуться ещё дальше. Гонители святого духа-мистицизма забыли, что в народе уже есть тайна о семи небесах, они осмелили трех китов, на которых держится, по народному представлению, земля, а того не поняли, что этим сказано то, что земля плывёт, что ночь — это время, когда киты спускаются за пищей в глубинную морскую, что день есть время продолжения пути по морю». Так, таинственным мифологическим китом возникает наша империя из недр мироздания, делает глубокий вдох и касается своим телом небес, приводит в движение воды морей и океанов.

Но наивысшее время империи — Божественное время. Оно берёт начало на земле и устремляется в небеса. Перед ним отступает житейское

и возникает житейное. Это время дарует нам веру в жизнь вечную, именно о нём в народе говорят: «Будешь во времени, и нас помяни». Неслучайно церковнославянский язык, от которого русский язык напитался, как от живоносного источника, сохранил четыре прошедших и два будущих времени, разделяя время земное и небесное. «Жили-были» — вспоминаем мы одну из древних форм прошедшего времени, когда земное соприкасается с небесным. «Было времечко, целовали нас в темечко, а ныне — в уста, да и то ради Христа», — говорим мы, когда небесное соприкасается с земным.

Такое трёхмерное время течёт по пространству империи, которое тоже неоднородно. Географическое пространство очерчено официальными границами, зафиксировано в документах, отмечено пограничными столбами. Внутри этого пространства живут разнородные имперские ландшафты: непроходимые леса и неодолимые горы, на которых лежит небо; льды и снега, которые продышали и растопили русские землепроходцы; степь, в недрах которой дышит реликтовое море; поле, накормившее своими хлебами миллионы; водная стихия русских озёр, рек, морей и океанов, где неслышной поступью прошёл Спаситель.

Эти разные ландшафты породили множество национальных характеров: твёрдых, как камень, текучих, как вода, могучих, как степной ветер, суровых, как русский тёмный лес, ясных, солнечных и открытых, как весенний луг. Империя становится плавильным котлом этого многообразия, из которого возникает слиток, драгоценный, как золото, и прочный, как сталь. Именно в империи сливаются природа и родина, и возникает нечто уникальное — таинственная «природина», без которой человек жить уже не может.

Империя велика и велика, её тело охватили одиннадцать часовых поясов. Империя — былинный Святогор, распротёршийся на земной тверди от края до края: «Одна рука уходит на восток, через великие равнины и реки, сибирские города и озёра, к Китаю, который вздымал свои небоскрёбы, развёртывал могучие армии, выплескивал в мир ступки раскалённой энергии. Другая рука уходит на запад, касаясь готических храмов, великих европейских столиц, священных камней, которые веяли красотой и вечной распрей, предвестницей войн и нашествий. Его ноги протянулись к Ирану, к зелёным изразцам и зеркальным мечетям, к атомным центрам и танкерам, плывущим в горячих водах. Его голова покоится на подушке полярных льдов, под радугами негасимых сияний».

Но имперское пространство шире географического. Империя живёт и в метафизическом пространстве, где тоскует она по когда-то отсечённым землям, где в живую плоть, как гвозди распятия, вбиты пограничные столбы. Империя стонет, её мучают фантомные боли.

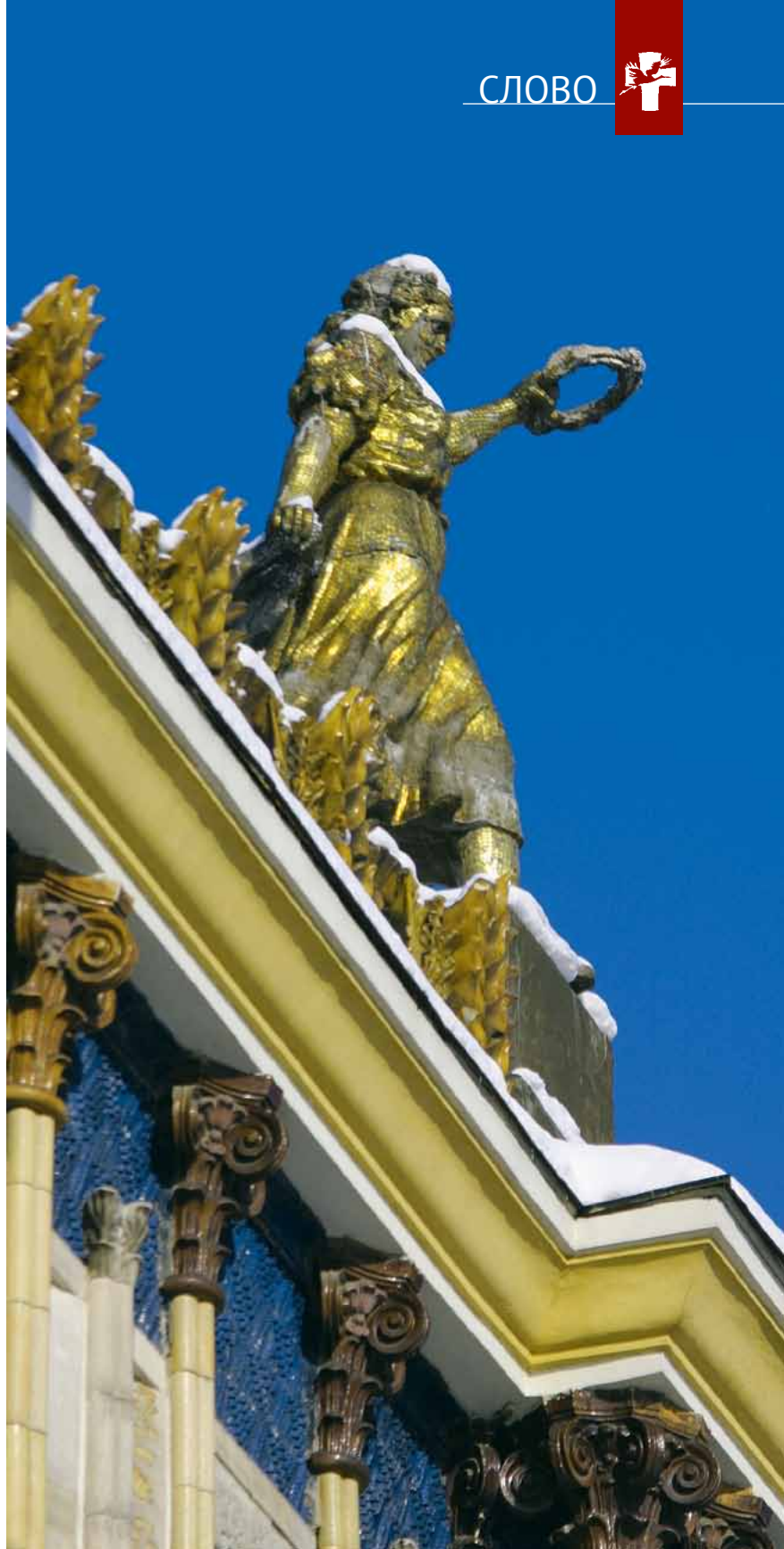
Метафизическое пространство империи охватывает собой Русский мир. Мир, где русский язык считают своим, где русская культура нужна, как хлеб и воздух. Мир, где из одного истока вышла полноводная река, рассечённая теперь плотинами и насыпями.

Нет тяжелее периодов в нашей истории, когда «империя сворачивается в свиток». Но тогда в светлом храме солдаты империи обращаются к иконе Богородицы «Утоли моя печали». На ней Младенец разворачивает заветный свиток, надпись на котором гласит: «Суд праведен судите, милость и щедроты творите кийждо ко искреннему своему; вдовицу и сира не насильствуйте и злобу брату своему в сердце не творите». В этих словах воплотилась Божественная правда и справедливость, которую русская империя несёт всему миру. И тогда каждый солдат империи даёт перед иконой обет: «Я воскрешу былые времена погибших царств и рухнувших империй».

И третье — самое обширное — имперское пространство — мессианское. Пространство тех стран и народов, за которые Россия несёт историческую ответственность, которые она всегда берегла под своим крылом, укрывала от бед и напастей. Потому нынешние сербы говорят, что в России им тепло, как в церкви. Потому нынешние грузины признаются, что Грузия — это ребенок, выпавший из лона матери-России, ему холодно и страшно, он плачет, оттого что вновь хочет обрести покой.

В мессианском пространстве непоколебимо стоят памятники русскому солдату и православные храмы. Это пространство, к которому тянется и Европа, и Азия, созидавая единое Евразийское бытие. Оно ищет свои исторические, экономические и духовные скрепы. Географические границы преодолевает русская Патриархия, окормляя свои зарубежные приходы. Географические границы преодолевают русские добровольцы, сражающиеся в Новороссии так же самоотверженно, как сражались наши предки на Бородинском поле и на Мамаевом кургане.

Так, через время и пространство, русский народ прокладывает пути навстречу братьям и единомышленниками. Это движение сложнее восхождения на горные вершины и погружения в толщу воды. На этих путях концентрирует-

ся вся русская энергия. Это пути ликования и плачей, пути упорства и смирения, битвы и созидания.

Но главными спасительными путями становятся пути небесные, по которым ведёт Христос Россию через времена и сроки только в Ему ведомом направлении. К этому крестному ходу присоединяются те, кто мечтает созидать великую Родину, пребывать в мире и благоденствии.

Стиль «Империя»

В июне 2014 года эта тема обсуждалась на одном из заседаний Изборского клуба в Санкт-Петербурге

Георгий ПОЛТАВЧЕНКО,
*губернатор
Санкт-Петербурга:*

— Я рад, что оказался в кругу единомышленников. Мы можем расходиться в каких-то вопросах, но в главном, что касается российской державы, её славной истории, культуры, ценностей, мы мыслим согласно. Наши учителя — это русские мыслители

Николай Бердяев, Иван Ильин, Георгий Федотов. Их работы — единый фундамент для тех, кто считает себя государственным, кто переживает за судьбу нашей страны, не мыслит себя без России.

Наш город считается самым европейским городом России, но в то же время по сути своей — это глубоко русский город. Такие

качества, как жертвенность, чувство долга, служение, которые, по словам Ивана Ильина, присущи русскому народу, характерны жителям Петербурга, может быть, больше, чем каких-либо других городов России. Потому что наш город создавался по ходу могучего движения русской державы к морю — на исконно принадлежащие ей земли. И он создан

снабжения армии и флота вооружением и личным составом – сохранились.

Ленинград был одним из важнейших военно-технических центров Советского Союза. И даже когда во время войны часть производственных мощностей была переведена на Урал, город сохранил большое количество оборонных предприятий, закрытых НИИ, КБ, технических вузов и военных академий и училищ. И техническая, и военная интеллигенция служит России. Во многом благодаря этому большая часть жителей нашего города сохранила в себе «ген государственности».

Какие сильные черты необходимо сохранить и привить современной государственности? Я бы прежде всего назвал чувство долга и силу служения. Считаю, что людей, лишённых чувства долга и не исполненных силой служения, не должно быть во власти.

Вторая имперская черта, характерная для нашего города и сохранившаяся до наших дней, имеющая колоссальное значение для современной России, – это навыки мирного сосуществования народов. По темпам роста миграционных потоков из республик бывшего СССР наш город является одним из лидеров в стране. Конечно, есть определённое напряжение, были резонансные преступления, слава богу, они не привели к таким выступлениям, как на Манежной площади. Городская власть и правоохранительные структуры работают, контролируя ситуацию в городе. Мы направляем в Федеральный центр законодательные инициативы, чтобы ужесточить борьбу с нелегальной миграцией, бить рублём по работодателям, которые используют труд нелегалов, выдвигаем инициативы, чтобы активизировать привлечение

в рамках того, что Александр Андреевич Проханов называет мобилизационным проектом. Петербург – это важнейшая часть того грандиозного мобилизационного проекта, который реализовывал Петр I, создавая реальную державу. И с момента своего основания до падения Российской империи Петербург формировался не только

как столица: на протяжении двух веков он и отстраивался как служивый город.

Петербург вырос из институтов управления, вокруг имперской власти, причём власти сильной. Эта власть раздвинула пределы нашей державы во все стороны света.

И традиции служения, особенно военного – по части

рабочих рук из соседних регионов, из близких нам по культуре государств. Создали Комитет по миграционной политике и межнациональным отношениям в составе правительства. Все эти шаги дают эффект именно потому, что традиции мирной жизни закладывались в столице ещё со времён Петра I, и они дожили до наших дней.

Недавно Изборский клуб опубликовал аналитический доклад «Линии раскола в российском обществе», где говорится, что негативные эффекты от миграционных процессов в России могут смягчаться специфически для русской цивилизации обстоятельствами. В том числе таким историческим бэкграундом, как этническая и религиозная терпимость. И этот бэкграунд у нас весьма немал в городе. У нас самая большая в северной Европе мечеть, наверное, единственный на этой параллели буддийский дацан, в нашем городе работает межпарламентская ассамблея СНГ. 311 лет города — это 311 лет

существования вер и обычаев в единой традиции. Религиозные праздники разных конфессий мы отмечаем с равным уважением. На примере нашего города можно увидеть воплощение популярной в Европе идеи мультикультурализма.

Имперской идее в нашем городе на протяжении двух столетий было подчинено всё, включая внешний облик города. Петербург научился воздействовать на людей так, что, попадая в город, приезжие быстро приобретают черты петербуржцев. И у нас, как и везде, мигранты стараются селиться компактно, создавать анклав. Но красота города вызывает у людей желание приобщаться к петербургской культуре, чувствовать себя не абстрактными гражданами мира, которым всё равно, где жить, а быть именно жителями нашего города.

Не случайно Николай Бердяев включал в понятие нации не только предков, но и камни церквей, дворцов и усадеб, рукописи и книги. Петербург,

который сохранил уникальный по размеру и подлинности исторический центр, можно считать самым национальным городом России, и задача сохранения имперского наследия, воплощённого в камне, я считал и считаю одним из главных приоритетов в работе правительства города.

Мы запустили программу сохранения исторического центра. Инициировали введение в России новых значительных штрафов за нарушение требований охраны предметов культурного наследия. А также изменили систему отношений с градозащитниками. Ранее власть старалась с ними не общаться, а мы включили их в состав наших рабочих органов по сохранению культурного наследия Санкт-Петербурга. И уже вместе с ними сегодня выигрываем суды у тех, кто пытается уродовать и разрушать исторические здания. Потому что сохранение этих зданий, облика города — это сохранение нашей национальной идентичности.

Либералы могут навязать самое жуткое представление о Российской империи как о чём-то отжившем и страшном. Но это представление разрушается, если человек на катере пройдёт по Неве, прогуляется по Невскому проспекту и увидит ту красоту, которую оставила Российская империя, построенная нашими предками.

И отсюда ещё одна черта, которая многое определяла в Санкт-Петербурге и которую хотелось бы сохранить: империя не должна дистанцироваться от культуры и пускать её развитие на самотёк. Ради блага самой же культуры! В каких-то областях, например, архитектуре и градостроительстве, это может быть прямой диктат. Петербург никогда бы не стал Петербургом, если бы он не строился по единому плану, который утверждали первые лица государства. Не градоначальник, а первые лица государства! И план воплощался в жизнь под их строгим контролем. Пётр Великий лично утверждал эскизы всех первых каменных фасадов Петербурга. Лично император находил время этим серьёзно заниматься.

В других сферах, думаю, власть должна поддерживать те формы, которые она считает полезными для общего блага и для успешной реализации своего мобилизационного проекта. Такой подход — это не введение цензуры, а выстраивание определённой культурной политики. Государство не должно запрещать творчество людям, которые стремятся к самовыражению, не нарушая действующее законодательство. Но власти не обязаны финансировать все их творческие поиски. А мы обязаны заботиться о наших культурных бастионах: Эрмитаж, Мариинский театр, Большой

драматический театр. И должны поддерживать творчество, которое хранит, развивает и приумножает традиции нашей великой культуры.

Вопреки распространяемому мнению, будто мы не разрешаем проведение каких-то культурных мероприятий, состоялись все спектакли и все выставки, которые якобы были запрещены правительством города. Естественно, мы не оказывали и не будем им оказывать помощь и поддержку. Но мы не запрещаем, а просто заявляем о своих приоритетах.

Мы должны сохранить и воссоздать яркий образ империи. На одном из своих выездных заседаний Изборский клуб поддержал идею создания Музея СССР. А я хочу вынести идею создания интернет-музея Российской империи — создать единое информационное пространство. Портал, связанный с историей. Он должен быть местом, где оживут герои, которые строили нашу империю, карты их походов, оружие, мундиры, документы, что они писали или подписывали. Рассказы о славных делах, книги, фильмы, на которых мы, например, воспитывались в своё время. И каждый гражданин нашей страны мог бы узнавать историю своей великой родины и гордиться ею.

Мы не знаем, кто и когда будет осуществлять мобилизационный проект, но они должны говорить на одном языке, а для этого должны знать историю: «откуда есть пошла Земля Русская», как создавалась наша великая страна.

Наша страна сосредотачивается и возвращает то, что было бездумно утеряно. Это объединяет людей разных политических взглядов, потому что даёт чёткое понимание своей принадлежности к великой нации, к великой империи.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
доктор философских наук,
исполнительный секретарь
Изборского клуба:

— Изборский клуб возник на гребне смены эпох. И для всех нас сама возможность объединиться — знак того, что мы устояли в очень сложную эпоху и можем предложить альтернативу той доминирующей идеологии, которая пришла в нашу страну в конце 80-х — начале 90-х годов и господствовала в течение этих десятилетий. Изборский клуб в эти полтора года после своего создания фактически разрабатывал своего рода резервную идеологию для власти.

Тема «творчество империи» является ключевой для Изборского клуба, потому что нам сегодня необходим миф империи. (Александр Андреевич это называет Пятой империей, мы в Русской доктрине назвали это пятым историческим проектом России.) Почему миф? Не потому, что это какая-то сказка, мечта. В теории систем есть понятие «аттрактор» — это то, чего ещё нет, но что угадывается, это будущее, которое притягивает к себе настоящее.

Миф Пятой империи для нас является живым символом того, к чему мы стремимся. Какие характерные принципы будут присущи Пятой империи? Они, с одной стороны, будут чем-то небывалым, а с другой стороны — это собирание тех сильных черт предыдущих империй, которые либо были утрачены нами, либо не вполне действуют и их надо восстанавливать. Эти два потока — творчество чего-то нового и собирание того, что утрачено, но для нас ценно, — и создают империю.

На мой взгляд, в XXI веке в России будет воплощён некий кентавр ортодоксии и инновационного подхода, с одной сто-

роны, традиции высокого духа и, с другой стороны — новые высокие технологии. Этот «кентавр» и будет образом новой Российской империи.

Есть ключевые константы, что пронизывают российскую историю. Главная наша константа, на мой взгляд, — это сам народ, образ народа русского, как он уже проявился в истории. Великие народы не похожи друг на друга — у каждого свой способ того, как он идёт в мир, как интегрирует другие культуры, этносы, веры...

Некоторые народы, такие как финикийцы, евреи, склонны к торговой колонизации. Другие, как немцы, когда объединяли другие земли, были склонны к мирному апартеиду — разделённому существованию господ и колоний. Англосаксы — классика сепарации, когда сосуществовали два разных мира. И когда разделение на рабов и господ становилось драматичным, англичане, в частности, лорд Маколей, предложили выращивать в колониях элиту по образу и подобию английской: индусы по образу англичан.

Совсем другой подход русского народа к данному вопросу. Это проявлялось и в государственной политике. И дух народа в Пятой империи должен выйти на новый виток своего развития и вновь показать свою мощь и силу, потому что этот дух востребован в России и в мире.

Что востребовано из нашего прошлого? Из Московской Руси, например? Симфоничность. Это главная идея того периода, которая не до конца сегодня актуальна, не вполне реализована. Была симфоничность царя и земского начала. С другой стороны — это симфония духовной и политической власти. А такая симфония интересна не только сама по себе, но и как проекция симфонии

веры и знания. Гармония веры и знания сегодня нам необходима, в том числе когда возобновляются споры о значении веры и религии, о значении волевого начала в политике, культуре, общественной жизни.

Безусловно, востребована из нашего прошлого идея Третьего Рима, в которой был воплощён особый проект будущего общества. Русский народ всегда был склонен к утопичности, мечтам о Беловодье, о земном рае. Третий Рим был реалистичным проектом построения бастиона правой веры среди бушующего мира. Это наследие, которое нам надо брать из московского периода, поскольку оно не может устареть. Исторически Россия показала себя как империю, способную удерживать мир от большого глобального зла, обуздывать это зло. Это и есть идея Третьего Рима.

Если говорить о петербургской романовской империи, то мы возьмём оттуда в будущее принцип служения, который был продемонстрирован Петром Великим, пророс через тот период и стал одним из его главных принципов. Ценно для нас и то отношение государства к территориальной целостности страны, которое тогда было воплощено, — оно представляется сегодня более органичным, чем позднейшие попытки построить новые схемы федеративного устройства. Это не значит, что надо возвращаться к старому. Но надо эти два опыта соединить, взяв оттуда сильные стороны. Потому что принцип унитарности не был линейным, это не было превращение всех народов и культур во что-то единообразное. А был сложный синтез, дифференцированный подход к разным народам, культурам. Но при этом он не спекулировал на теме самоопределения народов.

Есть сильные стороны советского периода, которые нами утрачены и которые надо возрождать. Из всех прошлых эпох именно советский период в наибольшей степени искажён, опорочен, и он должен возвращаться во всей своей правде и полноте.

Пятая империя — это прежде всего правильные, здоровые способы рекрутирования элит. Всякий раз, когда возводилась новая империя, производилось такое рекрутирование. И это должно произойти сейчас, потому что мы находимся на гребне смены эпох.

Николай СТАРИКОВ,

лидер партии

«Великое Отечество»:

— Империя — это многонациональное объединение, многонациональное государство, и никакой отрицательной нагрузки ни в этом термине, ни в истории Российской империи никогда не было. Не случайно враги государства, которые, как у любого мощного государства, всегда были, есть и будут, постарались опорочить идею империи России в любой форме. В форме монархии, в форме Советского Союза, где существовала по сути монархическая, присущая русскому духу форма правления. Как бы ни называлась должность руководителя страны — царь-батюшка или генеральный секретарь, президент, — русские люди воспринимают главу государства как царя.

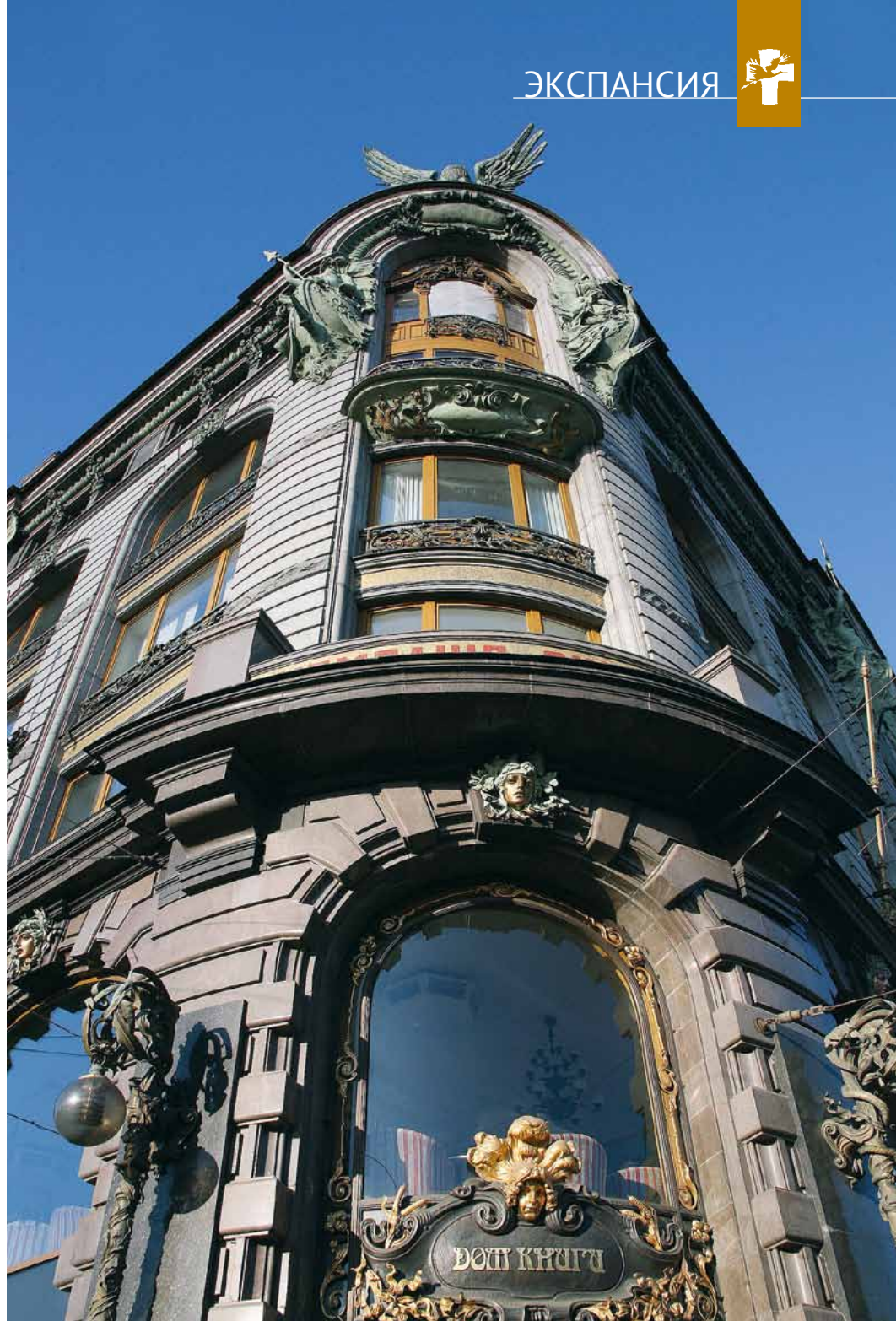
Империя многонациональна. Наполеон Третий сказал: империя — это мир. После того как Российская империя, Советский Союз были разрушены, нашу землю покинул мир. Император Николай Первый говорил: «Там, где российский флаг был когда-либо поднят, он не должен быть спущен». В 1991 году из-за предательства нашей эли-

ты государственный флаг был спущен в самой России, а также во многих частях нашей многонациональной империи. Итоги печальны.

Сегодня — эпоха русского возрождения. Восстановления нашей духовной мощи, военной, экономической мощи. И противник пытается помешать этому восстановлению. Не только в духовной сфере, но экономической, вводя санкции, тормозя экономическое развитие, и в геостратегической области. Это мы и наблюдаем на Украине. Противники восстановления русского мира понимают, что его восстановление без Украины невозможно. Поэтому на Украине был совершён государственный переворот, к власти приведены русофобские фашистские силы, чтобы максимально оторвать Россию от Украины.

Нужно выработать тактику преодоления искусственно создаваемых противником препон, чтобы Русский мир мог объединиться. Украина формируется как националистическое государство — потому что главная задача создания такого националистического государства: уничтожение русского духа, уничтожение там части России, части Русского мира и создание нового государственного формирования, которое будет противопоставлено России по всем параметрам — по историческим, политическим, чтобы создавать искусственный конфликт в Русском мире. Интеллектуальная элита нашей страны должна делать всё, чтобы восстановление имперской мощи нашей страны происходило быстрее. Поэтому задача — продумать облик будущей российской государственности, который не является предметом какого-то отдалённого будущего, оно создаётся сегодня. Любое восстановление,

любая конструкция создаётся сначала как мыслеобраз. Она сначала должна быть продумана, создана в голове, и после этого начинается её реализация в материальной сфере.

Интеллектуальная элита должна воспевать важные параметры восстановления Русского мира. В первую очередь — сильное государство и в военном отношении, потому что это актуальная необходимость для выживания русского народа и рус-

ского мира. Воспевать русский мир во всём его многообразии — весь спектр народов, народностей, которые создают бриллиант русской государственности. Нужно ставить перспективы, задачи, рисовать будущее, которое мы хотим видеть. И нужно пропагандировать, освещать информацию о тех площадках, как, например, Евразийский и Таможенный союз, на которых наша государственность должна развиваться дальше.

Валерий КОРОВИН,
*член Общественной
палаты РФ, директор
Центра геополитических
экспертиз:*

— Я хотел бы остановиться на развенчании расхожих мифов, касающихся нашей империи, русской и Российской империи. Первый заключается в том, что империя, которую выстраивала Россия на нашем континентальном пространстве, подобна империям западным и что колониализм является неким кровожадным проявлением русской экспансии, выраженной в шовинизме. Но само понятие «империя» существует в двух определениях — это морская империя и сухопутная империя. Морская империя действительно основана на принципах колониализма. В центре её находится метрополия, которая захватывает колонии и эксплуатирует их, выкачивая оттуда все возможные ресурсы.

Сухопутная империя строится по иному принципу. Это центр и периферия. И реализует она обустривающий принцип — центр всегда обустраи-

вает периферию, вкладываясь в неё, развивая её подчас даже в ущерб собственным интересам, и в этом сухопутная империя, наша, русская империя всегда отличалась от западного колониализма. В этом — русская миссия: нести своим окраинам, присоединённым перифериям свет культуры, процветания и развития.

Империей, особенно нашей, русской империей, часто пугают. Хотя «империя» — это технический термин, который выражает лишь форму государственного устройства. Так же, как существуют государства-нации, которые сложились в ходе исторического развития европейского пространства, существуют и государства-империи. В определении немецкого юриста и социолога Карла Шмитта империя являет собой не что иное, как стратегическое единство многообразия. Государство-империя отличается от государства-нации.

Государство-нация пытается гомогенизировать своё пространство, помещённое в жёсткие административные границы, создать унифицированное со-

циальное пространство, то есть всех атомизировать и загнать в жёсткие регламенты и строгие рамки.

Совершенно по иному принципу строится государство-империя. Имперский центр отвечает исключительно за вопросы безопасности и за то, чтобы империя не распадалась, а наращивала свои масштабы, влияние. Бытовой уровень, внутреннее устройство, уклад, культурный формат жизни, сложившийся в тех или иных пространствах большой империи, отдаётся на откуп народов, этносов, народностей и тех территорий, которые в империю входят. Имперский центр — центр сухопутной империи — не регламентирует жизнь, быт и уклад своих жителей. Он следит исключительно за глобальными вопросами. И это отличает государства-империи от государств-наций.

Сухопутная империя — это империя народов. Она мыслит крупными категориями, то есть субъектом государства-империи является не атомизированный гражданин и индивидуум, а целый народ, автономия, община,

любая коллективная субъектность, то, что русский мыслитель Николай Трубецкой определял понятием «общеевразийский национализм». Он отличается от национализма европейского, национализма государств-наций тем, что субъектом этого национализма является коллективное образование, коллективный субъект – народ, этнос, община. В отличие от Европы, где гражданин есть мера всех вещей. Наша империя – это империя народов, империя плюральная, допускающая всё культурное, этническое многообразие укладов и быта. Она даёт полную свободу народам на самоопределение, исключая самоопределение в качестве национального государства.

Пульсируя, наша империя всякий раз превосходит предыдущие свои масштабы, предыдущие границы. Законченные формы наша империя, евразийская империя народов, демократическая, плюральная империя свободы самовыражения и самоопределения достигнет тогда, когда её границы совпадут с границами Евразийского континента. Это задача действительно масштабная, и она соответствует масштабу русской идеи. Русский народ настолько велик, что не довольствуется локальными задачами, проектами и идеями. Вот построение континентальной империи, совпадающей своими границами с границами континента, есть задача, соответствующая русскому масштабу и русской действительности.

И это будет империя справедливости, гармонизации и обеспечения глобальной безопасности. Империя народов, но и империя царств, которая вполне может включить в себя, например, Иранское царство, Турецкое царство или Индийское царство, совершенно не пре-

тендуя на вмешательство в быт, уклад, жизнь простых людей, не ассимилируя, не поработав эти пространства, а гармонично включая их в систему нашей общей глобальной безопасности, справедливости и гармонии.

Эта идея большой империи, Евразийской империи вполне может выступать в качестве цели для формирования новой имперской российской идеологии, мобилизующей не только русский народ, но и все народы Евразийского континента на созидательный труд по противодействию тому беззаконию и несправедливости, которые царят сегодня в мире.

Александр ПРОХАНОВ:

– Развиваясь по вертикали, империя достигает Царствия Небесного.

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ,

доктор политических наук:

– Существуют империи, условно говоря, вертикальная и горизонтальная. Горизонтальная – стремящаяся к расширению для обеспечения сугубо практических нужд обеспечения жизни метрополии. Это через морское пространство и сухопутное может осуществляться. Империя вторая – это смысловая империя, утверждение цивилизационного или просто смыслового проекта с определёнными целевыми установками. Чем был Советский Союз в отличие от колониальных империй Запада. Но империя – это всегда объединение под единым началом разнородного. И в этом отношении это некая архитектура, некое здание, это продукт творчества, продукт созидания. И это здание – одно из важнейших характеристик – требует безлакунности, потому что здание не будет держаться, если в нём пустота и оно не соединено ничем. То есть должна быть равно-

ценность периодов и соразмерность этажей. Потому что если мы исключаем этаж XX века в форме советского периода и не находим в себе интеллектуальной готовности видеть в этом восходящую ступень развития, то мы ослабляем прочность этого здания в будущем и ставим под сомнение следующий шаг: является ли он шагом вперёд и ввысь. А во-вторых, мы даём возможность ценности и символы того периода, что пропущен, использовать для разрушения всего этого здания. Если из строительства империи исключить пафос созидания октябрьского периода, мы отдаём этот пафос тому, кто начнёт разрушать это здание.

И что соединяло периоды? Культура и творческое начало созидания. Само создание Петербурга – акт творчества. Культура часто понимается как совокупность произведений искусств и развлечений. Но культура – это, прежде всего, система запретов и система производства базовых латентных образцов социального и политического поведения. Это не означает ограничение свободы, потому что свобода цивилизованного человека – в принятии запретов, а не в отказе от них. Культурный цивилизационный человек и страна знают, что можно, а что нельзя. А дикость не знает ограничений.

Очень важна такая категория, как культурный суверенитет нации. Это право каждого народа жить в соответствии с теми нормами, ценностями, значимыми образцами поведения, которые принимаются народом. Эти образцы всегда выше каких-нибудь предлагаемых универсалистских начал, диктуемых извне. Второе – это право каждого народа и государства пресекать распространение тех образцов, которые разрушают базовые

ценности данного общества. И третье — это право противодействовать распространению и продвижению культуры, опасной для политического суверенитета страны.

Империя не может существовать вне экспансии. Это характерная черта этой формы, она на этом живёт. Вопрос: это экспансия чего? Экспансия разрушения, или это экспансия сохранения в условиях угрозы разрушения, или экспансия созидания. Для нас приоритетными являются две последние.

Россия сегодня — последний бастион классической европейской культуры, и, возможно, миссия России и миссия её державного характера — это защита и сохранение классической культуры от той тенденции постмодерна, которая идёт сейчас в мире. А также соединение прошлого и инновационного будущего. То есть необходимо сохранить эту культуру и создать новое, но в обход разрушительной энтропии общества потребления и массовой культуры. Нужно использовать наш опыт, интегрируя всё то великое, что было создано, и всё то смысловое и сакральное стремление ввысь, которое было присуще культуре русских цивилизаций.

Александр ПРОХАНОВ:

— При создании империи русское мессианство, которое всегда заключалось в бремени имперообразующего народа, должно быть делегировано и всем другим народам. И идея о том, что каждый народ является имперообразующим, выведет их из катакомбной стадии и сделает их ответственными за империю в целом. Поддерживать над собой часть имперского неба — это задача и татарина, и башкира. Это огромная синтезирующая миссия. Все народы новой империи — имперообра-

зующие, нет инородцев в этом смысле.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— С этой идеей созвучна и рифмуется идея отказа от того, чтобы те или иные народы считали себя коренными лишь на своей территории. Они коренные везде, по всей России, и тогда отпадёт необходимость в инициировании и педалировании национальной автономии, идеи, в сущности, вредной для России. В то же время мудрый подход предполагает, что массы людей внутри империи не должны без особой нужды переселяться с места на место.

Александр НОТИН,

руководитель культурно-просветительского сообщества «Переправа»:

— Источником имперского творчества является власть, а также интеллектуальные элиты и сам народ, который порождает власть, порождает элиты, является образующим всё и вся. Как каждый человек имеет свой путь, и его задача нащупать этот путь не только в измерении мира вещественного, зримого, но и мира невещественного, незримого, и в этом смысл его существование на земле, так и каждая нация, каждый народ тоже имеет свой путь. Из века в век, из поколения в поколение он предпринимает попытку этот путь нащупать. И движение нашей имперской судьбы проходило от эпохи к эпохе, от войны к войне, от поражения к победе. Ныне — важный момент синтеза новых смыслов.

Интеллектуально мы продвинулись в понимании имперской судьбы, имперского строительства, а с точки зрения практики, собирания новых сил, именно собирания, а не объединения, мы пока далеки от необходимого. Нужно объединение патрио-

тических сил и преодоление разрухи в патриотическом движении. Мы накопили огромный опыт, создали немало серьёзных патриотических организаций, а единого стержня нет.

Суть строительства нового общества — соединение духовных и земных начал. Нужно, чтобы новая формация имперских созидателей сыграла роль стержня, который бы позволил достичь согласия. Без синтеза религии и прогресса, веры и науки, человека и Бога новая имперская модель создана быть не может. Имперское строительство должно идти как сверху, так и снизу: и от власти, и от народа.

Максим КАЛАШНИКОВ,

писатель, футуролог:

— Не нужно отключать русский великодержавный национализм от строительства империи. При этом нужно «отключить звук» у крайних националистов. Что они говорят? «Империя — это засилье бюрократии, это то, что подавляет народное творчество. Наша альтернатива — это народное самоуправление, небольшие, аккуратно устроенные государства».

Но надо предложить наш концепт национально-футуристической империи, империи, опирающейся на сильное местное самоуправление. Этот вариант содержится в той сокровищнице, которая называется «русская история». Империя Ивана Грозного опиралась на сильную бюрократию? Ничуть! Она опиралась на сильное местное выборное самоуправление, которое выбирало себе силы поддержания порядка, собирало налоги, занималось делами своих городов и весей. Иван Грозный был отцом гражданского общества в России.

Теперь опять пришло время поднять идею сильного местного самоуправления. Это сразу отре-

жет многие силы наших противников, выбьет оружие из их рук. В новой империи центр должен больше отдавать полномочий не столько регионам, сколько муниципалитетам. Тем самым мы сразу решаем проблему этнократии, потому что при местном самоуправлении правит большинство населения с помощью развитых систем народовластия.

Наша новая империя должна быть построена на идее футуристичности. К прошлому относимся с уважением, но понимаем, что воспроизведения прошлого не может быть. Мы должны сознательно создавать новую цивилизацию. Нельзя возрождать старое. Да, российская империя была прекрасна, и при Сталине

были сохранены все русские ценности духовные. Но сейчас воспроизвести империю XIX века невозможно.

Становыми проектами новой империи должны быть прорывные проекты – города будущего, человек будущего, образование будущего, индустрия будущего. Скоростная транспортная сеть, которая сошьёт новую Пятую империю.

Сила всех русских империй в том, что они в своё время могли творить будущее. Иосиф Виссарионович Сталин, создатель империи, ставил на футуристические тогда проекты, он смело шёл в будущее. И русские цари создавали будущее. Нам этому нужно научиться.

Без новой индустриализации, без отказа от сырьевой модели, без строительства заводов мы не выживем.

Нам надо создать футуристическую индустриализованную силу, чтобы под нашими традиционными духовными ценностями была сильная научно-индустриальная футуристическая подпорка. И только на пути смелого творчества мы сможем создать новую империю.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ,
доктор физико-математических наук:

– Будущее надо соединить с настоящим и прошлым. Что такое уникальная самодостаточная цивилизация Россия? Это, пре-

жде всего, люди. Чтобы страна существовала, нужно единство слова и дела. Крым вернулся в состав России. Казалось бы, крымский импульс должен быть употреблён организационно и на всех иных уровнях. Но бюрократические препоны огромны. Академия наук решила создать крымский научный центр. Но никакой поддержки ни на одном уровне! Очень важно, чтобы высокие слова, которые говорят на всех уровнях, были подкреплены конкретными делами и решениями. Как же можно развиваться без науки и образования?

Чем отличается успешное государство? Толстой говорил о семьях, которые все счастливы одинаково, а несчастны по-своему. А с государствами наоборот: все успешные государства успешны по-своему и все несчастные одинаковы. А в чем они несчастны? Есть чёткая грань: вот это мы, а это они,

вот это элита, а это мы, и «мы» никак не можем достучаться до «них». Важно, насколько эта элита, власть может использовать творчество, энергию народа. Насколько она доверяет народу, насколько ставит разумные задачи перед ним и решает эти задачи.

Элита должна поверить в талант, силу собственного народа, а народ — в элиту. Это и будет русское чудо.

Олег РОЗАНОВ,
предприниматель,
руководитель
аналитического центра
«Копьё Пересвета»:

— Чтобы говорить о творчестве империи, надо ответить на вопрос: в чём состоит эсхатологическая миссия русского государства, русской цивилизации? Мне кажется, наша всемирная миссия состоит в том, чтобы мы построили империю. Но империю не в рамках государственно-территориального

образования, а в рамках морально-нравственных норм — империю духа. В своё время, когда Столыпин сказал: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия», монархист Марков ему из зала заявил буквально следующее: «Это вам, Пётр Аркадьевич, нужна великая Россия, а нам нужна Святая Русь».

Опять противопоставление! А в чём? Его же нет! Нам сегодня всем нужна великая Святая Русь, империя, которая построена на традиционных принципах русского уклада. Потому что русский народ — народ богоносный, вся наша история это доказывает: мы всегда останавливали зло, о русский рубеж зло всегда разбивалось, мы спасали цивилизацию от сползания в крайние челоуеконенавистнические формы, истребляющие лучшее в человеке.

Формирование нынешней России должно строиться на

саксонской модели, ведущей мир к краху, – русская модель. И это для наших геостратегических противников является краеугольным камнем. Они должны его, то есть нас, сломать.

Бенджамин Франклин говорил: либо вместе боремся, либо висим по отдельности. Вот сейчас и русская цивилизация должна решить: мы либо вместе боремся против угроз, либо... Другого не дано.

Константин ЧЕРЕМНЫХ,
эксперт Изборского клуба:

– Очень естественно, что в Петербурге бытует многонациональный мир, ведь строительство города осуществлялось людьми разных культур, которые были собраны единой государевой волей. И это – именно имперское свойство. Люди разных культур развивали культуру и в результате сами становились частью этой культуры. В итоге образуется среда, в которой невозможно поступать, попросту исходя из свободного рынка, без регулирования государства.

Нужно прежде определить, что есть добро и что есть зло для общества, и только потом строить политику экономическую, социальную.

Сейчас по-настоящему решающий момент не только для России. Я не представляю другой цивилизации, кроме России, которая была бы антитезой того, что сейчас разваливается и называлось «новым мировым порядком».

Александр ПРОХАНОВ:

– Между обществом и государством действительно существовал и существует некий овраг, но сейчас через него перекинут Крымский мост, и удержание этого моста является гигантской насущной задачей как общества, так и власти и государства. Крымский мост сегодня – это

и есть государство, а враг очень хочет его взорвать, и вокруг этого моста мы должны создать оборону.

Русская история – это история русских империй. Сейчас наступает время Пятой империи. Империя – это синтез народов, культур, верований, потенциалов, соединение этих потенциалов не арифметически, не линейно, а на другом, более высоком уровне, который создаёт многократно усиленный эффект отдельно взятого народа. И этот эффект потом возвращается каждому народу из имперского центра. Внутри этой империи по-прежнему должен гореть огонь справедливости. В Советском Союзе эта справедливость называлась социальной, ей не хватало трансцендентной составляющей, в новой империи эта справедливость должна носить божественный универсальный характер, устанавливающий справедливость не только между человеком и человеком, человеком и государством, но и между государством и машиной, между машиной и природой, между машиной и цветком или звездой небесной. Всё это будет дышать, жить и плодоносить, если во всё будет внесена идея развития, рывка, идея мобилизационного проекта. Целеполагание этого развития в ближайшей перспективе – то, что мы должны ответить на страшные угрозы. С арктического направления, с европейского, с других. Для этого нужны супертехника, супертехнологии. Нужно, прежде всего, русское оружие. А его создание невозможно без создания новых заводов, новых производств.

Георгий ПОЛТАВЧЕНКО:

– Спасибо всем за участие, очень интересным и познавательным был разговор, на некоторые вещи я посмотрел с иной точки зрения, чем была. И надеюсь, что наши встречи продолжатся.

большом глобальном деле, проекте. Определив этот проект, мы сможем выстраивать наше государство, выстраивать идеологию.

Но нашему правящему классу трудно выстраивать целеполагание, потому что в стране нет идеологии, и 13-я статья Конституции даже запрещает государству иметь государственную идеологию. А без идеологии работать в рамках государственной машины очень сложно. Паисий Святогорец пророчески сказал: может сильно подуть. С Запада сейчас начало дуть сильнее и сильнее, и этот ветер может закончиться сильным ураганом, который сметёт русскую цивилизацию с исторической арены. Мы должны выстроить свою идеологию мобилизационного развития, потому что вопрос стоит о физическом выживании Русского мира, Русской цивилизации. Единственное противопоставление господствующей англо-

Россия управляется непосредственно Господом Богом. Иначе невозможно представить, как это государство до сих пор существует.

Граф Миних

/Коллектив авторов: В.В. АВЕРЬЯНОВ, А.В. ЕЛИСЕЕВ,
В.И. КАРПЕЦ, А.Ю. КОМОГОРЦЕВ, В.М. КОРОВИН,
М.В. МЕДОВАРОВ, А.С. ТУРГИЕВ, К.А. ЧЕРЕМНЫХ/

Всплывающая Империя

Доклад Изборскому клубу под редакцией
В.В. АВЕРЬЯНОВА

1. ОБ «ИМПЕРСКОМ ПЕРЕЛОМЕ» И ЗАПРОСЕ НА ИМПЕРИЮ

Разрушение Советского Союза прошло под аккомпанемент публицистических заклинаний о временности любой империи, о том, что все империи **рано или поздно** разрушаются. Происхождение этого мотива у идеологов и obsługi перестройки не так легко объяснить. В самом деле, что они хотели этим сказать? Ведь факт разрушения империй не опровергает ни того, что они востребованы человеческой историей, ни того легко доказуемого факта, что они являются более долговечными, чем другие политические формы.

Если бы разрушители СССР, взаправду захотели учредить на большей части его территории стабильное и жизнеспособное политическое устройство, то следовало бы вновь выбрать именно имперскую форму.

Может быть, конструкторы антисоветской идеологии почерпнули этот мотив у одного из главных гуру англосаксонской историософии Арнольда Тойнби? Тойнби в «Постижении истории» поражен необыкновенному упорству, с которым «универсальные государства» борются за свою жизнь, как будто они и есть «конечная цель существования», действительно **Вечный Город, Бессмертная Империя**. Тойнби признавал, что трудно объ-

яснимая вера людей в бессмертие их держав, которая проявлялась даже после крушения империй, порой позволяла возрождать эти империи в новой форме, как будто «мёртвая цивилизация и живая связаны между собой сыновне-отеческим родством»¹. Эта вера сродни той, что, по евангельскому слову, движет горами. Не значит ли это, что заклинания о смертности империй в конце 80-х годов были призваны внушить позднесоветскому, а затем и постсоветскому обществу обратные убеждения, так сказать, вакцинировать его от «имперского синдрома»?

Другой мотив, связанный с предыдущим, и имеющий хотя бы

¹ Тойнби А. Постигание истории. М. 1991. С. 485–489.

какую-то внутреннюю логику, заключался в том, что империя как политическая форма в принципе уходит в прошлое, то есть попросту устарела. Действительно, XX век стал веком небывалых антиколониальных и национально-освободительных движений, в результате которых пали ведущие державы-метрополии от империи Габсбургов на Западе до царства династии Цин на Востоке, а затем с мировой карты исчезли колонии Великобритании, Франции и Португалии. В этой оптике СССР мог показаться последним образованием имперского характера, чем-то вроде реликта русского имперского проекта, получившего

за счёт левой революции отсрочку собственной гибели. Такую трактовку нередко можно встретить у неолиберальных публицистов — и теперь уже не только в отношении СССР, но и современной, путинской России, новый консервативный курс которой, как говорят некоторые, призван вновь отсрочить неизбежный и окончательный развал нашего государства, столь для них желанный.

Не в последнюю очередь разрушение СССР рассматривалось политическими элитами британского мира как своего рода «месть» за освободительное движение, которое было спровоцировано социалистическим блоком в его противостоянии с миром капитализма. В настоящем докладе мы приходим к выводу, что **тезис о «конце всех империй» был справедлив по отношению к западным колониальным империям Нового времени**, а потому западные идеологи и учёные спроецировали его и на «восточные» державы. Это была «месть» не только политическая, но и, в некотором роде, методологическая, поскольку западный человек разочаровался в своих империях, убедительно продемонстрировав себе и всему миру свою «имперскую несостоятельность». Так называемый «викторианский синдром», который крайне болезненно переживала британская элита в 60–70-е годы XX века, до сих пор не изжит. К примеру, воссоединение России с Крымом отзывается имперскими фантомными болями (принц Чарльз, встречаясь с Меджлисом крымских татар, декларировал собственное родство с крымскими ханами). Дополнительная фантомная боль провоцируется тем фактом, что Крым не стал-таки яблоком раздора между Россией и Турцией.

Антиимперский и антиимпериалистический пафос коммунистов и социалистов первой половины века был взят на вооружение новыми левыми и неолибералами. До сих пор в представлении западной политоло-

гии, во многом наследующей штампы «революции 1968 года», империя сводится к захвату ресурсов, подчинению слабых государств и ограблению населения. Но на практике «молодежный класс» мобилизуется часто против правительств, старательно внедряющих демократическую модель с разделением властей, в то время как реальные вассальные диктатуры (напр., монархии Персидского залива) получают «иммунитет».

Вместе с тем гипотеза о смертисе империй, этот своеобразный аналог мифа о «конце истории», будучи удачно применённой как инструмент демонтажа восточного блока и СССР, оказалась сама по себе мимолётной. Лишь в 90-е годы идея освобождения от бремени и наследия империи лежала в основе целой волны внешне объективных академических исследований, проводившихся в основном при поддержке западных фондов. Правительствам «переходных экономик» внушалась модель национального государства как естественного воплощения демократии. При этом параллельно происходило конструирование Евросоюза и разворачивались программы партнёрства с НАТО в Восточной Европе, что означало реальное имперостроительство и учреждение «вассалитетов» на освобождённых от советского влияния территориях.

Тем не менее в те годы встречались и откровенные признания со стороны ведущих западных учёных. Так, например, Хью Тревор-Ропер уже в 1993 году, отбрасывая камуфляж, утверждал, что малые нации не могут обладать полным суверенитетом, поскольку так или иначе являются частями имперских систем². Тогда это был один из немногих голосов, затерявшихся в хоре политкорректности и эйфории «конца истории».

В течение одного десятилетия ситуация с трактовками империи сильно изменилась и наметился так

² Trevor-Roper H. Aftermaths of Empire — in: End of Empire. The Demise of the Soviet Union/ed. by G. Urban. Washington 1993. С. 93.

называемый «имперский перелом»⁵. Размытость понимания империи привела и к размытости её критики. Одновременно произошла деконструкция понятия «нации» и производного от него «национального государства». Национальное государство как ориентир 90-х годов, по выражению К. Кейдера, всё больше утрачивало «очарование». Попытки представить понятие империи в виде «воображаемого сообщества» в целом оказались безуспешными. Учёные заговорили о «когнитивном расстройстве» имперских исследований. По выражению Марка Бейссингера, «денатурализация» нации привела к опасности романтизации былого имперского разнообразия, и теперь империя — о ужас! — может занять ставшее вакантным место основополагающего элемента истории⁴.

Объявление о «конце империй» оказалось ничтожным перед лицом истории, и от разговоров об имперском реваншизме всё чаще стали переходить к констатации неустрашимости имперского начала в российской политике⁵. С другой стороны, американская имперская традиция также возрождается, и всё отчетливее звучат голоса о строительстве всеобъемлющей империи

как *однополярного мира*, а не просто абстрактного *global state*. Об этом пишут и противники американской империи, такие как Энтони Негри и Майкл Хардт, и её апологеты, вроде неоконсерваторов Роберта Кейгана и Уильяма Кристола или менее идеологизированный Параг Ханна.

В России наряду с неолиберальной и нигилистической волной существовала и развивалась собственная традиция описания империи. Суть её может быть охарактеризована словами В.П. Булдакова об отказе воспринимать империю как исключение, а не правило всемирной истории или тем более как «дурное прошлое», от которого необходимо открещиваться⁶. К заметным проектам апологетического по отношению к имперскому опыту России характера можно отнести дискуссии в журналах «Родина» (1995–1997 гг.) и «Философия хозяйства» (1999–2005 гг.). Идеологами империи в этом ключе выступили митрополит Иоанн (Снычёв), В.Л. Махнач, Ю.М. Осипов, А.Г. Дугин, А.С. Панарин и др. В наиболее зрелом виде неоимперский подход проявился в работах второй половины нулевых и последующих годов⁷.

Один из пороков постмодернистских подходов к истории заключался

в том, что историки этой генерации зачастую игнорировали глубинные, свойственные коренному большинству населения той или иной страны установки и предпочтения и сосредотачивали свои исследования на наиболее заметных «пограничных» меньшинствах. Такой подход был выгоден для тех сил, которые рассматривали научный и концептуальный анализ не как средство подлинного понимания объекта, а как поиск и конструирование наиболее эффективных способов манипуляции объектом, в том числе его разрушение.

Именно стремлением найти идеальный способ манипуляции и разрушения объясняются многие структурные исследования империй, в том числе Российской империи и СССР. Вычленение слабых мест, уязвимых сообществ, тех меньшинств, которые склонны к поддержке процессов политического разложения и распада, конструирование протестной субъектности даже тогда, когда она носит явно искусственный характер, — вот фирменный стиль этой манипулятивной империологии⁸. Сработав в 80-е годы в восточном блоке, метод разжигания межнациональных конфликтов был спроецирован и в прошлое (историю Российской империи),

⁵ Он отразился в большом количестве работ о России, таких как: Wortman R. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton: Princeton University Press, 2000; *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire*/Ed. by Kimitaka Matsuzato. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007; *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*/Ed. by J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington: Indiana University Press, 2007 и мн. др.

При этом в России неспроста в то же самое время продолжают развиваться разработки, призванные объяснить «отмирание» империи становлением «наций» и предупредить против опасностей, сопряжённых с возрождением имперских комплексов: сборники российско-американского журнала «Ab Imperio»; Миллер А. *Империя Романовых и национализм*. М., 2006; *Западные окраины Российской империи*/Под ред. М.Д. Долбилова и А.И. Миллера. М.: НЛО, 2007; *Сибирь в составе Российской империи*/Под ред. Л.М. Дамешека, А.В. Ремнева и др. М.: НЛО, 2007; *Северный Кавказ в составе Российской империи*/Под ред. В.О. Бобровникова и И.Л. Бабич. М.: НЛО, 2007; *После империи*/Под ред. И.М. Клямкина. М., 2007 и мн. др.

⁴ Beissinger M.R. *The Persistence of Empire in Eurasia* // *NewsNet: News of the American Association for the Advancement of Slavic Studies*. Vol. 48 (2008). № 1.

⁵ Rosefelde S. *Russia in the 21-st Century. The Prodigal Superpower*. Cambridge University Press, 2005; Паин Э. *Россия между империей и нацией* // *Pro et Contra*. 2007. Май-июнь; King Ch. *Crisis in the Caucasus: A New Look at Russia's Chechen Impasse* // *Foreign Affairs*. 2003. March-April.

⁶ Булдаков В.П. *Империя и смута: К переосмыслению истории русской революции* // *Россия и современный мир*. 2007, № 3. С. 7.

⁷ *Русская доктрина*/Под общ. ред. А. Кобыякова и В. Аверьянова. М., 2005; *Крепость «Россия»*/М. Леонтьев, М. Юрьев, А. Невзоров, М. Хазин и др. М., 2005; Проханов А. *Симфония Пятой империи*. М., 2006; Проханов А., Кугушев С. *Технологии Пятой империи*. М., 2007; Бабуринов С.Н. *Мир империй*. М. 2010; Аверьянов В. *Империя и воля* // *Москва*, 2012, № 1 и др.

⁸ Это напоминает анекдот о конкурсе на лучшую книгу о слонах. В нём немцы привезли на тележке многотомный труд «История изучения слонов — Введение», американцы — брошюру «Всё, что вы хотели знать о слонах», французы — изящный альбом «Сексуальная жизнь слонов», а англичане — том в кожаном переплёте «Как охотиться на слонов». Подход англичан в этом анекдоте — красноречивая метафора того, что такое «имперские исследования России» на Западе в постколониальную эпоху.

и в будущее (современная РФ). Видные теоретики ослабления империй через рост национализмов (Д. Ливен, Р. Суни и др.) заложили неплохой фундамент для этого подхода. В национализме видели главный «мотор развития» (читай: дезинтеграции империи), а в качестве аксиомы насаждался тезис об «искусственном сдерживании национального развития» в империи. Тем не менее золотой век идеализации «национальных государств» — в прошлом. Те, кто связал себя с таким ложно понятым национализмом, игнорировали существовавший всегда опыт постижения империи, который отражён, к примеру, в высказывании Поля Мари Вейна: «Политический порядок парил над этническим разделением, подобно тому, как у нас цивилизация парит над национальными границами и не является поводом для шовинизма»⁹. Несмотря на то, что метод один раз сработал, он не может считаться совершенным — напротив, в новых исторических условиях он выдает регулярно повторяющийся порок западных обобщений — упрощение и недооценку незападных культур.

В целом на сегодня на Западе пытаются построить подход, связанный с членением имперских пространств не на народы в чистом виде, а на «регионы», абстрактные территориальные единицы, в которых аналитик наблюдает уникальное сочетание различных компонентов: этносов, национальностей, политических традиций, религий, имущественных и потребительских особенностей и т.д. Соответственно, в современной практике манипуляции каждый регион рассматривается как объект, для которого создаётся неповторимая, специально под него рассчитанная манипулятивная стратегия.

В этом подходе как в искривленном зеркале отражается традицион-

ная имперская стратегия, где в каждом элементе титула императора символизируется своеобразный тип правления империи в конкретном регионе. Логика собирания земель в империи у современных глобальных субъектов превращается в логику «рассыпания» земель — с тем, чтобы затем унифицировать и нивелировать их уже в новой, глобальной системе. Стратегически речь идёт о **строительстве мировой гиперимперии**, которое осуществляется через расчистку поля, через «игру на понижение» в отношении религиозных, этнокультурных, государственных традиций. Возникающая гиперимперия вынуждена критиковать все бывшие до неё империи, поскольку они были не чем иным, как вариантами «альтернативной глобализации» на своих локальных участках, то есть фактически её конкурентами, почему и добрая память о них или попытки их возрождения совершенно неприемлемы. С другой стороны, она вынуждена критиковать и традиционную культуру, мораль и религиозные убеждения как недостаточно соответствующие ценностям индивидуальной «свободы».

Ставка на меньшинства при этом сохраняется, и, несмотря на её неосновательность, в настоящее время оказывается оправданной исходя из опыта так называемых революций-2.0. Режиссёры этих революций, похоже, полагают, что чаяния обществ и элит заведомо существуют в непересекающихся измерениях, и если большинство ещё не противопоставлено власти усилиями активного меньшинства, значит, это большинство пассивно (равнодушно, пребывает в «тёмном», «рабском» состоянии и т.п.). Таким образом, разложение незападных обществ выдают за своего рода «просвещение». В других докладах Изборского клуба уже неоднократно проводилась

мысль о том, что в реальности новейшие массовые движения базируются на новом поколении технологий, предполагающих более низкий уровень образования, психологической самодостаточности, целостности ментальной «картины мира» и меньшей индивидуальной зрелости агентов этих движений, чем ранее (например, в той же революции 1968 года, не говоря уже о классических революциях)¹⁰.

В информационных войнах ключевым зажигательным элементом эпохи технологий 2.0 была признана «картинка», а не вербальное сообщение. К примеру, в российских политических новостях знаковой картинкой был пожар в московском Манеже в день инаугурации Путина, с Раушской набережной выглядевший как зрелище горящего Кремля; другой знаковой картинкой — панк-молебен в главном соборе Москвы, участницам которого были в деталях знакомы египетские прецеденты создания революционных «картинок».

Однако всё это вмиг померкло перед кадрами ликующей человеческой массы у здания Верховного совета Крыма, а следом, вскорости, — километровой очереди на референдуме донетчан и луганцев в Москве. Обе эти незапрограммированные картинки и были основанием для термина «информационные войска Путина» — поскольку иначе как прямым производным от государственной пропаганды стандартная западная аналитика этот феномен рассматривать не могла. Прошло некоторое время, прежде чем Москве была предъявлена претензия в имперском реваншизме, с соответствующими заявлениями на саммите НАТО и после него. Пропагандистское усилие со стороны РФ сыграло вспомогательную роль: оно само по себе не генерировало **запроса на империю**, а лишь открыло шлюзы для выхода

⁹ Paul Veyne. L'Empire romain. — In: Maurice Duverger (ed.) La Concept d'Empire. Paris: Presses Univ. des France, 1980. С. 122.

¹⁰ Черемных К., Восканян М., Кобяков А. Анонимная война (доклад) // Изборский клуб, 2013, № 6; Доклад «Линии раскола в российском обществе»/Под ред. А. Кобякова // Изборский клуб, 2014, № 6 (18) и др.

в публичное пространство этого накопленного под спудом общественного запроса. Когда этот факт стал уже неопровержимо очевиден для глобальных экспертных кругов, последовали глобальные оргвыводы.

Последовательность этих оргвыводов обернулась ещё одним просчётом: так называемый «ближний круг» российского лидера сплотился, не смутившись как экономическим, так и статусным ущербом. Более того, обнаружилось, что критерий личного статуса для сообщества-мишени не тождествен допуску в наднациональные клубы; более того, глобальный корпоративный мир не проявил ожидавшейся решимости к отторже-

нию российских участников: пришлось прибегать к персональному давлению и даже точечным ликвидациям (Кристофа де Маржори).

Как итоги референдума в Крыму, так и (в ещё большей степени) опросы граждан России об отношении к присоединению Крыма или замеры рейтинга президента России недвусмысленно свидетельствовали о том, что колоссальные средства, вложенные в «ломку русского менталитета» через государственные (связанные с USAID), квазинезависимые (многочисленные НКО — иностранные агенты) и частные каналы, были потрачены во многом впустую. Общество, от которого ожидалось

«несогласие» с властью, ответило «несогласием» с манипуляторами.

Несмотря на то что сети публично интерпретировались в период Арабской весны лишь как технический инструмент, как «модератор коммуникации», энтузиасты «технологий 2.0» исходили из аксиомы о том, что степень интернетилизации пропорциональна степени «правильной» трансформации обществ-мишеней. В то же время сеть, транслирующая не либеральные, не радикально-националистические, а имперские смыслы, в представлении экспериментаторов — просто нонсенс: её «не может быть, потому что не может быть никогда». Ведь имперское мышление — возврат в XIX век (как и говорилось с высоких трибун), а в XIX веке сетевых сообществ не было.

Симптомы возрождения имперского сознания на уровне элит целого ряда государств с имперских прошлым лежали на поверхности — от посещений первыми лицами Японии храма Ясукуни до присвоения новому мосту через Босфор в Стамбуле имени султана, не говоря уже о том, что китайцы даже в государственной прессе стали именовать свою страну не только народной республикой, но и Поднебесной (империей). Если эта тенденция отметалась как некая случайная аномалия, обусловленная причудами или «заскоками» отдельных амбициозных лидеров, то этот факт можно объяснить исключительно идеологической установкой, стереотипом, исходящим из «желаемого» (wishful thinking).

Поэтому, когда западная публицистика рассчитывает на действие антироссийских санкций как на «победу (пустого) холодильника над телевизором», эта вульгарно-материалистическая метафора неточна: чтобы превратить русских людей в животных, их кроме телевизора нужно лишить по крайней мере ещё и компьютера. Того самого средства, которое задумывалось как инструмент деидентификации, а стало в России рупором имперских смыслов.

2. НЕУЛОВИМАЯ СУЩНОСТЬ

Самоназвание того или иного государства империей зачастую является весьма условным. Имперские самоидентификации нередко несопоставимы и неоправданны (например, империя Гаити в 1804–1806 гг.), нередко они мало соотносятся с реальным политическим и правовым устройством государств. Существуют и обратные случаи, когда имперские государства не склонны себя так называть. Применительно к России, официально назвавшейся империей в 1721 году, следует сказать, что до этого термины «царь», «цесарь», «император» рассматривались как синонимы. С этим были связаны возражения Петра I на поднесение ему нового титула, а также стремление современников подчеркнуть, что императорский титул не является чем-то новым для России. Иностранным послам в Петербурге, например, сообщалось, что титул «император всея России» и прежде носили предки Петра, «что это не есть нововведение». Тот же довод прозвучал и в проповеди Феофана Прокоповича «Слово на похвалу памяти Петра Великого», где отмечалось касательно звания «великий император», что титул этот «и прежде был и от всех нарицался». Безусловно, становление имперской системы в России началось не в XVIII, а по крайней мере в XV веке¹¹.

Прежде чем перейти к попыткам выявить сущность империи, необходимо отметить ряд предрассудков, которые до сих пор преследуют это понятие не только в обиходе, но и среди учёных. Во-первых, империи могут выступать по форме как национальное государство (Иран, Япония), как союзное государство (федерация североамериканских штатов) или конституционная федерация (Индия). Империи вовсе не тождественны колониализму, который родился в рамках совсем другой формации (торговые колониальные государства древности — с «молохоподобными» культурами, в которых поклонялись золоту, золотым идолам и приносили в жертву младенцев)¹². Имперский характер колониальных держав не был чем-то обязательным. По признанию Дж. Бурбанк и Ф. Купера, самыми жестокими колониалистами в истории были не империи, а демократии¹³. «Начиная с Римской республики III века до н. э. и заканчивая Францией XX века, — пишут эти же авторы, — мы встречаем империи без императоров, управляемые разными способами, называемые разными именами. Империями управляли диктаторы, монархи, президенты, парламенты и центральные комитеты. Тирания была и остаётся возможной как в империях, так и в национально-гомогенных государствах»¹⁴.

Имперские реалии на Западе издавна описывают в категориях «большого пространства» (гроссраум) или «большой формы жизни» (гросслебенформен), имеющих свои истоки в старой немецкой философии, в частности, в экономической теории Фридриха Листа с его учением об автаркии и др. Несмотря на плодотворность таких подходов в геополитике (Хаусхофер) и геоэкономике (Бродель), в природе самих империй они мало что объяснили, кроме констатации иррационального стремления к расширению. Так, по мысли В. Вогеля, отнюдь не оригинальной, империя стремится заполнить собою часть света. Русский правовед Николай Алексеев справедливо отмечал, что западные трактовки культурных миросозерцаний «двигаются по линии чисто пространственных определений. Это свидетельствует, что их сделал западный человек, который сам погружен в созерцание пространства и всю культуру свою понимает как овладение пространством»¹⁵. Некоторые современные западные авторы доходят даже до того, что определяют империю как большое государство, склонное к распаду (А. Мотыль, Р. Таагапера и др.). Смехотворность этого определения очевидна, если вспомнить про двухтысячелетние Ассирию, Персию и Китай. И даже если эти авторы имели в виду только современные

- ¹¹ В концепции «пяти империй» А.А. Проханова к империи отнесена и древняя Киевская Русь, что может показаться явным преувеличением, не выдерживающим строгой критики. Однако метафорически называть Древнюю Русь империей можно. Параллельно концепции Проханова была предложена ещё одна концепция русской истории — концепция пяти исторических проектов России, структурно совпадающая с прохановской (Русская доктрина. М. 2005. — глава 12 «Нужна официальная история»). В ней дана и обоснована данная метафора, а Древняя Русь названа «торговой империей Рюриковичей». Можно сказать, что построенная на Руси инфраструктура пути «из варяг в греки» выступила своеобразной альтернативой (южно-северной ориентации) Великому шёлковому пути (западно-восточная ориентация), который обслуживался в данном регионе другим государством — Хазарским каганатом. Разгром Хазарии князем Святославом означал победу одной торговой империи над другой.
- ¹² Западные колониальные империи Нового времени имеют в себе больше черт Финикии и Карфагена, нежели классических империй Евразии, кроме того, они наследуют опыт ряда торгово-сетевых государств, в первую очередь Венеции. Аргументы о прогрессивности торгово-сетевых структур не могут безоговорочно приниматься, поскольку в этих структурах синтезировались передовые технологии с самым архаичным и регрессивным содержанием, в частности, работоторговлей и криминальной (запрещённой в других государствах) коммерцией.
- ¹³ Эту мысль подтверждает и Доминик Ливен: «Наиболее крупные демократические страны, как правило, имели колонии и были беспощадны по отношению к «небелому» населению, которое при таком положении вещей вряд ли могло осознать преимущества демократии» (Ливен Д. Разные судьбы послеимперских метрополий — в сб.: После империи. М. 2007. С. 79).
- ¹⁴ Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2010. С. 11.
- ¹⁵ Алексеев Н. Русский народ и государство. М. 1998. С. 451.

процессы, им бы следовало в качестве обоснования своих тезисов сосредоточиться на другом предмете: исключительности и необратимости на фоне всеобщей истории тенденций формирования нового глобального мира, — не выдавая этот предмет за некую политкорректную аксиому, которая, дескать, уже не обсуждается.

Более обоснованной идея экспансионизма выглядела у тех, кто вместо империи как таковой избрал в качестве анализа империализм капиталистической эпохи. Карл Маркс первым ухватил эту мысль о «потребности в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов» как двигателе капиталистического расширения колониальных империй. Вслед за ним Шумпетер, Ленин и Бродель описывают современный капитализм как империализм, испытывающий потребность во всём мире. Однако здесь скорее сказывается природный порок капитализма, чем проявляется его сознательная воля. Самым образным на сей счёт было высказывание Сесилия Родса, сказавшего: «Империя — это вопрос желудка». Однако отождествление империи и капиталистического империализма несправедливо и способно привести к совершенно ложным выводам.

В наиболее последовательном виде тезис о том, что в основе империи всегда лежит инстинкт экспансии, представлен в работах С.И. Каспэ, различающего физическую экспансию (приобретение империями новых территорий) и символическую экспансию (воздействие империй на представление людей о себе). Такой подход не учитывает, что история знает весьма продолжительные периоды существования «воздержанных» империй, не видевших самоцель в своём расширении, нацеленных на сохранение внешнеполитического гомеостаза, региональной гармонии и строящих свою политику на учении об исторических циклах (вдоха — выдоха, свёртывания — развёртывания), а не линейном движении к захвату пространств и душ. Таковым долгое время был имперский Китай.

Что касается России, то в ней, безусловно, сочетались ритмы циклического развития и поступательного продвижения империи. Если предположить, что экспансия определяет природу империи, тогда получится, что носителем имперского «гештальта» России в первую очередь был народ, а уже в гораздо меньшей степени — царь и политическая эли-

та. Государство, начиная с XVI века, с трудом поспевало за своим народом. В освоении просторов северной Евразии впереди шли вольные люди, а уже потом приходили воеводы, губернаторы с войсками, строили остроги. Субъектом распространения русской цивилизации был вольный русский народ, первопроходцы, казаки, переселенцы, охотники и торговцы, добытчики пушнины и других благ, а уже во вторую очередь — солдаты и освобождённые каторжане. С другой стороны, вольный народ охотно шёл в «пустующие» земли, не занятые другими державами. Там, где возникали трения с иными геополитическими субъектами, уже требовалось вмешательство государства. Русские люди, как правило, по своей воле не селились на территориях компактного проживания тех племён и народов, которые воинственно отстаивали своё право на эти земли. Так, русские селились на Северном Кавказе, в Диком Поле, в Средней Азии только при условии основательного присутствия там русской армии, наличия крепостей и государственных структур.

Ещё одним предрассудком следует считать характеристику империи как явления азиатского, деспотии восточного типа. Этот взгляд, широ-

ко известный благодаря Монтеские, странен хотя бы уже потому, что сам Монтеские был современником Священной Римской империи (существовавшей на тот момент 7 веков).

Первоначально в латинском языке *Imperium, Imperatum* — *приказание, повеление, власть; властные полномочия*. Обычно подчёркивают именно данный набор значений. Тем не менее слово «империя» в его современном смысле произошло не от старинного «империума» республиканской эпохи, а от позднеримского понимания слов «император» и, соответственно, «империум» верховной, то есть императорской власти. При этом часто упускают из виду, что для верного толкования термина «император» важно ещё и слово *Imperativus* — *чрезвычайный, устраиваемый по особому приказу, в обход заведённого порядка*. Именно **чрезвычайный характер власти императора (полководца, военного диктатора)** является неотъемлемым свойством происхождения данного понятия в латинском

языке и древнеримской жизни. Римское имперское начало зародилось ещё в республиканскую эпоху из института диктатуры¹⁶, и этот процесс окончательно завершился в тот момент, когда император превратился из военного вождя, временно назначаемого диктатора во всенародного политического «повелителя».

Однако ранее Римской империи существовали державы, которые имеют право первородства в имперской родословной. Почему-то не пользуется популярностью точка зрения, что одной из первых империй в мире был классический Древний Египет, между тем институт фараонов с его сакрализацией власти, его миссией и функционалом лёг в основу представлений об империи в качестве базового архетипа (также и неприязнь к власти фараонов в Ветхом Завете положила начало антиимперской традиции в мировой культуре). Имперскими считаются древнейшие государства Аккада, Вавилона и хеттов. Империей была и соперница Египта Ассирия, просуществовавшая почти 2 тысячи лет. По долговечности

с нею могут конкурировать только Персидская держава и Китайская империя, каждая из которых, сменив множество династий и политических модификаций, тем не менее сохранила приверженность имперским принципам. Просуществовав более 14 веков, от Кира Великого до завоевания мусульманами, Персия и после, уже сквозь ислам, вновь возрождается в имперских формах и возвращается к имперской идее, которая демонстрировала жизнеспособность и в XX веке (вплоть до свержения шаха в 1979 году), и не умерла до сих пор.

Исторически существовавшие империи чрезвычайно разнообразны, кроме того, они со временем сами создают новые особенности, которыми отличаются от себя же самих на более ранних этапах развития. В этом смысле **империи убегают от определённости**, ускользают от аналитического взгляда, стремящегося зафиксировать их сущность. Попытки дать исчерпывающее описание имперского кода, которое было бы применимо ко всем случаям имперотворчества, пока провалились.

¹⁶ Римская империя изначально рождается не в монархии и без намёка на монархию. И хотя Римская республика не называла себя империей, де-факто она уже проявляла основные имперские качества. Римская метрополия производила имперскую власть над своими владениями, по крайней мере после уничтожения Карфагена — в эпоху подчинения Македонии и Ахейской войны.

И объясняется это не в последнюю очередь тем, что в XIX–XX вв. имперские порядки мутировали и обрели такие черты, которые раньше никто не стал бы называть имперскими.

Китай формально завершил свой имперский путь в 1912 году (империя просуществовала 21 век), однако, несмотря на смуту начала XX века, связанную с попытками сначала Запада, а затем Японии превратить его в колониальное образование, Китай нашёл выход в том, что принял на вооружение антикапиталистическую идеологию и практику, позаимствованную у СССР, — в результате мутировавший политический строй Китая сегодня вновь может рассматриваться как парадоксально возвращающаяся на круги своя империя. В этом смысле Российская и Китайская империи в XX веке, можно сказать,

были принуждены внешними обстоятельствами к погружению «в волны в небытия». Их отказ от имперских форм был скорее имитацией, временным — в крайне неблагоприятных обстоятельствах внешней среды — отступлением империи, а не её настоящей смертью, как то хотелось бы западным наблюдателям¹⁷. Подробнее мы остановимся на этой теме в следующем разделе доклада.

Одной из констант империологии является определение империи как **соединения многообразия**, основанного на искусстве управлять разными и многими. Карл Шмитт определял империю как «стратегическое единство многообразия». Профессором Джейн Бурбанк предложено технологическое прочтение империи как «дифференцированного управления дифференцированным

населением». Не так давно Марк Бейссингер предложил определение «масштабная система гетерогенного господства»¹⁸. Символической формулой империи в этом смысле является формула «мир миров». Империя — это всегда построение метасоциума, суть которого отражена в разных аспектах в таких понятиях, как культурно-исторический тип, самостоятельная цивилизация, высокая культура, сверхнарод, суперэтнос, политический субконтинент, «великая традиция», полная традиция-система, мир-экономика и «большая длительность», мир-система и т.д. При этом империя всегда субъектна и не просто олицетворяет свой мир, но и предлагает ему государственное самознание. Империя может трактоваться как **политический псевдоним самостоятельной цивилизации**

¹⁷ Отчасти этот феномен нашёл отражение в концепции Ш. Эйзенштадта, который увидел в русской и китайской революциях своеобразную форму самосохранения цивилизации в их традиционной сущности — «революции с обратным знаком» (Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 285).

¹⁸ Под гетерогенным (чужеродным) господством он понимает не только власть над разными по происхождению общностями, но и чужеродность, чуждость подданной самой власти, как будто привнесённость её извне (власть завоевателя, власть иноземная или кажущаяся таковой). Это утверждение, несмотря на его спорность, указывает на то, что имперская система создаёт автономный, эксклюзивный порядок, который надстраивается над всеми подданными и над всеми укладами, в том числе и доминирующего имперского народа и даже ведущего имперского правящего слоя. Империя имеет всегда недостижимый для подданных высший этаж, подобный верхней комнате в вавилонском зиккурате, куда, согласно верованиям вавилонян, нисходит божество.

или быть неким уточняющим указанием на политический аспект самостоятельной цивилизации¹⁹. Иногда уместно говорить об империи как политическом лице цивилизации в стадии её полноценного раскрытия (на ранних стадиях становления цивилизационного мира имперская идея может проявляться неотчётливо, а на поздних стадиях — затухать).

Полифония народов и культур в империи является её конститутивным свойством. Это значит, что сущность империи может быть выявлена лишь через принцип **отражения политической и духовной культуры имперского народа в зеркале другой культуры**. Имперская власть по своей природе требует субъект-объектных отношений не только по вертикали, но и по горизонтали: международные связи и отношения превращаются в имперском пространстве во внутренние.

В наиболее заострённом виде имперский принцип выражен в древней формуле императора как «царя царей» (часть титулатуры иранского монарха — *хшайатия хшайатиянам* у Ахеменидов или *шахиншах* у Сасанидов). Интеграция царств вместе с их наследственными царями — высшая демонстрация мощи и жизнеспособности империи. Таким образом подчёркивается, что империя собирает не просто народы и племена, но и сложившиеся, состоявшееся политические системы. Кроме того, у древних иранцев появляется и отчётливое представление о «царстве царств» как проекции небесного порядка, также понимаемого в духе империи (космоса как империи).

С выходом из региональных рамок на глобальный простор империи вступают в диалог уже не с соседями, а с далёкими культурными мирами. Определённый прорыв на этом на-

правлении был достигнут Александром Македонским, империя которого была пусть и недолговечной, но смогла породить первый вариант государственно объединённого «Востока-Запада». Результатом этой геополитической революции стало рождение эллинистического культурного мира, из которого позднее выросли первые протоевразийские империи — Византия и Халифат.

Римская империя ментально сформировалась в процессе культурного оплодотворения от политически покорённой Греции. «Пиррова победа» Рима над Грецией заключалась в том, что покорённый народ покорил завоевателя своей культурой. Древнее латинское представление об империуме как «власти» расширяется под влиянием греческого представления об ойкумене, «вселенной». Так родилось классическое представление об империи как о политической вселенной, особом мире.

В Священной Римской империи (германской нации) проявилось характерное для Западной Европы стремление воспринимать империю как союзное государство, отчего и лояльность к империи понималась в духе лояльности союзу и лояльности императору как избранному союзом феодалов главе. Поэтому в их «имперском патриотизме» (рейхспатриотизме) не имела сколько-нибудь весомого значения лояльность династии. По мысли Д. А. Хомякова, в отличие от русской и других классических политических традиций с их органической связью народа с государем, Запад постоянно воспроизводит «механическую» модель власти: «Императорство — не Самодержавие, а его лжеподобие. <...> Из-за императорства всегда выгладывает республика, для которой оно временный, хотя бы и очень про-

должительный, корректив. Оттого оно и абсолютно, ибо оно есть только антипод народовластию: власть во всём стесняемая — власть ничем не стесняемая. Когда же власть появляется извне, путём завоевания, она также является абсолютной — власть силы. На Западе мы имеем эти самые формы власти»²⁰.

В имперской системе собраны и примирены неравноценные коллективные субъекты: родовые идентичности, сообщества, корпорации и т.д. Империя является распахнутой дверью во внешний мир, она обращена вовне «открытым стыковочным модулем» — в этом смысле она настроена на собственное переосмысление и новые трансформации. Закостеневшая, статичная империя — это колосс на глиняных ногах, поскольку её экспансия требует не голой физической силы, а мудрости и интеллектуально-волевого превосходства, обеспечивающего сложный политический порядок.

В империи возникает равновесная диалектика между «почвой» и «универсальностью», родиной и вселенной. По существу Хантингтон воспроизводит традиционную логику, когда говорит о двух альтернативах в развитии США: космополитической, в которой мир пересоздаёт Америку, и имперской, в которой Америка пересоздаёт мир²¹. Мысль о диалектике национального и универсального в империи повторяют многие и разные авторы.

Оригинальную концепцию империи предложил историк В. Л. Махнач, последователь Л. Н. Гумилева, утверждавший, что империя всегда создаётся вокруг стержневого — имперского — этноса и имеет своей базой специфически организованный суперэтнос²². Принцип существования классических, континентальных

¹⁹ Как государственно-территориальную форму цивилизации определяет империю С. Н. Бабурин.

²⁰ Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. М., 2011. С. 156.

²¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 567.

²² Махнач В. Л., Елишев С. О. Политика: Основные понятия. М. 2005. С. 168.

империй Махнач описывает как союз имперского центра с «маленьким» народом против народа «среднего» — имеется в виду не геноцид либо притеснение «средних» народов, но обуздание агрессивных амбиций «средних» народов, стремящихся подмять под себя малые этносы и группы в своём регионе. Иными словами, империя сохраняет в регионах такой порядок, который консервирует отношения разнообразия, допускает цветение всех укладов и не поощряет смешение и растворение малых народов и групп внутри региональных идентичностей. Махнач приводит убедительные примеры, связанные с распадом СССР: в частности, взаимоотношений в 90-е годы Абхазии и Грузии либо Гагаузии и Молдавии. «Распад любой империи вызывал стон множества народов прежде всего потому, что, освободившиеся от опеки «большого» народа, «средние» тут же ухудшали положение «малых»²³.

В современной науке существуют два основных направления в изучении империй, одно из которых, по выражению Доминика Ливена, базируется на изучении европейских морских империй-эксплуататоров, строящихся по принципу «метрополия — колонии», а другое — на изучении великих военных и абсолютистских земельных империй, связанных с универсалистскими религиями. В этих более древних и традиционных по своему укладу империях определяющим является принцип периферии как продолжения центра, а не придатка к центру.

В то же время в геополитической теории эти два направления соединены в качестве двух основных рассматриваемых типов геополитических субъектов. Представление о двух фундаментальных типах империи — талассократическом и теллуократи-

ческом — разработано у К. Шмитта и Х. Маккиндера. Талассократии воспринимают свои колонии потребительно, как источник добываемых ресурсов. Теллуократии, будучи континентальными, присоединяют соседние территории как свои провинции, при этом они рекрутируют в свои элиты местную элиту, способствуют органичному включению нового народа в имперскую «семью» и благоустройству новой территории в соответствии с имперскими нормами. Это не империи-колонизаторы, а своего рода **космократии**, создающие очаги гармонии не только в центре (метрополии), но одновременно в нескольких центрах. Идея непобедимого Хартленда («сердцевинной земли») у Маккиндера родилась в результате изучения имперской истории и нашла очередное подтверждение в ходе Второй мировой войны.

Что касается империй Нового времени колониального типа, то постановка их в центр империологии как некоего идеального типа приводит к качественным абберациям, поскольку эти империи выглядят на фоне мировой истории весьма «странными» образованиями. На наш взгляд, **колониальные империи Запада представляют собой вырожденную, неполноценную ветвь в семье мировых империй**, и, как правило, они не были долговечны. Одной из наиболее устойчивых была Испанская империя, но она не была чисто колониальной, а сочетала в себе принципы классического и модернистского имперского путей. Победа Англии над Испанией означала постепенное утверждение в Европе и в мире европейских колоний модернистской логики вопреки логике традиционализма и органического общества — логики протестантизма (в том числе

в радикальной версии кальвинизма, где успех и богатство рассматриваются как критерий спасенности и богоугодности) и нарождающегося капитализма с его неприкрытым мамонопоклонством.

Западные колониальные империи эпохи модерна лишили себя верхних ярусов имперской вертикали — такие «усечённые» империи могли компенсировать это отсутствие лишь через прагматизм, выгоды торговли и эксплуатации. Это были империи «менял», «посредников», «коммивояжёров», а также «пиратов» и «работоторговцев», играющих на разнице цен и производственных потенциалов стран и частей света. О скудости метафизических доктрин этих держав справедливо говорит И. Яковенко: «Классические колониальные империи рождали собственную мифологию, говорили о «бремени белого человека», который несёт покорённым народам блага цивилизации. Но все эти построения не идут в сравнение с идейными комплексами универсальных империй»²⁴.

Когда в XX веке говорили о крушении всех империй — это было справедливо именно по отношению к колониальным модернистским империям Запада, которые в действительности не выдержали испытание временем, показали свою несостоятельность. Фактически это были **империи «первоначального накопления»**, глобального мародёрства, империалистического грабежа, привязанные к этой эпохе и исчерпывающие в ней свой потенциал. Поэтому существование данной системы раннекапиталистических западных «квази-империй», паразитирующих на неравномерности переходов разных культур и народов в новую систему отношений, использующие хаос периферии в корыстных целях, не могло быть долгим.

²³ Там же. С. 176. При том, что распад империи ведет к лишениям и гонениям как на имперский народ, так и на «малые» народы, нельзя сказать, что в результате однозначно выигрывают «средние» народы — их политические элиты могут удовлетворить свои амбиции, но основная масса населения оказывается в худшем положении. К примеру, в постсоветских странах люди старшего поколения безусловно ностальгируют по временам СССР.

²⁴ Яковенко И. Империя и нация — в сб.: После империи. М., 2007. С. 56.

В другой фундаментальной классификации империй за основу берётся смена исторических «формаций», в наиболее ярком виде проявившаяся у позитивистов и марксистов. Империи могут рассматриваться как существовавшие на трёх стадиях социального развития: традиционной (аграрной), индустриальной (модерн) и постиндустриальной (информационной).

Традиционному обществу соответствует централизованная империя, представляющая единый территориальный комплекс, скреплённый вокруг сакральной фигуры правителя (или правителя, обладающего «небесным мандатом»). Типичные примеры подобных империй — Рим, Византия, Россия. Фигура правителя символизирует здесь единство земель и народов. Как едина и непрерывна территория, так же един и правитель, при этом власть автократора символизирует Пантократора («один Бог на небе, один василевс на земле»).

Индустриальному (капиталистическому) обществу соответствует частично децентрализованная империя, состоящая из метрополии и территориально дискретных колоний, разбросанных по всему земному шару. Наряду с государственным аппаратом единство империи поддерживают мощные торгово-финансовые корпорации (классический пример — Ост-Индская компания.) Фигура правителя остаётся, но она становится весьма условной, монархи «царствуют, но не правят». Как дискретна сама колониальная империя, так дискретны и политические верхи, они представляют собой совокупность конкурирующих элит, находящих компромисс в фигуре политического лидера. В качестве ярких примеров колониальной империи можно привести Великобританию и Францию. Но вершиной среди империй индустриальной эпохи на сегодняшний момент являются США, чья имперская структура основана на взаимодействии «метрополии» в лице собственно «соединённых шта-

тов» и прочих формально суверенных государств, которые рассматриваются «метрополией» в качестве колоний де-факто. В случае американского империализма колониальная власть становится максимально опосредованной, но в то же самое время гораздо более эффективной.

Имперским потенциалом обладал при его формировании и Европейский союз (ЕС), основу которого составляют «метрополии» бывших колониальных империй. Колониальный империализм здесь существенно переформатирован — наряду с эксплуатацией суверенных, но слаборазвитых стран имеет место быть и эксплуатация выходцев из бывших колоний и полуколоний Третьего мира.

Постиндустриальный (с нашей точки зрения, точнее — сверхиндустриальный) уклад только нарождается, и его приход окружён огромным количеством мифов и небылиц. В частности, широко распространён миф об отмирании промышленного уклада в связи с переходом производства на информационные технологии. Однако если создание индустриальной базы вывело аграрный сегмент на новый уровень, то и информационный уклад должен выводить индустрию на новый уровень. И это обязательно произошло бы после преодоления перекосов в сторону доминирования в экономике сферы услуг. Однако говорить сегодня о том, что западный мир в действительно-

сти переходит к информационному укладу, преждевременно. Мир застрял в промежутке между укладами, о чём свидетельствует разгоревшийся глобальный кризис²⁵.

Для того чтобы говорить о современных имперских проектах, нужно проанализировать то, каким образом происходила мутация имперского начала в XX веке.

3. МУТАЦИЯ ИМПЕРИИ

По мысли одного из самых глубоких политических философов и философских поэтов России Фёдора Тютчева, Российская империя в XIX веке осталась единственно законной, поэтому она и привлекла к себе Наполеона, чтобы разгромить его. Наполеон, по Тютчеву, был дети-

щем революции, превратившимся в кентавра: «Он попытался в своём лице заставить Революцию короноваться. <...> Именно Россия была его истинным противником — борьба между ними была борьбой между законной Империей и коронованной Революцией»²⁶.

Тютчев верил в предназначение Российской империи как новозаветного катехона, «удерживающего» мир от гибели. Сходных взглядов придерживался и отец цивилизационного подхода к истории Николай Данилевский, предложивший понятие «миродержавие» — обозначающее не мировое господство, а сдерживание и усмирение каждого из претендентов в глобальные монополисты. Ни Тютчев, ни Данилевский не догадывались, что в России может

победить своя собственная «коронованная революция» и воздвигнуться собственные «наполеоны», жаждущие мировой революции. Однако многое позволяет предполагать, что если бы эти мыслители узнали в подробностях историю России XX века, они нашли бы в ней, пусть страшное и трагическое, но подтверждение своей веры в миссию России.

Империя, «нырнув» в 1917–1929 гг. в свое небытие²⁷, в результате пережила глубокую мутацию и предложила принципиально новые горизонты овладения социально-исторической реальностью. С одной стороны, это была неоклассическая централизованная континентальная империя, основы которой заложил «священный правитель» (Сталин). Эта империя сумела совершить переход аграрной

²⁵ См.: Постиндустриализм: глобальная иллюзия? — в сб.: Кризис России в контексте глобального кризиса/Сост. В. Аверьянов и М. Калашников. М.: Институт динамического консерватизма, 2013. С. 127–164.

²⁶ Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М., 2011. С. 119.

²⁷ Прот. Сергей Булгаков считал, что «Третий Рим» с крушением самодержавной монархии скрылся «подобно Китежу под воду». В наиболее полном виде идея трансформации империи воплотилась в легенде об иконе Державной Божией Матери, согласно которой Богородица непосредственно приняла на себя правление Россией после гибели последнего самодержца (см.: Россия перед Вторым пришествием (Материалы к очерку русской эсхатологии). Том II. М., 1998. С. 196–205.).

страны на индустриальные рельсы и построила комплексный промышленный уклад, разместившийся практически во всех регионах, в том числе тех, где ещё несколько десятилетий до того процветал феодализм и кочевой быт. Парадокс развития России в XX столетии — через авангардный коммунистический проект страна вернулась к фундаментальным имперским основам своего существования, хотя этот обратный переход и не был завершён.

Несмотря на низкие, по сравнению с Западом, стартовые условия, СССР предъявил самую амбициозную программу развития, нацеленную на рывок в **сверхиндустриальное** общество. В конце жизни Сталина этот рывок в своих общих чертах уже просматривался. В работе «Экономические проблемы социализма» вождь СССР писал о необходимости существенного сокращения рабочего дня с тем, чтобы каждый гражданин имел возможность получить хотя бы одно высшее образование. В идеале предполагалось два высших образования, о чём Сталин говорил на XIX съезде партии (1952 год). Развитию науки тогда уделялось огромное внимание, в школе, пусть и на факультативной основе, изучали логику и психологию, для чего были выпущены отдельные учебники.

Однако **новый информационный и сверхиндустриальный уклад был лишён новых политических форм**, необходимых для его победы и преобладания. Причём Сталин отлично понимал необходимость широкомасштабных политических преобразований. После войны, по его указанию и под руководством секретаря ЦК А.А. Жданова, был разработан проект новой партийной программы. Он предполагал переход

к прямой демократии — планировалось ввести выборы всех чиновников, всенародное голосование по всем важнейшим вопросам, предоставление законодательной инициативы — как общественным организациям, так и отдельным гражданам. В сочетании с национальным патриотизмом, стремительно возрождавшимся ещё с 1930-х годов, и многонациональной державностью (подразумевающей государствообразующую роль русского народа) это привело бы к возникновению совершенно новой, сверхиндустриальной советской и социалистической империи. Однако начало холодной войны потребовало жёсткой мобилизации советского общества, в условиях которой политические реформы стали невозможными. Преобразования были отложены, а потом о них «забыли». В результате новый уклад оставался второстепенным, дополнительным к индустриальному, а победу одержал уклад «глобального капитализма», вышедший в 1960–1980-х годах, пожертвовавший своей колониальной системой и позаимствовавший у социалистического конкурента ряд его преимуществ.

В области национальных отношений СССР был устроен на принципах принудительного федерализма (федерализм был избран большевиками и заложен в основу территориальной структуры империи). Самым малым этносам большевики дали автономию, пробудив тем самым их самосознание. К сожалению, в этом аспекте обратный переход к имперскому мироустройству не состоялся, что значительно ослабило жизнестойкость державы²⁸. В Советском Союзе курс на укрупнение административно-территориальных единиц с конца 30-х по 80-е годы привёл к ликвидации

наиболее эффективных и жизнеспособных мелких автономных единиц и искусственному выстраиванию унитарного этнического национализма в укрупнённых республиках, что и стало причиной местами уродливых форм, которые приняло постсоветское пространство в ходе развала СССР. А ведь если бы в своё время советская власть прислушалась к федералистским проектам Трубецкого и Алексева или — внутри страны — к проекту отца Павла Флоренского, написанному им специально для руководства СССР в тюрьме в 1933 году, — катастрофу 1991 года можно было бы предотвратить грамотной имперской политикой в национальной сфере.

Вопреки распространённым доводам в пользу того, что СССР занимался сверхэксплуатацией сил и энергии русского народа в ущерб его воспроизводству, цифры демографии показывают, что на закате советской эпохи при общей численности населения СССР 286,7 млн человек русские составляли 69,5% населения (199,4 млн человек), в том числе великороссы — 50,6% (145,2 млн человек). Удивительно, но эти показатели значительно (на пять процентов) превышают долю русских вообще и великороссов в частности в Российской империи 1897 года. С учетом огромных потерь русского народа в годы гражданской войны, коллективизации и Великой Отечественной войны, а также с учетом включения в состав СССР густонаселённого Узбекистана, не охваченного переписью 1897 года, весьма сложно объяснить усиление к 1989 году позиций русского народа (в пропорциях к суммарному населению Союза). Тем не менее налицо факт: советская национальная политика позволила русскому народу спустя 70 лет после революции

²⁸ Заслуга евразийцев 20-х годов состояла в том, что они открыто заявили о необходимости признать свершившийся факт невозможности управлять евразийским пространством старыми способами наряду с фактом желательности и необходимости сохранить и укрепить единство Евразии под суверенной рукой Москвы. Для этого евразийцы предложили перейти от национализма старого типа к общеевразийскому национализму и найти таким образом новую скрепу Империи в условиях отсутствия монархии и взамен марксизма-ленинизма. Евразийцы осознали, что, в отличие от Австро-Венгрии, единство территории бывшей Российской империи сохранилось после 1917 г. неслучайно, что в этом есть высший промысел, и беречь его — неперемное условие выживания русского и всех остальных народов Евразии, которые в противном случае обречены на рабство у глобальной системы западного неокolonialного капитализма.

не только сохранить, но и упрочить своё положение²⁹, что кардинальным образом отличает российскую ситуацию от ситуации с развалинами Германской, Австрийской, Османской и даже Британской империй.

Что касается проекта создания качественно новой этнокультурной общности — советского народа, — то этот проект был почти успешен в культурной составляющей и не вполне успешен в этнической составляющей. Некоторые народы ассимилировались, на поверхности общества, в узких его слоях происходило взаимопроникновение этносов, но в целом межэтнических браков было не слишком много, а процесс антропологического смешения не носил высоких темпов. В целом «красный проект» в России стал не проектом слияния этносов в новый расовый тип, но проектом братских и союзнических отношений народов, объединённых едиными культурой, языком, государственной и хозяйственной системой (образования и науки, здравоохранения, производства, единой армии, госаппарата и, конечно, компартии). По формуле сталинского времени во главе империи стоял «отец народов» (как вариант титула «отца отечества»), понятие, очищенное от какой-либо двусмысленности и адекватное имперской сущности³⁰.

Третий рейх Гитлера, несмотря на высочайшее развитие в нём технологий, не был, в отличие от СССР, нацелен на рывок в сверхиндустриальный уклад. В нём доминировало представление о рядовом, «простом» человеке (о большинстве) как о глобальном муравейнике слуг, призванных отдавать большую часть вы-

работанного (лично и коллективно) глобальной элите. Не случайно же сам Гитлер признавался, что для него идея нации обладает временной ценностью: «Придёт день, когда даже у нас в Германии мало останется от того, что мы называем национализмом. **Над всем миром встанет всеобщее содружество хозяев и господ**»³¹. В то же время доведённая до конца идея капиталистической элитарности сочеталась у нацистов с оккультизмом и неоязычеством, которые искажали традиционные религии и учения. Гитлер разделял людей на скотомассу и Богочеловечество. Именно эта подоплёка мировоззрения нацистов породила жуткую, подобную ядерному взрыву агрессию. Против неё, под флагом элементарного выживания, сплотились колониальные державы и «постколониальный», но «недоинформационный» СССР. Советский Союз выступал за всесторонний гуманизм, за полную реализацию человеческого в человеке. В этом — его величайшая заслуга перед человечеством, которая выразилась в разгроме самой монструозной цивилизации — «коричневого Мордора».

В конце XX века на смену деколонизированным старым западным империям англосаксонский мир начал проектирование новых квазиимперий, которые также носили мутированный характер. Главным претендентом на роль глобальной империи стали США, имперская самоидентификация которых имела место всегда (начиная, по крайней мере, с А. Гамильтона), однако чаще всего стыдливо прикрывалась демократической риторикой. Другим квазиимперским образованием эпохи после «конца истории» стала реализа-

ция проекта Евросоюза. Однако данный проект продемонстрировал свою несостоятельность (о чём читайте доклад Изборскому клубу «Евросоюз — империя, которая не состоялась» в настоящем номере). Сегодня, в связи с негативным опытом Евросоюза, в понятийный аппарат геополитики помимо термина «несостоятельное государство» должен быть введен термин «несостоятельный полюс», недвусмысленно характеризующий провалившийся интеграционный проект с отдельными, территориально не совпадающими элементами субъектности (еврозна, визовое пространство, зона Лиссабонского соглашения). Неслучайно еще в 2001 году Foreign Policy предложил образ untied Europe — «развязанной Европы», вместо united — объединённой.

Наряду с раздувшейся североамериканской гиперимперией и симулякроем европейской империи крупные частные компании Запада достигли такого уровня развития, когда стали **транснациональными корпорациями (ТНК)** и получили возможность подчинять себе государственные структуры и даже вести деятельность по созданию «мирового правительства», всемирного квазигосударства. Его создание (даже если в орбиту нового образования войдёт только часть стран) будет одновременно и логическим завершением индустриализма, выражающимся в перетекании власти политической во власть экономическую. Характерно, что в скором времени ожидается создание Зоны свободной торговли (ЗСТ) США и ЕС, причём интеграция будет происходить и на уровне властных структур — так, подразумевается формирование Трансатлантического политического совета, половину депу-

²⁹ При этом, правда, следует иметь в виду, что в 1989 году некоторые представители других этносов также записывались «русскими» или «украинцами» из соображений престижности, тогда как в 1990-е и 2000-е гг. эти же люди и их потомки записываются при социологических опросах уже по-другому.

³⁰ Титул «отца всех народов» восходит к Библии — это точный перевод имени Авраама, данного ему Богом в завет (Бытие, 17). Что же касается Сталина, нужно иметь в виду, что в его эпоху на территории СССР шло бурное нациестроительство и фактически из племен были **рождены** десятки новых народов, для которых разрабатывались алфавиты, создавались литературные варианты языков и культурные каноны, а национальные автономии наделялись всеми атрибутами сложившегося народа.

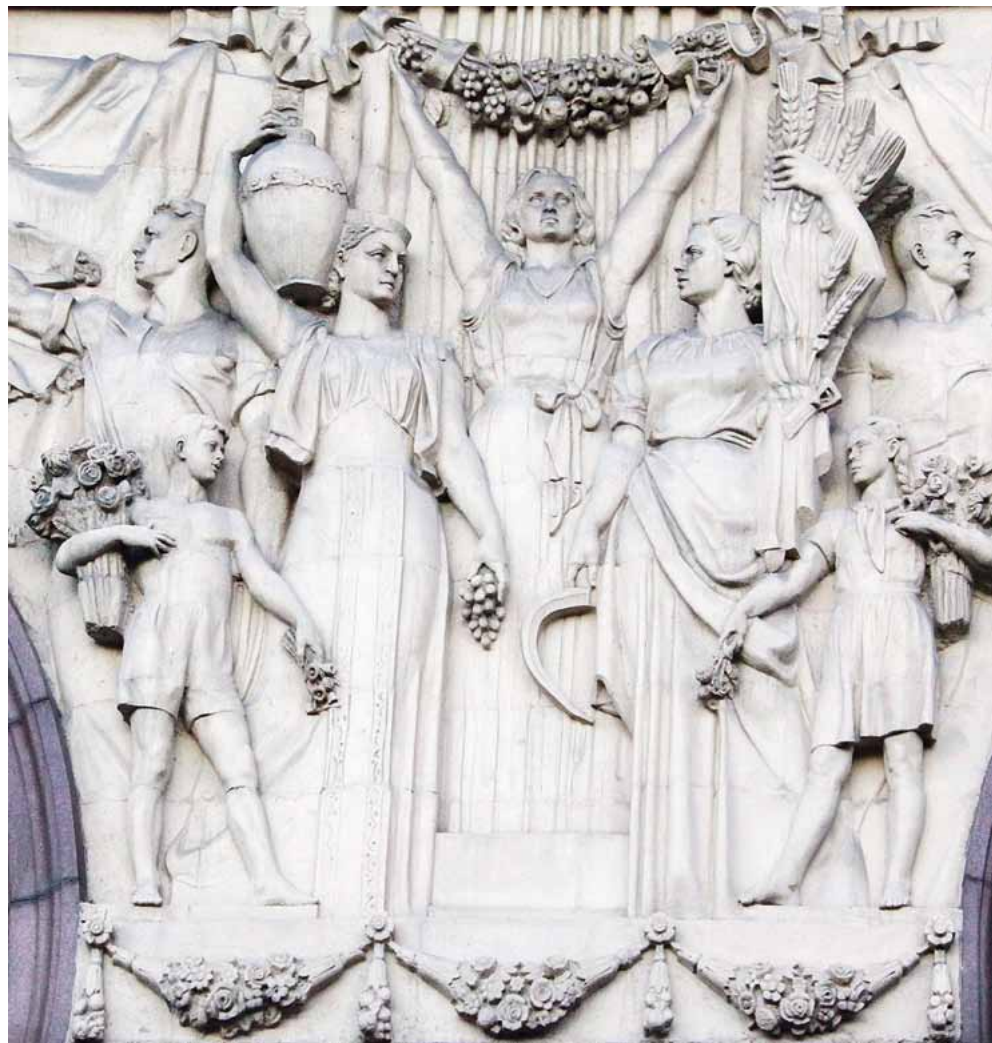
³¹ Бержье Ж., Повель Л. Утро магов. М., 1991. С. 40.

татов которого составят европейские, а другую половину — американские парламентарии. Европарламент одобрил создание ТПС ещё в 2009 году, причём против выступили всего лишь несколько десятков депутатов. Безусловно, американская политическая элита будет рассматривать ЗСТ как поле для дальнейшего усиления американской гегемонии. Однако в реальности трансатлантическая интеграция создаёт почву для дальнейшего размывания национальных государств, с перспективой их последующего демонтажа.

Что касается феномена новой глобальной гиперимперии, то её критики как «слева» (Негри и Хардт), так и «справа» (Ален де Бенуа) сходятся на том, что она стремится утвердить в планетарном масштабе «общество надзора», систему отслеживания отклонений людей от норм. К такому «контролю» де Бенуа относит всё, начиная с контроля за общением — прослушивания телефонов, просмотров почты и т.д. — и заканчивая системами повсеместного видеонаблюдения, дронами, использованием различных электронных методов слежения, которые позволяют определять, где люди находятся, чем они занимаются, каковы их вкусы и взгляды. Таким образом, высокий уровень технологического развития и богатство общества сегодня прямо пропорционально связаны с его погружением в «новый тоталитаризм».

Базой строительства планетарной «Империи Свободы», ведущей глобальную, но не явную, сетевую войну против остального человечества, являются социальные, биополитические, информационные сети. Государство США оказывается в этой новой гиперимперии не столько субъектом, сколько орудием подлинного субъекта. Сетевой принцип мироустройства позволяет говорить о формировании внутри этой новейшей мутагенной социальной системы особых привилегированных сообществ («общин» информационной эпохи), представляющих собой не что иное, как всевозможные мень-

шинства, разделяющие с империей её главные идеологические принципы (приверженность постулатам политкорректности), а также преследующие аналогичный имперскому интерес — усиление угнетения большинства в странах мировой периферии, эксплуатация «отсталых» масс через их раздробление, дезинтеграцию, «массификацию» и атомизацию. В империи глобалистов есть место для социализма, но это социализм меньшинств, социализм, происхождение которого связано с идеями «парижского мая» 1968-го и Пражской весны, «мировой хиппизм». В этом отличие «социализма» а-ля Обама от социализма Чавеса.

С другой стороны, квазисоциалистический компонент в этом мироощущении революций-2.0 и тотальной демократизации мира

смыкается со своеобразным «квазирасизмом». Хардт и Негри пишут о том, что для новейшей гиперимперии характерен уже не имеющий отношения к этничности, цвету кожи и крови абстрактный, **небиологический расизм**. Это расизм сетевого верхнего класса империи, «нации поверх наций», призванной стать высшей сверхчеловеческой кастой. В этом пункте мы видим глубинное совпадение стратегий Гитлера и современного транснационального гегемона.

4. САКРАЛЬНАЯ ВЕРТИКАЛЬ ИЛИ ПЕРЕВЁРНУТАЯ ТЕУРГИЯ?

В том когнитивном тупике, в котором оказались имперские исследования в конце XX века, одним из выходов оказался подход к империям с точки

122-мм Катюша (СР)
Артиллерийский реактивный залп РСЗО
разработанный в СССР в 1941 г.
Впервые применен в боях 1941 г.
Создан в 1941 г. в СССР
Создан в 1941 г. в СССР

зрения их религиозного фундамента. Этому посвящена целая литература, с большим или меньшим успехом применявшая религиозноцентричные подходы к империям³². Вместе с тем поиски генезиса и парадигмы той или иной империи в конкретных религиозных традициях и институтах зачастую приводят к фрагментарности в реконструкции имперского архетипа, хотя бы потому, что значительное число империй (включая Российскую) осознанно сделали свой выбор в пользу утверждения и культивирования многоконфессиональности и многорелигиозности. Само по себе это не означало отсутствия в империях ведущего религиозного института (Церкви) или отсутствия определяющего влияния на имперскую идею доктрины данного института. Однако степень зависимости империи от ведущей религии различается от империи к империи, от эпохи к эпохе, порою сводясь практически к небытию. В то же время наиболее монорелигиозные и прозелитические империи, как правило, оказываются «слабыми» именно в качестве империй. Наиболее же мощные, долгоживущие и политически состоятельные империи отличались веротерпимостью. Вообще в сфере духа физическая сила и внешняя власть — это всегда самый неавторитетный аргумент.

Наш ответ на вопрос о связи религиозного и имперского начала состоит в том, что империи так или иначе формировали собственное пространство священного, иногда тесно связанное с ведущей религией, но порою далеко отстранённое от неё или даже перегрызающее связую-

щую их пуповину. Разгадка сущности империй заключается не в их религиозном основании, а в их са-кральной вертикали, **качественно своеобразном сакральном пространстве смыслов и целеполаганий**, не совпадающем с горизонтами какой-либо религии. Неспособность имперских систем к выработке такого смыслового и ценностного пространства, склонность к подмене его философски-идеологическими построениями либо прямолинейно-экспансионистскими миссионерскими программами является признаком слабости и недолговечности такого рода империй.

Если бы сущностным признаком империи была единая религия, то мировоззрение империи было бы тождественно мировоззрению Церкви (религиозного института). Однако это не так. Империя не только способна соединять и примирять разные религиозные традиции в своём духовно-политическом пространстве, но и делает это, надстраивая над религиями собственно имперский духовный уровень, который нельзя назвать ни чисто идеологическим, ни однозначно религиозно-мифологическим.

Можно возразить, что сами по себе мутации империй в атеистическом XX веке ставят крест на разговорах об укоренённости империй в сакральном. Однако такой небезупречный с точки зрения традиционных верований ученый, как Доминик Ливен, объяснял успех СССР тем, что в нём для формирования новой надэтнической идентичности был избран наиболее радикальный и амбициозный вариант: создание **новой универсальной религии**. Этим, по мнению

Ливена, советская империя выгодно отличалась от других империй: Османской, которая попыталась в тех же обстоятельствах актуализировать ислам, Габсбургов, сделавших ставку на возрождение католицизма.

Рассмотрение советской идеологии как квазирелигии вновь отсылает нас к мысли о типиформирующем для империи значении священного начала. Была ли советская квазирелигия неким высшим по отношению к традиционной религии типом мировоззрения — это вызывает большие сомнения. Во всяком случае советская квазирелигия позволила русской цивилизации перескочить через духовный вакуум XX века, эффективно решая при этом задачу модернизации общества без утраты цивилизационной идентичности. Выполнив своё дело, эта квазирелигия сошла со сцены, вновь предоставив возможность традиционному православию и исламу вернуться к выполнению своих миссий³³. Так же как в традиционных империях, параллельно марксистско-ленинской догматике в СССР формировалась и созревала самостоятельная — собственно имперская — идентичность, со своей метафизикой и своеобразным пониманием общенациональных святынь. Кризис советского миропорядка был связан в том числе и с тем, что в 70-е — 80-е годы наметилось обострение конфликта между все больше превращавшейся в закосневшую скорлупу марксистской коммунистической квази-религией и сталинской всенародной сакральностью, от которой внутренне отвернулся советский истеблишмент. В такой ситуации возвращение к «нормам

³² Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia/Ed. by R. Geraci, M. Khodorkovsky. Ithaca, NY: Cornell University Press 2000; Zhuk S.I. Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830–1917. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004; Breyfogle N.B. Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005; Долбилов Д., Сталюнас Д. «Обратная уния»: проект присоединения католиков к православной церкви в Российской империи (1865–1866 гг.) // Славяноведение. 2005. № 5. С. 3–34; Crews R. For Prophet and Tsar, Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006; Werth P. Imperiology and Religion: Some Thoughts on a Research Agenda // Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire/Ed. by Kimitaka Matsuzato. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. С. 51–67 и мн. др.

³³ При этом нельзя отрицать, что борьба с традицией была чрезвычайно жестокой. Безусловно, существовала и угроза полного искоренения традиционных религий, обострявшаяся в 20-е и затем в 60-е годы. Однако этого не произошло, и сегодня в России есть все основания для осуществления органичного синтеза традиционалистских и модернистских уровней цивилизации.

ленинизма» означало прикрытие саморазрушительной активности элитарных групп, пораженных вирусами западничества и «чужебесия».

В наиболее выверенном и полноценном виде империя разворачивается как самостоятельная духовная система, обладающая своей мистикой, своим представлением о связи империи и императора с высшими силами мироздания, о проекции небесного и трансцендентного в мир сей через посредство имперского экрана или — в более традиционном прочтении — имперской иконы. (В качестве «иконы Небесного Царя» понимался император в святоотеческом предании православия.)

В европейской истории империя Древнего Рима всегда рассматривалась как архетип. Нельзя обойти стороной тот факт, что разработанный в Риме культ империи носил специфически-эзотерический характер (на основе эллинистического язычества), но при этом в своей эзотерической форме транслировался всем гражданам Рима как своего рода «гражданская религия». По выражению И. Бердникова, она не имела «смысла без римского государства <...> Римская государственная религия не имела в себе задатков к самостоятельной жизни помимо государства, потому что у неё не было задачи, отличной от задачи государства»³⁴. Впоследствии, после принятия христианства в качестве государственной религии, ситуация изменилась — однако, несмотря на принятие столь сильной и радикальной религиозной доктрины, империя продолжала производить собственный сакральный смысл. Это проявилось в том, в частности, что христиане достаточно быстро восприняли старый посыл языческой империи на поддержание

культа «божественного Императора», назвав его «святым Императором», «общим епископом» Церкви.

Хотя император может и даже должен быть носителем ведущей доминирующей религии, однако полное отождествление им этой религии с имперской сакральностью в конечном счете обедняет возможности империи по интеграции других культурных миров, сводя имперскую миссию к чисто религиозной. Евангелие, по завету Христа, должно быть проповедано по всей земле, однако с имперской точки зрения — это дело Церкви. Сама же империя не предрешает успех той или иной религиозной миссии, но живёт по принципу, сформулированному во многих священных текстах: Бог для чего-то устроил многие народы и веры, и на то есть Его воля. Если бы Богу было угодно сделать империю орудием катехизации всего мира (как, например, считали испанские конкистадоры, насильно крестившие индейцев), возможно, он дал бы этой империи несокрушимую мощь. Однако в реальной истории все стремящиеся к мировому господству и духовной гомогенности империи терпели крушение. Агрессивно миссионерские имперские проекты в определённом смысле являлись предтечами современного проекта глобализации, который так или иначе навязывает другим народам и культурам формат жизни, несовместимый с сохранением традиционных ценностей этих культур.

В идеале император является не только политическим вождём своих подданных, но и персонификацией имперского культа. Поэтому империя в своей сущности вступает в парадоксалистские, в чём-то даже непримиримые отношения с религией. Одним из гармоничных ответов

на эту сложнейшую проблему является идея халифата (тождества главы религии и главы империи) либо идея симфонии (равновесие державы и священства, принадлежность Церкви империи и принадлежность империи Церкви — император, правительство и основная часть элиты и чиновников принадлежат господствующей религии). В Византийской империи можно наблюдать своеобразную динамику от формы, близкой к халифату, к идеалу симфонии. Так, в ранней империи ромеев идеи царства и священства представлялись объединённо в образе царя-священника Мелхиседека, а с VII века эти же идеи передаются разделённо — в образах Моисея и Аарона³⁵.

Что касается Русского государства (империи Третьего Рима), то в нём протоевразийская идея гармонии культур и религий нашла ещё более ясное и осмысленное выражение, чем в двух первых Риме. Отчасти это объясняется прививкой веротерпимости от Золотой Орды, отчасти связано с особенностями национального характера (русские, в принципе, более уважительно относятся к иным культурам и верам, чем римляне и греки)³⁶. Идеал симфонии в России, несмотря на многочисленные попытки его достичь, оставался далёким от реализации.

Для живой развивающейся империи характерны напряжённые, открытые, неокончательные отношения императора с Богом. Империя — это человеческий мир, открытый к небу. От Церкви его отличает то, что он включает в себя народы и культуры такими, какие они есть, чтобы защитить их от какого бы то ни было насилия — как от военно-политических, так и от духовных посяга-

³⁴ Бердников И. Государственное положение религии в Римско-Византийской империи. Казань, 1881. С. 212.

³⁵ Острогорский Г.А. Отношение Церкви и государства в Византии. // *Seminarium Kondakovianum*. Вып. 4. Praha, 1931. С. 132.

³⁶ Именно к русской империи, начиная по крайней мере с XV–XVI веков, сложилось особое отношение у народов Востока — её воспринимали как державу «белого царя» (Ак-Падишаха). Таким легендарным титулом его именовали татары, ногайцы, китайцы, разные народы, принадлежащие к буддизму. С «белым царем» многие народы связывали своё будущее. В частности, в начале XX века всерьёз рассматривался вопрос о присоединении к Российской империи Тибета.

тельств. В пределе империя является не только защитницей правой веры от других воинствующих религий, но и защитницей различных традиционных культов от разрушителя и нивелиатора религиозных традиций (в исламе — Даджала, в христианстве — Антихриста).

Одним из определений империи, таким образом, оказывается «**собор вер**», который должен трактоваться не как экуменический «Всемирный совет церквей», но как «имперское небо» — развёрнутый над народами и религиями общий купол, под которым они могут свободно развивать свои культуры и служить Богу, не притесняя друг друга. Империя позволяет им, не смешиваясь между собой, хранить крупницы своего духовного опыта и пронести свою самобытность до последних времён.

Этот же принцип применяется и к этнокультурным традициям. Внутри империи общение и взаимодействие «равных» не направлено на их ассимиляцию или растворение друг в друге. Идеальная империя не создаёт новую расу, а консервирует существующие расы и племена. Вместе с тем в империи возможно и закономерно взаимное обогащение, особенно рельефно проявляющееся на уровне имперской элиты. Речь идёт о формировании специфической культуры, где каждый, оставаясь самим собой, будучи приверженцем своей веры, бытового и нравственного уклада своей малой родины, узнаёт и осваивает опыт других. Имперский человек видит весь мир через призму имперской полифонии как «мира миров», он овладевает языками как различными способами и логиками описания

жизни. Теоретически это может породить осознание относительности всего и вся (путь глобализации, экуменизма и либерализма), однако для идеальной имперской системы свойственно воспроизводить «**халкидонский принцип**». Формула Халкидонского догмата о двух природах Христа — «неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно» (вариант перевода: «неслитно, непревращённо, неразделимо, неразлучимо»), применяемая в других, небогословских сферах познания мира, выявляет себя как проекция халкидонского принципа. Именно такой проекцией выступает и метафизика державы — носительницы божественной правды и гармонии, в том числе и гармонии между различными религиями³⁷. Россия продемонстрировала всему миру пример преодоления религиозного

³⁷ Карташев А.В. Вселенские соборы. М., 1994. С. 288–295 (глава «Халкидонская проблема в понимании русских мыслителей»); Аверьянов В.В. Об архетипах исторической России // Свободная мысль, 2011, № 6.

конфликта, имеющего более чем тысячелетнюю историю (гармония шиитов и суннитов на территории Азербайджана).

В момент крушения империи возникает попытка клерикальных кругов ревизовать традиционные имперские представления о порядке духовного мироустройства и демонтировать имперские сакральные смыслы. По мысли профессора М. Бабкина, патриархи, как и прочие архиереи, являлись в Российской империи подданными царя, то есть слугами Бога и царя; цари же — «слугами только Христа, и более никого». Оценивая поведение Церкви в 1917–1918 гг., Бабкин констатирует, что клерикальная иерархия стремилась юридически отделиться от «тела» православной

империи, в том числе разграничить церковную собственность и «собственность» империи. Поэтому в Церкви крушение самодержавной монархии воспринималось многими с воодушевлением — оно казалось избавлением от царя (помазанника Божьего) как от своего «харизматического конкурента»³⁸. Можно привести многочисленные примеры тех святых и подвижников, кто не разделял данное стремление, однако Поместный Собор 1918 года показал, что в целом оно было широко распространённым и вызвало даже кратковременную эйфорию среди духовенства. Часть участников процесса «развода» Церкви и Царства впоследствии рассказали в содеянном, однако и до сих пор среди православных священников

и интеллигенции распространён ревизионизм в отношении имперского типа сакральности³⁹.

Отрицание империи как языческого по своему происхождению явления, критика его с позиции религиозной чистоты мировоззрения в наиболее обострённом виде проявляется как полугностическое «гнушение» имперской и вообще мирской властью, а иногда и как отождествление её с мировым злом. Так, В.Л. Цымбурский, остроумно противопоставляя цивилизации и религии, называет «сакральные вертикали» первых обратными проекциями Града земного на плоскость Иного Града, тогда как религии являются «правильными» проекциями высшего Града на Град земной⁴⁰. Однако

³⁸ Бабкин М. Священство и царство: духовенство Православной Российской Церкви и свержение монархии (начало XX в. — 1918 г.). Тезисы доклада на социологическом факультете МГУ, Москва, 27 мая 2010 г.

³⁹ Приведём лишь один пример. В журнале «Развитие и экономика» авторитетный исследователь исихазма С. Хоружий аргументированно показывает, что ещё в Византии имперская сакрализация была, по сути, языческим привнесением и вступала в противоречие с идеей исихастского «обождения» (Хоружий С. Колочий клад: византийское наследие в его обоюдоострой актуальности // Развитие и экономика, № 4, сентябрь, 2012. С. 187). По иронии судьбы в следующей статье этого же выпуска журнала наш друг и соавтор М. Медоваров специально останавливается на политической ориентации исихастов и самого св. Григория Паламы, который занял определённую идейную позицию — антизападническую и протоевразийскую. Св. Григорий Палама, вопреки рассуждениям Хоружего, в реальной жизни проявил однозначную политическую ориентацию на «сакральную Ромейскую монархию», императорскую, военно-бюрократическую, многоэтническую Византию (Медоваров М. Политическое измерение исихазма в поздней Византии и в новейшей истории России // Развитие и экономика, № 4, сентябрь, 2012. С. 199).

⁴⁰ Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М., 2007. С. 245.

в той же статье Цымбурский вдруг скатывается к релятивизму, утверждая, что одна цивилизация предстаёт перед другой «как разновидность хаоса, особо опасная, ибо целенаправленная и обладающая собственной «монструозной» рациональностью». То есть изнутри цивилизации не так ужасны, как снаружи, и в то же время Град земной в своих истоках так или иначе разоблачается как Град Дьявола⁴¹. Этот взгляд на империи и цивилизации напоминает мифопоэтические построения Даниила Андреева, писавшего об эгрегорах как психических эманациях больших человеческих коллективов, направленных в высшую духовную реальность, и в особенности напоминает его образ уицраоров как демонов великодержавной государственности⁴².

На наш взгляд, социально-историческое зло проявляется не как эгоцентрическое отражение враждующих цивилизаций в зеркале друг друга и не как посягательство земного политического устройства на выстраивание самостоятельных сакральных проекций (ибо духовное искажение возможно в обоих направлениях — и в проекциях сверху вниз, и в отражённых проекциях снизу вверх). Зло выражается через смешение и взаимную аннигиляцию духовных полюсов, когда люди по тем или иным причинам «остывают» в качестве носителей своей веры и хранителей своих святынь, теряют различие своего и чужого, становятся равнодушными к собственному происхождению и в конечном счёте утрачивают ясное представление об отличии добра от зла.

Двойственность двух фундаментальных типов империи — паразитарно-колониальной и космократической, о чем мы писали выше, — отражает дуализм истори-

ческих потоков, описанный выдающимися мыслителями прошлого. Так, А. С. Хомяков называл эти потоки «кушитством» и «иранством». Евразиец Н. Н. Алексеев построил концепцию двух типов империй — с ориентацией на имманентное и трансцендентное. Первая представлена семитами и Западной Европой, другая — наиболее полно проявилась в Индии, Китае, Иране. Первые, по мысли Алексеева, видят в государстве стремление к устройению для своих подданных благоденствия, «земного рая». Индусы, иранцы и туранцы, напротив, строили свои царства, сообщая им духовную сверхзадачу, идеал «царства блаженных»: «Задачей истинного царя является достижение состояния духовного просветления, которое он обязан передать и подданным», «воспитание подданных в правде»⁴³. Еврейская вера в земное Царство Божие в Новое время перевоплотилась в протестантскую и рационалистическую веру в «естественное право», основанное на некоем абстрактном «природном состоянии» человека.

В Русской доктрине в своё время отмечалось, что смысл жизни человека в «империях блаженных» заключался вовсе не в награде и не в воздаянии, которое ждёт его после смерти: «Награда для него, если тут можно говорить о награде, состоит в том, что он здесь и сейчас приобщается к вечности, вера истинная и правда божеская прекрасны сами по себе, безотносительно загробных воздаяний. Правда и вера прекрасны потому, что вечны. В этом заключается сам смысл понятия «блаженный» — такой просветлённый праведный человек несёт свою «награду» в самом себе, и страдания, лишения этой жизни не способны отнять у него «блаженства»⁴⁴.

При смешении «кушитства» и «иранства», «Царства благоден-

ствия» и «Царства правды», при затемнении их различий возникает перспектива «перевёрнутой теургии». В Новое время в Европе это смешение несовместимого проявилось в политических революциях и деятельности масонских и парамасонских структур. Если рождение христианства знаменовало перелом от деградированного ветхозаветного представления о смысле жизни и мечты о царстве Мошиаха к радикально отличному от него представлению о воскресении и обожении твари, обладающему высочайшим духовным потенциалом, то революции XVIII–XX веков вели, напротив, в мир постхристианской релятивизации духовных ценностей, к энтропии сакральных ориентаций.

В этом отношении империя как политическая структура, сдерживающая процесс разложения и смешения культур, сама по себе, безотносительно её мировоззренческих предпочтений, оказывается более близкой для религиозного сознания и мира традиционных нравственных ценностей, чем идеалы республики, конституционной монархии, национального государства и т. п. Свобода, которую предоставляют массе людей либеральные силы в ходе эмансипации, недолго позволяет наслаждаться своими плодами, очень скоро она поворачивается к людям, как они есть, своей агрессивной стороной.

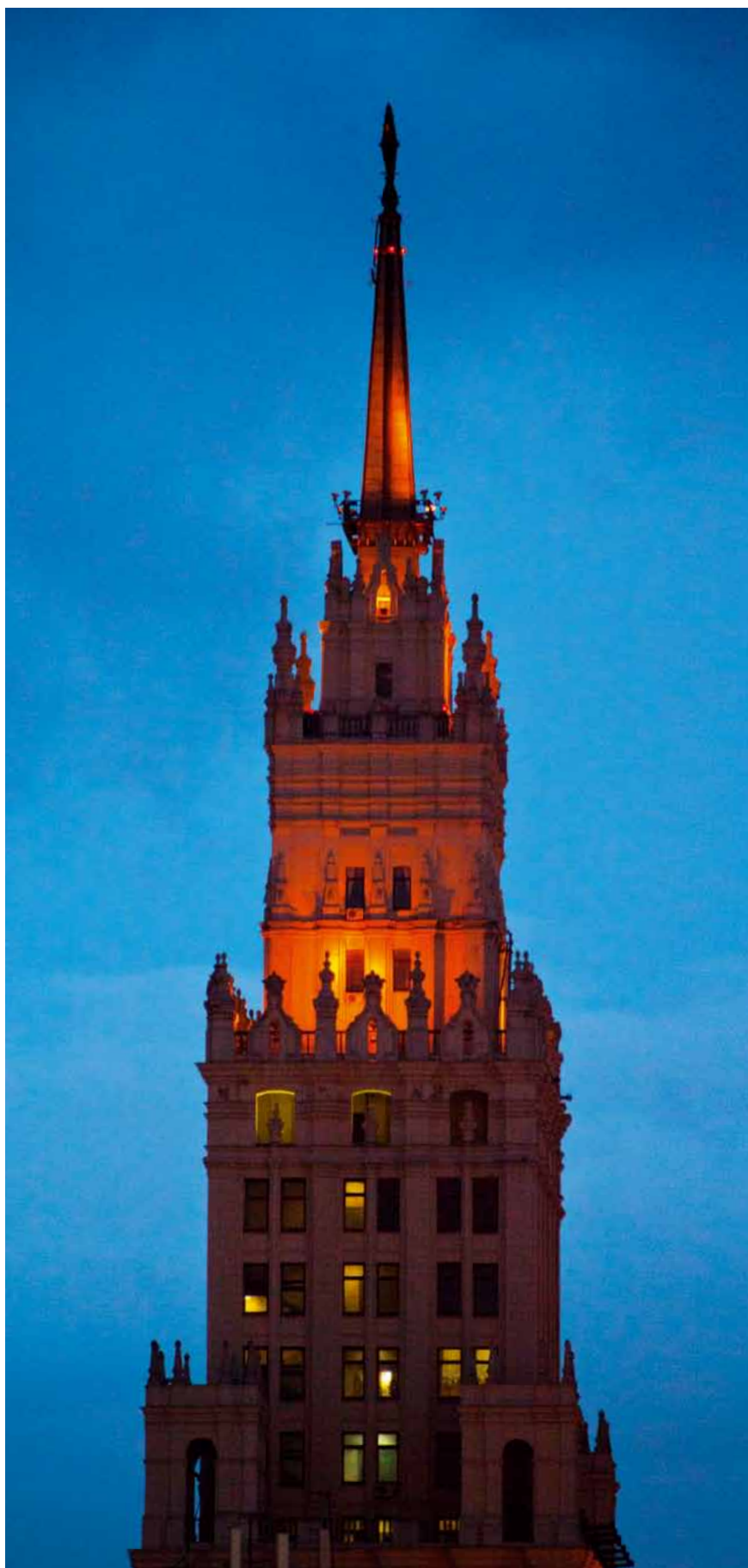
Подлинная империя, коренясь в метафизике ведущей религии, конструирует пространство принципиальной исторической открытости для неведомого. Трон императора Византии имел две половины, одна из которых была всё время пустой — на ней лежал крест как символ того, что здесь должен сидеть подлинный Царь Мира, Христос. В иранском парламенте также сохраняется место

⁴¹ Там же. С. 249.

⁴² Андреев Д. Роза мира. М., 1992. С. 571, 572.

⁴³ Алексеев Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 454.

⁴⁴ Русская доктрина. М., 2008. С. 42–43.

для «сокрытого имама» шиитов — Махди⁴⁵.

Природа сакрального пространства империи и мистики императора коренится в том, что император должен постоянно жить в особом режиме — не столько текущей политики и злобы дня, сколько «Священной истории», свершающейся здесь и сейчас. В этом смысле император в силу сфокусированности на нём сакральной энергии империи является настоящим «понтификом», строителем мостов между землей и небом, и он отделён от остальных людей не только своей миссией, но и в высшей степени напряжённым сознанием вечности, присутствующей в нём и вокруг него.

Для верного понимания сакральной вертикали империи можно вспомнить концепцию П.А. Флоренского о многослойности сакрального времени, которая объясняет, что наличие такого особого императорского пространства и временного цикла вовсе не противопоставляет его пространству и времени религии, но соединяет их как два слоя, два вида сакрального. «В истории выделяется священная эра — свою эпоху, т.е. началом счёта времени, — пишет Флоренский в «Философии культа». — Если пространство расчленено рядом отслаивающих одну часть от другой перегородок, то время — рядом временных же образований, ритмически объединяющих одну часть священного времени от другой, более священной. Ряд запретительных мер принят для того, чтобы уединить времена священнейшие от священных, а священные от мирских, мирские же — от греховных»⁴⁶.

Разница между двумя природами сакрального состоит в том,

⁴⁵ В России в Успенском соборе Кремля царское место находится в пространственном распределении с «царскими дверями», соотносящимися с Христом (Б.А. Успенский. Царь и Патриарх. Харизма власти в России. М., 1998. С. 22).

⁴⁶ Флоренский П.А. Собрание сочинений. Философия культа. М., 2004. С. 196.

что имперская мистика утверждает божественное присутствие непосредственно — через прямую связь между личностью царя и личностями его подданных, через связь их всех в Боге безотносительно религиозной принадлежности. Связь эта базируется на высшем сакральном статусе царя и на клятве верности царю, носящей не секулярный (лишенный религиозного измерения), а священный характер, что может по-разному отражаться в разных религиях.

Таким образом, опираясь на опыт предков, сегодня мы можем уверенно говорить о том, что в Пятой империи должна быть осознанно выстроена мощная сакральная вертикаль, необходимая всем народам и религиям России, а также и народам других цивилизаций и культур. Новая имперская система на новом уровне воспроизведёт модель совместного противостояния разложению и недопущению того, чтобы субъект разложения сеял рознь между духовными и политическими традициями. Такая модель должна работать не только внутри империи, но и между державами на основании признания консенсуса пусть не по набору ценностей (некоторые из которых могут отличаться), но по наличию общего базового доверия. Доверие будет покоиться на том, что у каждого из геополитических субъектов есть свои святыни. Уважение к святыням друг друга может быть достаточным основанием для союза против субъекта субверсии и разложения традиционных культур, совместного — глобального — ограждения себя и друг друга от сегодняшнего зла: такого как «радужная» эрозия, «оранжевая» анархия, «зелёное» мальтузианство.

Эта гармония, в отличие от новейших проектов «религиозного экуменизма», является не какой-то внешней по отношению ко многим религиям и народам интеллектуальной конструкцией, а выстраданным опытом исторической России, доказавшим свою дееспособность форматом гармонизации мира, мирового общежития.

5. ФУТУРОЛОГИЯ ПЯТОЙ ИМПЕРИИ

Империя в конечном счёте определяется не личностью императора, не механизмом рекрутирования элит, не методиками интеграции, но своей высшей миссией, которая может быть сформулирована не сразу, но действовать внутри имперского народа как его «энтелехия». Мы полагаем, что такая миссия вне всяких сомнений присутствует в интуитивном строе души русского народа. Более того, порою следование этой интуитивной сверхзадаче могло казаться необъяснимым прекраснодушием, «слабостью», «неконкурентоспособностью» русских, поскольку другие белые империалистические народы давно использовали бы «русские» возможности, чтобы повернуть их против колонизируемых народов и пространств к своей шкурной выгоде. Точно так же и политика русской империи (как до революции, так и в советский период) часто строилась на нелогичном с точки зрения Запада принципе: поддержки слабейшего, угнетённого, донорстве по отношению к нуждающимся (о чём писали в свое время Достоевский, Леонтьев, Спекторский и другие русские писатели).

В XXI веке возрождение русского имперского проекта должно быть связано с выходом из тупиков промежуточного состояния цивилизации (между индустриальным и информационным, пятым и шестым технологическими укладами, между миром капитализма и миром прорывного сверхиндустриализма, нового синтеза гуманизма и традиционализма)⁴⁷.

В первую очередь Пятая империя России должна проявиться в виде нескольких мощных кластеров — «**Национальных информационных корпораций**» (НИК), включающих в себя автономные структуры — исследовательские, информационные, политические партии, общественные движения, творческие союзы, предприятия, общины. НИК, в свою очередь, выступают инициаторами **создания «Международных информационных корпораций»** (МИК), также основанных на сетевой, горизонтальной интеграции. Сетевой принцип функционирования позволит привлечь к НИК разнообразные структуры и сообщества в других странах (прежде всего бывшего СССР). Это, несомненно, будет способствовать процессу имперской реинтеграции и наращиванию «мягкого влияния» России во всём мире. МИК станут действенной альтернативой тем сценариям, которые проводятся транснациональными корпорациями (ТНК), всерьёз претендующими на то, чтобы подменить собой национальные государства. Они навязывают миру глобализм, предполагающий нивелирование цивилизаций (коктейлизацию мира)⁴⁸.

МИК противопоставят идее всеобщей глобализации идею **свободы наций**, сохранение самобытности

⁴⁷ Особенности технологического перехода, который должна при этом осуществить Россия, изложены в работе: Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М., 2010. Что касается ценностной модели, которую может предложить Россия миру в ближайшее время, ей посвящена глава «О наступательной доктрине России в мире» в докладе: «Другая холодная война. Стратегия для России» (Изборский клуб, 2014, № 10 (22)).

⁴⁸ Мощь западной (атлантической) цивилизации, авангардом которой являются США, поддерживается и наращивается посредством функционирования мощнейших интеллектуальных центров, часто именуемых «мыслящими танками» («think tanks»), «фабриками мысли» («brains trust») и т.п. В принципе, эти «танки» и «фабрики» принадлежат к информационному укладу, но они подчинены крупным корпорациям, увязшим в индустриальном укладе, и ставят своей целью аналитическое обеспечение глобального финансового капитализма, то есть нацелены на консервирование регресса мировой системы.

Был воспитан народ, который в принципе пригоден к большой мировой миссии и воспроизводит её исходя не из ожиданий сиюминутной отдачи или тем более прибыли, но целенаправленно — как духовную установку на преобразование мира.

всех народов. В этом проявится классический фундаментально имперский характер этого нового этапа развития, несмотря на его сетевые формы, а также активное использование демократических и плебисцитарных механизмов общественного управления.

В новом мире, после крушения проекта западной глобализации, могут существовать несколько больших имперских сетевых пространств (России, Северной Америки, Латинской Америки, Западной Европы, арабских стран, Китая и т. д.), что в известной степени будет соответствовать столь популярной ныне концепции многополярного мира. При этом имперские пространства могли бы решить важнейшую задачу — вовлечение в течение нескольких десятков лет всех жителей планеты в систему эффективного образования и высокотехнологического производства (сфера услуг должна стать приложением к производству). Это не только морально-этическая задача, но и просто требование элементарного прагматизма. Наличие миллиардов изгоев, люмпенов и просто бедных в условиях существования стран, привыкших к достаточно высокому жизненному стандарту, способно вызвать лишь мировой хаос⁴⁹. **Развитие всех стран мира должно происходить в интересах подавляющего большинства жителей планеты**, за исключением тех сверхбогатых махинаторов, которые хотели бы использовать упомянутый выше хаос для демонтажа национальных государств и утверждения мировой тирании ТНК. В этом может

заключаться историческая миссия Пятой империи в среднесрочной перспективе.

Россия может стать лидером в деле создания МИК, что, безусловно, превратит её и в мирового лидера в сетевом формате, отличном от формата западного империализма. И если учесть, что русское имперское сознание никогда не было империалистическим и колониальным, то надо признать — шансы наши здесь очень и очень велики. Отсутствие колониальной традиции, предполагающей жёсткое доминирование «метрополии», обрекало русских, как говорят некоторые, на «бесполезную» трату своих национальных энергий. Однако переход в сверхиндустриальный, информационный формат устраняет минусы русской «всечеловечности», обращая их в однозначный плюс.

Согласно многочисленным мотивам русских сказок гармонизация мира со стороны главного героя (Ивана-дурака, Ивана — крестьянского сына, Ивана-царевича) ведёт к гармоничному ответу со стороны мира. Безусловно, народ не ведёт в своих сказках речь о прямолинейной благодарности (в истории России, напротив, мы часто получали чёрную неблагодарность со стороны тех, кому оказывали поддержку) — речь идёт скорее о формировании русского стратегического менталитета. Был воспитан народ, который в принципе пригоден к большой мировой миссии и воспроизводит её исходя не из ожиданий сиюминутной отдачи или тем более прибыли,

но целенаправленно — как духовную установку на преобразование мира.

В каких же формах могла бы проявляться Пятая империя в стратегическом плане?

Конечно, в своём докладе мы не дадим на этот вопрос исчерпывающего ответа. Тем не менее, на наш взгляд, есть ряд уже проявленных в истории русской цивилизации замыслов, которые должны будут реализоваться в ближайшие столетия. Одним из таких стратегических направлений мог бы стать **русский космизм**, заново переосмысленный и синтезированный с православной традицией и новейшими научными достижениями.

С прагматической точки зрения большая космическая программа предоставила бы возможность естественного решения проблемы демографического взрыва. На закономерность связи взрывного увеличения численности человечества с выходом человека в космос указывал в 60-е годы прошлого века оригинальный русский философ и футуролог, развивавший идеи В. И. Вернадского, Игорь Михайлович Забелин. Вот что он писал по поводу космической миссии человечества: «Определённо создаётся ощущение, что человечество как некое явление природы, как организация, «организм» — и тут совершенно прав В. И. Вернадский — исподволь готовится к выполнению каких-то новых своих жизненных функций, что какие-то имманентные причины выводят его на неведомые новые рубежи — и поэтому человечество набирается сил, перестраивается, самоорганизуется, подчас мучительно страдая при этом и преодолевая свои страдания. <...> Всё, что сейчас происходит с человечеством, подводит его вплотную к выполнению действительно только ему присущей и предназначенной миссии — к управлению природными процессами сначала

⁴⁹ Волны спонтанной миграции характерны не для империи, которая организует поток трудовых ресурсов всегда в соответствии со своими планами, а для империи разрушенной либо существенно ослабевшей. В империи стоимость труда — лишь один из критериев экономической целесообразности, которая определяется в согласии с критериями высшего порядка. Экономическая доктрина Г. Грефа с её диктатурой рынка закрепляла именно постимперскую, капитулянтскую стратегию РФ на рубеже веков.

на земном шаре, а потом и в около-солнечном пространстве»⁵⁰.

Сергей Переслегин, рассуждая о космосе как о естественном фронтире Развития, справедливо отмечает: «Всякая сколько-нибудь серьёзная социальная инженерия в глобализованном мире, ограниченном рамками Земли, является бессодержательной, поскольку в отсутствие космической экспансии ноосфера Земли по мере завершения процесса глобализации приобретает все черты замкнутости. Для замкнутых социосистем выполняется закон неубывания социальной энтропии»⁵¹.

Иными словами, глобализация как спонтанный процесс освоения среды диктует выход накопившейся энергии по вертикали — формирование нового жизненного пространства, постепенно обретающего автономию от породивших её земных народов-цивилизаций в виде стоянок, станций, колоний в космосе.

Объём информации давно уже превысил рамки собственно Земли, он принял вселенский характер. Об этом косвенно говорит и огромная популярность космической фантастики — человечество явно готовится перейти в совершенно новый формат экспансии как формы существования. Но это невозможно в условиях господства старых политико-экономических форм индустриальной эпохи. Кроме того, необходимо понимание того антропологического поворота, который неизбежен в случае полноценной вертикальной экспансии. «Рывок к звёздам» приведёт к возникновению **«человека космического»**, колонизационные авангарды которого будут создавать орбитальные города (полисы) и терраформировать другие планеты, воспроизводя

там реалии человеческого социума. Проекция земного на космическое нужна для утверждения самого человеческого начала, раскрытия его глубинного потенциала.

Важно подчеркнуть, что космическая экспансия отнюдь не предполагает космополитизма — хотя и утверждают, что освоение космоса возможно только усилиями «объединённого человечества». Нации, страны, прочие общности, укоренённые в почву, являются мощными мотиваторами любых экспансий, без них человечество лишится базовых амбиций. Именно национальная экспансия способна вывести человечество в космос⁵².

В то же время русский космизм, который стал основным религиозно-философским источником создания и внедрения реальных космических технологий, видел миссию человечества не в чисто пространственном распространении и не в добывании ресурсов из космоса, но в переходе самого человека как духовно-психо-

физиологического существа в *новое качество*. Основоположники русского космизма, выступавшие с позиции синтеза науки и религиозной метафизики, рассматривали космонавтику исключительно в русле прорыва человечества к высшим состояниям, прорыва, альтернативного чисто технократической цивилизации. Создатель учения о биосфере и ноосфере Владимир Вернадский твердо верил, что нас ждёт переход в сверхчеловеческое состояние, к тому «роду, который нас заменит»: «И должно быть это геологически скоро, так как мы переживаем психозойскую эру. Структура мозга будет изменена по существу, и этот организм выйдет за пределы планеты»⁵³. Переориентация цивилизации, изменение курса её развития были связаны для русских космистов с раскрытием качественно новых психофизических возможностей человека. «Человеку, — писал Фёдоров, — будут доступны все небесные пространства, все небесные миры только тогда, когда он будет

⁵⁰ Забелин И.М. Человечество — для чего оно? М., 1970.

⁵¹ Переслегин С. Возвращение к звёздам: Фантастика и эволюция. М., СПб., 2009. С. 561–562.

⁵² Также важно (это отмечалось выше) — сверхиндустриализм никоим образом не аннигилирует старые формы, но преобразует их. Например, экспансия в космос типологически близка к экспансии подводной, направленной на освоение дна Мирового океана. А эта колонизация есть продолжение, в новых условиях, колонизации земного пространства.

⁵³ Вернадский В.И. Письмо к И.М. Гревсу от 4 октября 1933 г. — в кн. Мочалов И.И. В. И. Вернадский, М., 1982. С. 278–279.

воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул, потому что тогда только он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы»⁵⁴. Согласно Циолковскому, Земля представляет собой заповедник, в котором образовалась естественная колыбель разума, призванного преобразить мировой хаос в гармонический космос.

В этой главе своего доклада мы привели лишь два примера русского развития (тактический — связанный

с созданием международных информационных корпораций, и стратегический — реализацию замысла и потенциала русского космизма). Именно такого рода задачи могут считаться соразмерными русской цивилизации, которая через новую империю, новое возрождение должна выйти от уготованного ей конкурентами затухания и растворения в других цивилизациях на очередной виток своего развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ИМПЕРИЯ ХАЛКИДОНСКОГО ТИПА

Мы уже останавливались на том, что миф о конце всех империй оказался несостоятельным во всех смыслах. Более того, непредубеждённый историк должен был бы констатировать, что при падении империи на её месте, как правило, сразу же возникает другая. Так, крушение колониальных империй (Британской, Французской, Бельгийской и т.д.) совпало с попыткой образования новой империи — Европейского союза.

Проанализировав имеющиеся в науке и общественной мысли предположения об альтернативах имперскому пути развития России — космополитический путь (интеграция в мировое государство), национальное государство (с отказом от восстановления исторической России и с тенденцией к уменьшению и геополитическому отступлению нынешней РФ), конфедеративные и союзные формы в их противопоставлении имперским принципам, — мы пришли к выводу, что этих альтернатив для России, нацеленной на продолжение своего существования в истории, не существует.

Имперский формат государства, как мы уже отмечали выше, предо-

ставляет гибкий инструментарий для кооптации в него различных политических форм. Избирательное использование элементов унитарности, федерализма, союзной формы, автономности, договора и клятвы (присяги), активнейшее задействование демократических и сословно-корпоративных видов представительства и соучастия в политических процессах, конструирование общеимперского национализма и патриотизма позволят создать современное государство, обладающее всеми преимуществами ныне существующих государств и при этом избегающее их пороков и слабостей. Общеперский национализм планомерно воспитывает духовно-культурный тип гражданина, своеобразие этого типа определяется не внешними либеральными канонами, но ходом развития данного государства, его внутренней логикой⁵⁵.

Империя есть **общечеловеческая константа**. Как очевидно, здесь проявляется стремление людей к единству, которое предполагает обща для них природа. Глобализм, который как геополитическая тенденция уходит своими корнями в глубь веков, пытается возродить это единство на уровне глобальном, что является утопией — в самом худшем смысле этого слова. Человечество реализует свои потенции в режиме **национального творчества**, вкладывая в сокровищницу истории величайшие достижения государственного и культурного строительства. Поэтому объединение в империю халкидонского типа противоположно пути глобализации по своей внутренней сущности.

Сегодня путь глобализации и сценарий, отстаиваемый её субъ-

⁵⁴ Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982. С. 451.

⁵⁵ Навязанное в поле общественной дискуссии какое-то время назад противопоставление империи и национализма может иметь место только при одном условии — если речь идёт о национализме универсально-космополитического образца, национализме либеральном. В противном случае национализм и империя вполне согласуются между собой: национализм ведущего имперского народа оплодотворяет собой имперскую идею, а национализм малого народа, примыкающего к империи, заключённый в рамки имперской лояльности, развивается и процветает под покровительством имперского закона. В империи подданный живёт в структуре двойной идентичности, сочетая национализм большой Родины-империи и национализм как любовь к малой родине, которая естественна и благородна в глазах всех имперских (братских) народов.

ектом — западной гиперимперией, — означает торжество антисистемных и деградиционных тенденций в человеческом развитии, закрепление доминирования «богатых» стран, а в них — узких олигархических прослоек, сокращение и демонтаж среднего класса во всём мире, переход к новому кастовому обществу, в основе которого — ревизия психобиологической природы человека с редактированием его «генной карты» и формированием расы сверхлюдей, стоящих над остальным человечеством. За большинством людей будет закреплена роль пассивного потребителя предложенного ему элитами варианта существования с отречением от всех традиционных «предрасудков», от всего высшего в себе и в своей культуре ради утверждения усреднённо-низшего, полуживотного существования. Впрочем, и сверхлюди в этом сценарии развития рисуются скорее рационально высокоразвитыми человекозверьями, не наследниками духовных традиций предков, а своеобразными комбинаторами информационных архивов исторически «преодоленной» человеческой цивилизации.

Возникновение «территорий хаоса» в регионах мира в результате процессов глобализации — признак того, что даже при своём гипотетическом возникновении такое глобальное квазигосударство — с «мировым правительством» — просуществует очень недолгое время. (Возможно, именно на это и указывается в христианской традиции, согласно которой «сын погибели», Антихрист, будет править всего несколько лет.)

Пятая империя как модель развития должна быть:

- 1) **человечной империей**, видящей в людях в первую очередь людей, то есть образ Божий, а не материал или субстрат;
- 2) **веротерпимой и терпимой** по отношению к традиционным культурам;
- 3) **империей халкидонского типа** (в узком смысле), то есть гарантом бесконфликтного сосуществова-

ния религиозных и этнических групп;

- 4) продолжающей русскую цивилизационную традицию «**миродержавия**», то есть остановки и преграды для всех претендентов на мировое господство;
- 5) проектом **общего дела** для народов доброй воли;
- 6) интегративной по отношению к предшествующим цивилизациям («**страна-наследница**»);
- 7) естественной лабораторией по выработке человеческого типа будущего
- 8) нацеленной на приобщение человека к высшим ценностям (в пределе русский идеал — святость, Святая Русь — это универсалистский идеал, не ограниченный географически, идеологически, метафизически).

Некоторые из этих восьми тезисов требуют здесь более подробного раскрытия. Так, в Пятой империи:

- союзнические и братские отношения между народами, связанными общей исторической судьбой, являются высшей ценностью и не подлежат ревизии в угоду националистическим, прогрессистски-космополитическим, неогностическим социальным проектам;
- **империя Халкидонского типа** — это государство, хранящее право религий и этнокультурных (национальных) традиций на нераздельное и неслиянное общежитие друг с другом. В этом смысле каждый народ несет посильную имперообразующую миссию. Неуважительное отношение к другим традициям, пропаганда розни по отношению к ним жёстко пресекаются;
- попытки растворить другой народ и другую религию в своём народе и своей религии, так же как и агрессивное обращение в квазирелигиозную (идеологическую) доктрину, «заменяющую» собою другие виды идентичности, не поощряются. Переход в иную веру и ассимиляция этноса могут

происходить **исключительно на добровольной основе**;

- в качестве ведущего постулата мирового развития — как его живой механизм — признаётся сохранение разнообразия культурно-цивилизационных кодов и своеобразия культурных типов. Сопrotивление духу и политике Пятой империи со стороны сил глобализации, транснациональных групп, трансгуманистических идеологий должно быть сломлено на основе стратегического союза с другими цивилизациями, разделяющими принципы взаимного доверия и уважения к святыням и высшим ценностям друг друга (здесь халкидонская модель понимается уже в расширительном смысле);
- как инициатор и гарант мировой гармонии Пятая империя в качестве своего приоритета должна созидать и воспроизводить сильнейшую армию, лучшее вооружение, мощнейший военнотехнический сектор. При возникновении военных конфликтов, угрожающих мировой гармонии, в их урегулировании силовыми средствами должны участвовать армии стран — участников широкой международной коалиции, а не какой-то одной страны;
- многополюсное и многообразное человечество в перспективе должно выйти на новый этап взаимодействия, провозгласив вектор негэнтропийного сверхиндустриального пути, связанного с освоением космического пространства во внешнем мире и развитием самого человека на основе реализации высших религиозно-метафизических потенций и раскрытия пребывавших в небрежении антропологических возможностей. Для этого Пятая империя целенаправленно предложит максимально возможные стандарты образования, научного и духовного творчества, здоровья и долголетия людей, реализацию себя в семье и системе воспитания

для передачи опыта и нравственных ценностей детям и ученикам. Эти стандарты должны будут распространяться по возможности на все культуры и цивилизации, но не как принуждение, а как открытае возможность, как право каждого человека на участие в общепланетарном развитии. Высшие достижения науки, культуры и искусства, так же как передовые инновации, должны быть достоянием большинства, а не основанием для неэквивалентного обмена;

- Пятая империя задаёт завышенный формат культурного творчества, противопоставляя его духу современной массовой культуры. Должен быть создан и убедительно растиражирован во всём мире новый Большой Стиль Империи, новая эстетика и мода, в которых высокая классика воплотится в народной форме. Помимо магистральных проектов новой эпохи (новые технологии, освоение космоса и др.), перед сверхиндустриальным обществом может встать проблема занятости и досуга миллиардов, не вовлечённых напрямую в эти проекты. Решение можно найти не через гипертрофию сферы зрелищ, развлечений, удовлет-

ворения так называемых искусственных потребностей, но — через развитие талантов в ремесле, искусстве, в народных промыслах, спорте, поднимая престиж мастерства и популярность в обществе высококачественных плодов авторского труда;

- к обычному набору человеческого «счастья» и «качества жизни» Пятая империя добавляет ещё один элемент: национальные достоинство и честь, удовлетворенность человека состоянием своего народа, своей культуры и религии, связанной с этим справедливостью в обществе и в мире;
- предстоит выработка особого имперского правящего слоя, хранящего и воспроизводящего имперские смыслы как симбиоз экономик, культур, цивилизаций, аккумулирующего их высшие ценности, строящих имперскую сакральную вертикаль в её своеобразии. Элита Пятой империи призвана осуществить синтез общенациональной сверхидеологии в духе братства единомышленников, своего рода огромной артели, где солидаризуются усилия народов, корпораций, направлений, школ, индивидуумов. Девиз этого синтеза — «**Кто не про-**

тив нас, тот с нами». Вместо американской мечты и «стиля жизни» со ставкой на индивидуальный успех Пятая империя предложит миру русскую всечеловечную мечту «общего дела», заразительную идею сплочения вокруг привлекательной задачи, радости от общего смысла жизни и общего успеха с приоритетами общественной целесообразности и социальной правды. Общепланетарная сакральность и высшие идейные искания Пятой империи должны неукоснительно базироваться на основе халкидонского принципа, не подменяя собой сакральность и догматику традиционных религий.

Мы стоим на пороге нового цикла своей империи, — это не возрождение четвёртой или третьей империи, а создание принципиально новой реальности. Для **молодой империи**, находящейся в начальной фазе цикла своего восхождения, как правило, характерны: прямое рекрутирование элит, прямая связь широких слоёв и вождя, а следовательно, народный характер самой империи, формирование «аристократии» или «правлящего слоя» исключительно исходя из личных заслуг. Все эти преимущества молодых империй должны в полной мере быть реализованы в России ближайшего будущего

Империя не хранится в крови династий. Она не содержится в чернилах бюрократов. В пыли библиотек и архивов. И даже в порохе военных. Она лежит в конституции имперского человека — носителя своеобразной цивилизации. Империя — это макрокосм царства, спрятанный в микрокосме человека. Как сказал 100 лет назад Василий Розанов: «Цари понимали боль, роды и смерть, — и они кость от кости народа крестьянского, и воистину каждый крестьянин есть царь по державному устройению ума и души».

Империи невозможно убить. Спрятавшись в пучине исторических потрясений, империя на время погружается в «волны небытия», выжидая момент, когда она сможет всплыть.

Империя не хранится в крови династий. Она не содержится в чернилах бюрократов. В пыли библиотек и архивов. И даже в порохе военных.

Она лежит в конституции имперского человека — носителя своеобразной цивилизации. Империя — это макрокосм царства, спрятанный в микрокосме человека. Как сказал 100 лет назад Василий Розанов: «Цари понимали боль, роды и смерть, — и они кость от кости народа крестьянского, и воистину каждый крестьянин есть царь по державному устройению ума и души».

Империи невозможно убить. Спрятавшись в пучине исторических потрясений, империя на время погружается в «волны небытия», выжидая момент, когда она сможет всплыть.

/ Кандидат философских наук, руководитель информационно-аналитического портала «Империя» Юрий БАРАНЧИК, эксперт в области исследования международных рынков Александр ЗАПОЛЬСКИС /

Евросоюз — империя, которая не состоялась

Экспертный доклад Изборскому клубу

ВВЕДЕНИЕ

Произошедший 7 января 2015 года в редакции французского журнала «Charlie Hebdo» теракт, без всякого сомнения, стал поворотной точкой в развитии Европы, точно так же как теракт 11 сентября 2001 года изменил судьбу США и всего мира. И в 2001 году, и ещё более явно в 2015 году в произошедших трагедиях видны следы активности спецслужб.

В последнем случае о ней говорят такие красноречивые факты, как приезд президента Франции на место теракта в течение часа после произошедшего, документы террористов, найденные на месте преступления, смерть уже двоих следователей, начавших вести это дело. И в США, и в Европе теракты были призваны оправдать резкое изменение в государственной внешней и внутренней политике в сторону ужесточения общественного и по-

литического климата, а также поставить под более жесткий политический контроль экономическую вольницу либерализма.

Средство достижения поставленной цели и в первом, и во втором случае заказчиками избрано одно и то же — искусственное формирование образа внешнего врага, обозначение победы над ним как политической сверхцели на среднесрочную и долгосрочную перспективы.

Истинные заказчики терактов в Париже пока ещё неизвестны. По этому вопросу в экспертном сообществе на настоящий момент существуют две основные версии.

Одна из них возлагает произошедшее в Париже на Вашингтон (ангლოსаксов), увязывая это с использованием созданной американцами во второй половине прошлого века на террито-

рии Европы системы государственного террора «Гладио». Главными целями американцев являются, во-первых, сковывание Европы в её политическом маневре по отношению к России на фоне конфликта на Украине, плачевно заканчивающегося для спровоцировавшего его Вашингтона, и, во-вторых, затаскивание Европы в зону Трансатлантического партнерства (известную также как договор ТАФТА) с целью подчинения её экономики американским интересам и формирования двухуровневой системы отношений между двумя центрами западного мира.

Вторая версия возлагает ответственность за парижские теракты непосредственно на европейские спецслужбы, которые таким образом пытаются дистанцировать своих политических лидеров от американского давления и сорвать американский план по полному подчинению Европы через подписание Договора о Трансатлантическом партнёрстве¹.

Таким образом, просматривается два возможных направления развития событий: либо окончательное подчинение Европы целям и задачам американского проекта, либо попытка европейски ориентированных сил спасти европейский проект путём отсечения от него американских щупалец.

Основная задача данного доклада: дать оценку текущему политическому и экономическому состоянию Европейского проекта, указать на основные угрозы его существованию, после чего спроецировать основные тенденции его развития на среднесрочную перспективу до 2020–2025 годов в виде наиболее вероятных сценариев экономического и политического развития.

¹ При всей своей формальной равноправности, его нормы фактически значительно более выгодны для США, чем для ЕС. Например, в сельском хозяйстве: американское продовольствие дешевле европейского благодаря широкому применению генной модификации, а также химических и биологических добавок в корма. В ЕС всё это находится под прямым запретом. В случае принятия «американских условий» ТАФТА американская с/х продукция за счёт своей дешевизны полностью вытеснит европейскую с рынков ЕС. Сходные проблемы ожидают немецкое среднее машиностроение и отрасль производства электроники. Общий объем возможных потерь специалистами оценивается до 40% совокупного ВВП ЕС.

РАЗДЕЛ 1. ЕВРОПА: ИЛЛЮЗОРНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Евросоюз — мина под Европу

Никто не будет оспаривать тот тезис, что текущее политическое состояние Евросоюза определяется теми параметрами, которые были заложены в фундамент будущего Евросоюза

при его создании в полном соответствии с интересами тех, кто эти параметры формулировал и закладывал. И здесь необходимо выделить две стадии в развитии Евросоюза. Первую можно назвать собственно европейской, а вот вторую — англосаксонской.

Первая стадия в развитии Евросоюза — это промежуток времени

от момента создания «Союза угля и стали» между Германией и Францией до момента распада блока СЭВ и Советского Союза. В этот период развитие ЕС происходило преимущественно в экономической плоскости с экономическими целями и, главное, — оно было экономически обоснованно.

Вторая стадия в развитии ЕС связана с крушением блока СЭВ и навязанной Германии и Франции со стороны англосаксов идеей заполнить образовавшийся военно-политический и экономический вакуум в Восточной Европе. Именно в этот и последующий периоды англосаксами и были заложены под политическую конструкцию ЕС две мины замедленного действия, которые должны сработать в тот момент, когда Евросоюз выполнит возложенные на него цели: с одной стороны, миссию обруча, сковывающего германскую мощь, с другой — блокирование возможности для России, Китая и ведущих стран ЕС образовать единую евразийскую зону безопасности и торговли².

Если в XIX веке для сдерживания будущей мощи Российской империи создавалась Германия, то в конце XX века для сдерживания самой Германии и недопущения российско-германского альянса на пороге девяностых в ходе расширения ЕС была изменена политическая конструкция ЕС, в результате чего Германия может проводить в Евросоюзе только свои финансово-экономические интересы, но лишена возможности политического маневра.

Напомним, что по итогам Второй мировой войны Германии американцами был навязан «канцлер-акт», согласно которому Германия должна все свои крупные политические

² Напомним, что подобную концепцию, в виде системы сдержек и противовесов на европейском континенте, англосаксы применяют уже не в первый раз. Достаточно вспомнить саму историю создания Германии как единого централизованного государства, к которому Британия приступила спустя несколько лет после проигрыша Россией Крымской войны: с целью не допустить нового прямого военного столкновения с Россией, которого, как опасались британские верхи, Британия бы не выдержала, была предпринята успешная попытка создания из разрозненных княжеств геополитического тарана в виде единой централизованной Германии. То, что данная попытка была успешной, свидетельствуют две мировые войны, которые сотрясли Европу в первой половине двадцатого века, разрушили все европейские и Османскую империю, обескровили как Германию, так и Российскую империю, а потом СССР, позволив англосаксам, только уже в лице США, сохранить доминирующее влияние на развитие мира после Второй мировой войны.

и экономические шаги согласовывать в Вашингтоне. По свидетельству компетентных источников из немецкой разведки, срок действия канцлер-акта заканчивается в 2045 году, т.е. спустя сто лет после окончания Второй мировой войны.

Следует вспомнить, что изначально германский проект «Союза угля и стали» как основа общей европейской интеграции был воспринят Лондоном и Вашингтоном весьма скептически. Весь предыдущий англосаксонский опыт объединения Европы на протяжении двух сотен лет доказывал невозможность возникновения подобного союза в сколько-нибудь устойчивой, тем более экономически выгодной форме. Потому подписание в январе 1963 года договора о франко-германском сотрудничестве оказалось весьма неприятной неожиданностью для Великобритании и США.

Осознав, что процессы европейской интеграции уже начались и фактически оставляют Британию далеко на обочине, Лондон попытался предложить странам континентальной Европы свой собственный вариант Общего союза, отличный от германского. Политическая борьба двух проектов длилась около семи лет и закончилась поражением Британии. Основной причиной проигрыша оказалось наличие в германском варианте действительно привлекательной стратегической концепции «нового общего дома», в котором бы не существовало старших и младших партнеров, ведущих и ведомых.

Тем не менее, когда Германия благодаря геополитическому невежеству (или предательству) советского руководства готова была объединиться и стать тем мировым игроком, которым англосаксы ей

не давали стать со времен Бисмарка, в дело вмешалась Франция, которая, по подсказке англосаксов, готова была согласиться на объединение Германии только в том случае, если Германия пойдёт на введение единой европейской валюты и откажется от марки: «Это была цель Маастрихтского договора 1992 года о создании Европейского союза. Отчёт под названием «Единый рынок, единые деньги», опубликованный в 1990 году под руководством бывшего министра финансов Франции Жака Делора, призывал к созданию единой валюты, аргументируя это тем, что единый рынок не может эффективно функционировать иначе. Более реалистично приверженцы идеи о единой валюте оправдывали её тем, что это послужит единению людей как европейцев и что создание единого Европейского Центрального банка ознаменует собой переход власти от национальных правительств»³.

Германия, которая прекрасно жила с маркой и которая была способна за несколько лет навязать всему Евросоюзу марку в качестве базовой валюты, вместо этого получила головную боль в виде евро⁴. Теперь на Германию, как на самую мощную экономику Европы, ложились не только эмиссионные выгоды, но и риски от необходимости поддерживать всех членов ЕС без разбора, при этом теряя значительную часть ресурсов из национальной экономики и банковской системы.

Германия сопротивлялась введению евро, утверждая, что сначала должен быть образован полный политический союз. Но, поскольку не было шансов на то, что другие страны примут идею политического объединения, позиция Германии выглядела как технический манёвр

для предотвращения установления единой валюты: «Германия не горела желанием отказаться от своей марки — символа своей экономической мощи и приверженности ценовой стабильности. В конце концов Германия согласилась на создание евро только тогда, когда президент Франции Франсуа Миттеран заявил, что Франция поддержит объединение Германии только при условии согласия последней на создание евро»⁵.

Интересно, что именно Франция также настояла, чтобы требование Маастрихтского договора о том, что страны могут ввести евро только в случае, если их национальный долг менее 60% ВВП, было снято в целях привлечения стран к введению евро.

³ Татьяна Шингурова. 7 штрихов к политическому портрету Гельмута Коля // сайт «Русская семёрка».

⁴ Этот негативный опыт нам также надо учитывать при построении Евразийского союза.

⁵ Юрий Баранчик. Как Германию сделали «дойной коровой» ЕС и как долго это будет продолжаться // ИА REGNUM.

Такая модификация Маастрихтского договора позволила войти в союз Греции, Испании и Италии, что значительно уменьшило устойчивость нового объединения.

В конечном итоге в 2012–2014 годах в Европе всё заканчивается тем, чем и должно было закончиться: экономика Германии надорвалась, неся на своих плечах всю очень разную в экономическом плане Европу. В германской элите зреет понимание того, что страну в течение последних двадцати лет грубо использовали. В это же время экономики большинства европейских стран стагнируют. Основная причина, по мнению многих экспертов, — несбалансированность экономик зоны и единая европейская валюта.

Как отмечают исследователи, «вопреки бодрым заявлениям пра-

вительств стран Евросоюза и брюссельских бюрократов о преодолении еврозоной кризиса, на самом деле в Европе много лет происходит отрицательный рост ВВП. В соответствии с данными исследования Й. Хеллевига⁶ прирост экономики стран ЕС обеспечивается исключительно за счёт массивного увеличения долговой нагрузки. Если же вычесть из показателя роста ВВП накопленный долг, то падение экономики в Германии составляет 16,5%, Франции — 30%, Италии — 32%, Британии — 47%, Испании — 58%. В целом же отрицательный прирост ВВП еврозоны составляет около 29%».

Элиты также начинают понимать, что кризис еврозоны происходит во многом благодаря тому, что необходимо поддерживать некую фикцию — евро. Если же отбросить эту

фикцию, даже Греция очень быстро начнёт восстанавливаться, используя имеющиеся конкурентные преимущества. То же самое начнёт происходить и в других странах.

Главный профит из этой ситуации, как всегда, извлекли англосаксы по обе стороны океана. Будущее Европы как конкурирующего с ними экономического и научно-технологического центра не является предметом их рачительной заботы. Главная же цель заключалась в том, чтобы надеть на объединённую Германию новые оковы, и благодаря зоне евро англосаксам удалось вновь на двадцать пять лет взять уже объединённую Германию под контроль.

Если Германия попытается похоронить евро, по этому поводу сразу поднимут вой «самые демократичные мировые СМИ», которые об-

⁶ Сайт «Авара групп», Исследование о реальном росте ВВП за вычетом государственного долга.

винят Германию в восстановлении империи и начнут информационную войну против руководства страны, припоминая все хорошо известные грехи, в том числе и главный грех — Холокост. Такая политическая перспектива отнюдь не улыбалась немцам. Выход из такой ситуации один — делать на публике страшное лицо и «поднимать брови на лоб» по поводу того, как немцы стараются спасти проект евро и «единой» Европы, а на самом деле тихо его «сливать».

То, что именно ангlosаксы заложили данную конструкцию ЕС для сдерживания Германии с помощью привязанной к немецкой ноге восточноевропейской «гири», подтверждает и следующий факт. В конце сентября 2014 года премьер-министр Британии Дэвид Кэмерон в очередной раз «осчастливил» прежде всего немцев, которые несут на себе основной груз затрат по поддержанию на плаву всей хлипкой геополитической конструкции ЕС, когда выступил с заявлением о том, что до конца 2017 года в Британии состоится референдум по вопросу дальнейшего пребывания королевства в Евросоюзе.

Интересно, что британский премьер, который и предлагает идею референдума, сам выступает против того, чтобы Британия выходила из ЕС. Но референдум гражданам страны предложит⁷. Вот такая демократия и полифония мнений в рамках одной головы. Судя по тому, как «демократично и открыто» британские власти провели референдум в Шотландии, результаты предстоящего референдума по вопросу членства Британии в ЕС также вопросов вызывать не должны — Британия не собирается и далее оплачивать этот «банкет» и хочет покинуть его до того, как распад ЕС начнет приносить ей прямые убытки.

Почему Британия хочет выйти из Евросоюза? Причины просты —

Евросоюз создавался не для того, чтобы сформировать единую Европу, а для того, чтобы: а) геополитически связать экспансионистские планы Германии после её объединения и б) чтобы связать экономическую мощь объединённой Германии необходимостью поддерживать неэффективные экономики стран Восточной Европы. И теперь пришло время, чтобы: а) оставить Германию наедине с европейскими проблемами и б) сделать так, чтобы Британия не несла

никакой ответственности и никаких издержек, связанных с членством в ЕС. Для этого необходимо остаться в тех договорах, которые выгодны Британии, и выйти из тех договоров, которые её не устраивают.

Но давайте экстраполируем эту ситуацию на другие страны ЕС — что будет, если все страны — члены ЕС последуют примеру Британии и выйдут из тех договоров, которые неудобны, а останутся только в тех, которые приемлемы? Произойдёт

⁷ Премьер Британии поддержал проведение референдума о выходе из ЕС // Форбс, 23.01.2013.

развал ЕС. Возникает вопрос: почему то, что позволено Британии, не позволено другим? Ответа на этот вопрос нет и не может быть, следовательно, Британия в любом сценарии развития ситуации запускает процесс разложения институциональных основ Евросоюза, при этом не давая Германии поступить аналогичным образом, т. к. в этом случае вся конструкция Евросоюза уничтожается на корню.

Возможна ли альтернатива? Представим себе, что «финансы» европейцы будут складировать не в Форт-Ноксе, а в Европе на благо той скрепы, вокруг которой всё и должно крутиться: оси Берлин — Москва, а далее — Стамбул — Тегеран — Пекин — Дели, и если японцы успевают вскочить в последний вагон, то Токио, а если

нет — тогда Сеул. Вот та «стальная скрепа» Евразии, которая позволит собрать евразийский континент в единое геоэкономическое целое и обеспечить гармоничную модель будущего многополярного мироустройства. После чего англосаксы на двух геополитических островах смогут «расслабиться» и покурить в сторонке под аккомпанемент традиционной для британской «аристократии» мелодии о легализации однополых браков.

Единая внешняя политика означает превращение Европы в одного игрока, с которым гораздо лучше и легче иметь дело, чем с тридцатью большими и малыми странами со своими амбициями. Для России этот процесс важен также тем, что означает предел бесконечным попыткам Восточной Европы воспрепят-

ствовать диалогу единой Европы и России — **России гораздо легче будет иметь отношения с новой Европой как с такой же империей, как и она сама.** В этом контексте очевидно, что завершение проектов «Северного потока» и «Турецкого потока», реализация иных больших инфраструктурных проектов от Тихого до Атлантического океана не имеют альтернативы, поскольку именно они во многом будут обеспечивать сырьевую и технологическую независимость Европы от США.

Получив новые энергетические подпорки и завершив процесс политического объединения без участия англосаксов, о чём мечтала континентальная европейская элита от Наполеона до Бисмарка и далее, Европа будет по-новому себя позиционировать и в мировых политических отношениях, что послужит ещё одним серьёзным ограничением для скатывания США к односторонней силовой тактике решения глобальных вопросов. Объединённая Европа будет иметь и формулировать свои интересы и в той же Центральной Азии, и на Ближнем Востоке, и в Африке, а тем более в России.

«Северный поток» позволит Германии стать не только конечным получателем российского газа, но и, по сути, главной страной-транзитёром, что существенно усилит геополитическую связку России и Германии и послужит делу реального объединения Евразии в единый финансово-экономический организм⁸. Аналогично «Северному потоку» «Турецкий поток» наведёт такой же порядок с транзитом газа, минуя Украину, транзитная значимость которой резко снизится и будет соответствовать реальному геополитическому весу страны (нельзя исключать и того варианта, что через полгода или год нынешняя Украина станет либо частью России, как и Крым, либо ещё одним русским государством, партнёром ЕврАзЭС).

⁸ Раздел «Северный поток» на сайте «Газпрома» (<http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/nord-stream/>)

Результатом реализации «Северного» и «Турецкого» потоков станет резкое снижение геополитической роли Восточной Европы в контексте интеграционных евразийских процессов, что, возможно, будет способствовать отказу США от усиленной поддержки стран-лимитрофов.

Евросоюз создан на основе пяти базовых принципов: общие ценности; солидарность; субсидиарность; супранациональность; дигрессивная пропорциональность.

С общими ценностями всё понятно — свобода, равенство, братство, права человека и т. д. Аналогично обстоит дело с солидарностью. Каждый, безусловно, в первую очередь заботится о себе, но в то же время все вместе стремятся помочь более слабым, смягчая диспропорции в уровне жизни европейского населения. Если у кого-нибудь благосостояние оказывается ниже, чем 75% от среднего по ЕС, из общей кассы ему подкидывается финансовая помощь. Субсидиарность, т. е. стремление принимать максимально широкий круг важных решений на самом низовом уровне, защищает Союз от засилья бюрократии и «отрыва правительства от народа». Супранациональность означает, что все члены Союза по конкретным вопросам признали главенство общеевропейских законов над своими национальными.

Принцип дигрессивной пропорциональности был придуман в качестве своего рода автоматической защиты стран «маленьких» от высокомерия стран «больших». Управ-

ленческие нормы, закреплённые в Лиссабонском договоре 2009 года, создали ситуацию, при которой малые страны, составляющие незначительную часть ВВП ЕС, получили ту же степень влияния на общеевропейские решения, как и основные страны-доноры⁹. Ввиду малости размеров своих экономик они являются чувствительными к иностранному политическому и финансовому влиянию. В частности, влиянию со стороны США. Что позволяет Америке, ценой относительно небольших финансовых расходов, оказывать практически легальное давление на внешнюю и внутреннюю европейскую политику.

Такое положение вещей стало итогом политики соглашательства, вызванной острым неприятием европейскими странами принципов, изложенных в проекте Конституции ЕС в 2004 году. На прошедших общенациональных референдумах против растворения национальных границ и передачи значительной части национальных полномочий общеевропейским структурам в 2005 году высказались 54,9% французов и 61,7% голландцев. Что лишь подтвердило общую тенденцию, обозначенную голосованием 1993 года в Дании и 2001 года в Ирландии.

Столкнувшись с невозможностью дальнейшего сохранения принципа принятия общеевропейских решений только единогласно, была предложена и позднее закреплена в Лиссабонском договоре схема голосования квалифицированным большинством (ГКБ). Тем самым,

несмотря на ряд процедурных тонкостей, голос, скажем, Литвы (ВВП 75,3 млрд долл. в 2013 году) по своему влиянию в голосовании стал равен голосу, например, Германии (ВВП 3585 млрд долл. в 2013 году), а голос Латвии — голосу Франции (ВВП 45,4 и 2501 млрд долл. в 2013 году соответственно). Повышение внешнеполитической активности Литвы, особенно в связи с «украинским вопросом», во взаимоотношениях ЕС с РФ является следствием как раз перехода на ГКБ. Литва, Латвия, Эстония, Польша, Словакия, Венгрия, Болгария и прочие «младоевропейцы» получили ранее им недоступные возможности влияния на итоговую политику всего ЕС¹⁰.

⁹ Лиссабонский договор // Право Европейского союза, (<http://eulaw.ru/treaties/lisbon>)

¹⁰ Германия — 80,7 млн чел. — имеет право на 99 мест в Европарламенте, а Люксембург — 549 тыс. чел. — на 6. Простой расчёт показывает, что один немецкий «евродепутат» представляет «интересы» 815,96 тыс. чел, в то время как один люксембуржец — 91,6 тыс. своих сограждан. Наличие у Эстонии 9 мест в Европарламенте, считая «в немцах», должно означать численность населения страны не менее 7 миллионов. Но по факту в ней проживает только 1,3 млн. Один литовский или латышский парламентарий представляют примерно 250 тыс. «избирателей», а один мальтиец — вообще лишь 80 тыс. Выходит так, что 80 млн немцев — это только 99 голосов, а те же 80 млн европейцев, но собранные из малых стран ЕС, вроде Литвы, Латвии, Эстонии, Болгарии, Чехии и т. п., имеют в Европарламенте 192 голоса. Суммарный вес Прибалтики «в голосах» (29) больше, чем вес Австрии (17), несмотря на то что австрийский ВВП в пять раз больше прибалтийского.

При этом являясь в большинстве своем дотационными регионами, они критично зависят от внешних инвестиций, что создаёт возможность прямого влияния на политику их правительств в экономических и даже политических вопросах. Особенно сильно этот фактор наблюдается в Прибалтике, а также в истории с российским газовым проектом «Южный поток», где внешним силам удалось заставить правительство Болгарии остановить работы над этим проектом, даже несмотря на прямой материальный убыток от такого решения.

Каждый член Евросоюза ежегодно в общую копилку отчисляет некоторую сумму денег. Например, в 2011 году Франция в еврокубашку перечислила 18 млрд евро, Германия — 19,6 млрд, Великобритания — 11,2 и так далее. Из этой суммы «нуждающимся» по разным программам выплачиваются субсидии. Точнее, выплачиваются всем, но одни, вроде Германии, в общую кассу вносят 19,6 млрд, а назад субсидиями получают только 12,1 млрд, а другие, вроде Польши, платят 3,2 млрд, а получают 14,4 млрд. Все восточно-европейские страны плюс Испания, Португалия

и Ирландия за счёт таких дотаций формируют изрядную часть доходов своего бюджета. К примеру, у Венгрии — это 26% бюджета. У всех трёх прибалтийских государств — не менее 20% в каждом. В некоторых случаях эта цифра достигает 40%.

На это накладывается механизм супранациональности. Хотя европейские законы «приняты» по-разному: кто-то присоединился, а кто-то нет, кто-то подписал, но потом не ратифицировал, однако над этой правовой «кашей» висит единый процедурный механизм. Для инициации цепной реакции решений зачастую достаточно очень небольшого количества голосов всего нескольких «комиссий» в Брюсселе.

Нарушение принципа пропорциональности представительства по численности населения приводит к тому, что сговор на идеологической почве нескольких еврокомиссаров из Восточной Европы обеспечивает сумму «голосов», достаточную для запуска таких глобальных процессов, как масштабные внешнеэкономические санкции против восьмой экономики мира. Даже с прямым ущербом для Евросоюза в целом.

Как известно, политика есть концентрированное выражение экономики. Очевидно, что политики, «представляющие» 34 млрд долл. каждый, люди, скажем мягко, несколько более солидные и рассудительные, чем те, кто «представляет» лишь 140 тыс. избирателей в стране, чей ВВП меньше уровня статистического шума на фоне общего размера экономики Европы. Потому, сколько бы ни сетовала, скажем, Финляндия на свои убытки, но отменить явно ошибочное «общее» решение она не в силах. Равно как и отказаться от их исполнения в индивидуальном порядке тоже. Принцип супранациональности не даёт. Решение, принятое общей процедурой, отменить можно тоже только общей процедурой. Той самой, в которой у Германии всего 99 голосов, у Франции — 72, а у проамериканского «польско-балтийского

междусобойчика» — 153 голоса. Вот так и получается, что санкции запустили США через Британию, чья экономика меньше всего зависит от общеевропейской, посредством активного использования антироссийских фобий Прибалтики и Польши¹¹.

Соответственно, политический лидер Евросоюза — Германия — может провести свои решения только в том случае, если они будут поддержаны Британией и Восточной Европой, которые, в свою очередь, зависимы от США и проводят в точности ту политику, которую им заказывают из Вашингтона. Возникает логичный вопрос: кто в этом случае является политическим лидером ЕС? Ответ однозначен: США. А Германия является основным экономическим донором, который обеспечивает функционирование американской политической машины в Европе.

Как долго может функционировать такая модель Евросоюза, в которой верхки достаются США, а корешки — Германии и Франции? Тем более что, как мы показали выше, вся политическая и экономическая конструкция ЕС держится исключительно за счёт наращивания долга, который лежит в основном на немецких и французских налогоплательщиках и бизнесе.

В результате элиты Европы встали перед вопросом — что делать? Непрямую обвинить США и Британию в том, что они заложили готовые взорваться в любую минуту мины

при формировании нынешней модели ЕС, они не могут, т. к. в этом случае встанет вопрос об их профессиональной компетентности. Следовательно, им надо найти очень серьёзную, глобальную для проекта ЕС внешнюю угрозу, с которой можно увязать грядущее переформатирование проекта. Возможно, ею и призвана стать угроза «исламского терроризма», которая, точно так же как в США в 2001 году, должна обеспечить легитимную смену не просто модели, но вектора общеевропейского политического целеполагания.

Разрушение текущей экономической модели

На данный момент в Европе сложился ряд условий, формирующих уязвимость Евросоюза как единого территориального, политического и экономического образования. В значительной степени все они име-

ют синтетическую, то есть составную, природу и тесно связаны между собой. Но по своим источникам и базовым характеристикам их можно сгруппировать в несколько основных направлений. Одну из них — дисбаланс и непропорциональность стран — членов ЕС в принятии политических решений — мы уже описали выше.

Вторым важным направлением, имеющим критичное влияние на европейские перспективы, является тот факт, что Евросоюз на данный момент представляет собой скорее конфедерацию европейских государств с относительно низкой степенью внутренней прочности. Прежде всего политической. Этот вывод напрашивается после анализа процесса и результатов голосования стран-участниц по вопросу консолидированного бюджета ЕС на будущие семь лет. Февральский

¹¹ Весьма наглядно картина непубличного использования логических лазеек в общих европравилах выглядит на примере истории с «Мистралем». Экономически исполнение контракта Франции необходимо, в том числе и по причине его серьёзного имиджевого влияния на другие контракты французского ВПК. Например, на куда более бюджетный «индийский» контракт по поставке Дели французских истребителей. Но принцип супранациональности всё равно вынудил Париж сорвать поставку «Мистралей» по абсолютно надуманным политическим основаниями.

бюджетный саммит ЕС превратился в ничем не прикрытый торг европарламентариев «за свои национальные интересы»¹². Торг, несмотря на то что общая сумма европейского бюджета недотягивает до 1% консолидированного ВВП Еврозоны. Для сравнения: федеральный бюджет США равен 24% от ВВП страны.

Важно отметить, что степень этих связей, судя по всему, имеет тенденцию к ослаблению. Во всяком случае, принятый в феврале 2013 года бюджет ЕС на период с 2014 по 2020 год, впервые за 56 лет существования Союза не вырос, а сократился. Причём не после учета инфляции или иных финансовых явлений, а вообще, т.е. в абсолютных цифрах. Это наглядно показывает степень рыхлости ЕС как государственного образования и слабость объединяющих его политических и финансовых связей.

Для сохранения традиционно высокого уровня жизни, а также продолжения финансирования периферийных государств Союза Европе уже недостаточно ёмкости собственных внутренних рынков. Это сформировало значительную зависимость от размеров европейского экспорта, значение которого для европейской экономики с каждым годом неуклонно увеличивается. В 2012 году доля европейского экспорта составляла 32,5% от общемировой. Это втрое больше экспортной доли Китая и почти в четыре раза больше экспорта США. Важно отметить, что эта зависимость выражается крайне неравномерно.

По структуре внешней торговли страны Евросоюза достаточно четко подразделяются на три категории. Первая состоит из государств, чья экономика меньше всего связана с торговлей внутри ЕС. Т.е. доля

внешнеторгового баланса с другими странами — членами Союза не превышает 35%. Это Франция, Италия, Великобритания и Испания. Вторая группа состоит из стран с примерно равным балансом. Доля торговли за пределами ЕС у них колеблется от 40 до 65%. Это Германия, Австрия, Польша, Швеция, Дания, Болгария и Латвия. Третья группа — Чехия, Бельгия, Нидерланды и прочие страны — относятся к категории стран, доля партнёров по ЕС во внешней торговле которых колеблется от 77% (Чехия) до 93% (Словакия).

Следует отметить, что существует ещё и значительная разнонаправленность и разномасштабность указанных внешнеторговых связей. Так, баланс Германии в изрядной степени равномерно распределён между основными торговыми партнёрами. Например, Россия, являясь важным

¹² Прохоренко И.Л. Многолетний финансовый план ЕС на 2014–2020 гг.: новые приоритеты // Сайт ИМЭМО 26.11.2013.

торговым партнёром, тем не менее берёт на себя лишь 3,8% экспорта, в то время как экспорт Финляндии в Россию достигает 9,6%, а для Польши Россия является вторым, после Германии, внешнеторговым партнёром. Неравномерность этой зависимости показали российские экономические контрсанкции, сильнее всего ударившие по экономике Финляндии, Прибалтики и Польши.

Причём на протяжении периода с 2009 по 2012 год консолидированное сальдо внешнеторгового баланса ЕС оставалось отрицательным, примерно на 100 млрд евро в год (от минус 67,6 млрд евро в 2009-м до минус 98,5 млрд евро в 2011-м¹⁵). Лишь в 2012 году Европа сумела сократить внешнеторговый дефицит до 34 млрд евро.

Таким образом, можно констатировать, что внутренний уровень экономического благосостояния ЕС чрезвычайно сильно зависит от стабильности внешней торговли и ёмкости внешних рынков. Любое масштабное снижение объёмов экспорта чревато сокращением объёма финансов внутри ЕС, а значит, падением привлекательности идеи Союза почти для всех стран-участниц. За исключением, пожалуй, лишь Германии, Бельгии и Нидерландов, являющихся основными странами-донорами.

Важным влияющим моментом при оценке общей ситуации ЕС является отсутствие там достаточных запасов сырья для промышленности и в особенности собственных энергоносителей. Это порождает не менее высокую, чем от экспорта своей продукции, зависимость стран ЕС от импортных поставок. В целом консолидированный импорт Европы достигает 33% от общемирового. Это втрое выше китайского и в 2,7 раза выше американского.

Одной из ключевых статей импорта являются энергоносители. Формально энергопотребности Ев-

ропы на 1/4 покрываются внутренней генерацией (АЭС, солнечные электро- и теплостанции, иные виды альтернативной энергии, например биогаз). Еще 1/4 удовлетворяется за счёт добычи нефти и газа на шельфе в Северном море. Основными добывающими странами являются Норвегия, Великобритания и Нидерланды. 1/4 закупается в России. Остальное поставляется из США и Ближнего Востока. Причём доля катарского СПГ является подавляю-

щей. Однако распределение каналов поставок, как и картина по экспорту, несут в Европе ярко выраженный неравномерный характер. Так, например, ближневосточный СПГ закупается в основном Южной Европой (Греция, Испания, Португалия, частично Италия). Частично он доходит до Польши. В то время как Северная, Западная и Восточная Европа (в особенности Прибалтика) в большинстве своем опираются на добычу в Северном море и «Газпром».

¹⁵ Торговые отношения между ЕС и его главными экономическими партнерами: США, Китай и Россия // Россия – Европейский союз (http://www.ru.ruseu.com/stat/details_588.html)

В частности, по газу собственная добыча в Северном море обеспечивает лишь треть суммарной потребности европейской экономики в голубом топливе. Еще треть (150 млрд куб. м) приобретается у России. Остальное количество поступает из прочих регионов, включая США, Латинскую Америку, Африку и Ближний Восток. Несмотря на значительный разброс цен, а также на сложную конструкцию газового рынка, на котором одновременно существует и контрактная схема продажи от «Газпрома», и спотовая схема от многих других поставщиков, на данный момент европейская экономика в целом сбалансирована на уровне цены примерно 350–450 долл. за тысячу кубов.

Смещение этого баланса (по любой причине) в большую сторону (стоимость СПГ, например, из Катара, достигает 600–640 долл. за тысячу куб. м) автоматически ведет к росту себестоимости европейских товаров, тем самым снижая уровень их кон-

курентоспособности на международных рынках. Если учесть, что посредством заявленного на 2015–2016 год QE Евросоюз намерен поднять свою конкурентоспособность (за счет ослабления евро с 1,2 до прогнозируемых 0,9–0,85) на 25–29%, можно оценить стоимость 1% европейской конкурентоспособности в 41,3 млрд евро. Следовательно, в эту сумму ежегодных потерь будет обходиться каждый процент роста средневзвешенной цены газа для ЕС.

Следующим значительным влияющим фактором является прогрессирующее разрушение экономик, прежде всего деиндустриализация периферийных европейских стран, проигрывающих экономическое состязание с Германией. Свободный доступ к дешевым кредитным ресурсам, открытый рынок для товаров и услуг скачкообразно привели уровень потребления в периферийных странах до уровня жизни крупных ведущих развитых стран, в то время как характеристика экономики,

прочие экономические показатели, а также качество управления (включая государственное) у них остались на уровне стран развивающихся. Очень быстро за это пришлось расплачиваться растущим дефицитом государственного бюджета и разрушением национальной экономики.

Установлено, что характер процесса не зависит от размера этих стран или от сроков вступления в Евросоюз. Последнее влияет разве что на общие темпы индустриальной деградации. Наглядным примером сказанного является сравнение ситуации в двух странах: в Греции, вступившей в ЕС в 1981 году, и Латвии, ставшей членом ЕС 1 мая 2004 года. В обоих случаях первые несколько лет наблюдался заметный рост национального ВВП и общего уровня благосостояния населения. Но обеспечивался он в основном за счет внешних кредитных ресурсов и приватизации государственной собственности. Собственная промышленность, не выдерживая конкуренции с европейской (прежде

всего германской, в меньшей степени — французской и еще меньше — британской), как правило, разорялась. Так, доля промышленности в ВВП Греции упала с 23% (1981) до 2,49% (2009). Сельское хозяйство сократилось с 12 до 7%. Выросли в стране только туризм и сфера услуг в целом с 31 до 63,4% ВВП, но масштаб генерируемых отраслью доходов не позволяет компенсировать потери от разорения других сегментов национальной экономики.

Особенно ситуацию усугубил кризис 2008 года, окончательно доказавший, что «греческое экономическое чудо» в определяющей мере базировалось на американских послевоенных дотациях, а впоследствии — на поддержке ЕС. Что и привело к формированию политического класса, главным убеждением которого являлась слепая вера в помощь международных партнёров. Парадокс заключался в том, что, выстраивая идеальное социальное государство на западных вливаниях, греки подорвали систему самостоятельного функционирования государственных институтов и политической системы. Целый регион в конечном итоге попал в значительную финансовую и даже продовольственную зависимость от ведущих стран ЕС. Следует отметить, что уровень продовольственного самообеспечения Греции сегодня находится на уровне ниже 70%.

Общая картина последствий вступления в ЕС Латвии отличается только темпами потери страной собственной индустрии¹⁴. В 1996 году сельское хозяйство и промышленность давали 30,1% всей добавочной стоимости, и в них было занято 36,3% работающих в стране. За восемь лет «членства в ЕС» доля сельского хозяйства в ВВП страны упала втрое, а доля промышленности — вдвое.

Зато оптовая и розничная торговля, транспорт и логистика, информационные и коммуникационные услуги составили рекордные 32,5%. К настоящему времени Латвия также не обеспечивает себя продовольствием и промышленными товарами. При этом размер внешнего долга страны в 2012 году превысил 131% ВВП. Тот же результат наблюдается в Литве, Эстонии и всей Юго-Восточной Европе.

Внутри Европы совершенно определённо складывается неокOLONIALНАЯ экономическая модель. Присоединение к первоначальному Европейскому союзу угля и стали (Германия, Бельгия, Люксембург, Франция и Италия) прочих, прежде всего малых периферийных государств Европы, означало их попадание в колониальную зависимость. Формально равные условия экономического сотрудничества на практике ведут к уничтожению индустриальной составляющей этих стран. Даже такие исключения, как традиционно промышленная Чехия и достаточно экономически сильная Польша, не избежали общей участи. Но в отличие от классического колониализма европейская модель сопряжена со значительными объёмами прямого финансирования прочих стран деградирующей периферии со стороны ведущих экономик ЕС.

Согласно докладу международной аудиторской компании KPMG (за период с 2007 по 2013 год) регион Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) остается депрессивным и дотационным: не менее 18% его совокупного ВВП формируется за счет дотаций из фондов ЕС¹⁵. Из них самой экономически успешной страной является Словения, чей ВВП от дотационных поступлений зависит лишь на 11,6%. Доля дотаций из ЕС в ВВП Прибалтики является

одной из самых крупных в Евросоюзе — 20%. Больше — 25,5% — только у Венгрии. А доходная часть бюджета Литвы за счёт прямых поступлений из центральных европейских фондов формируется практически на треть.

Необходимость сохранения дотационной системы снижает общую эффективность европейской экономики и конкурентоспособность европейских товаров на внешних рынках. Кроме того, дотации ведут к углублению разрушения производящей части экономик «колониальных стран ЕС», а значит, и к снижению их покупательской способности. Т.е. рынки сбыта внутри ЕС сокращаются, а зависимость от внешних рынков растёт.

Фактически периферия ЕС сегодня исполняет роль «деревни», поставляющей в «город» дешёвую рабочую силу, сырьё и служащей рынком сбыта дорогих промышленных товаров «города». «Городу», т.е. странам-донорам, такое положение вещей стоит значительных денег.

¹⁴ Ольга Павук. Латвийская экономика в цифрах и фактах // Журнал «Балтийский курс» 27.12.2013.

¹⁵ Александр Носович. Прибалтика на искусственном дыхании еврофондов. // Рубалтик 8.01.2014.

Когда обсуждался европейский консолидированный бюджет 2014–2020 годов, из 1012 млрд евро (на 2014 год) на аграрные субсидии планировалось израсходовать 40%, на субсидии бедным странам — членам ЕС (так называемые структурные фонды и фонды сплочения) — 36%. Последнее означает, что на поддержку текущего положения Центральной и Восточной Европы предусматривалось около 360 млрд евро.

Важно отметить, что сочетание аграрных субсидий с жёстким вну-

тренним квотированием объёмов сельскохозяйственного производства ведёт к формированию в периферийных, ранее в значительной степени аграрных странах обширной группы рантье среди сельского населения. С одной стороны, рента не обеспечивает высокого уровня жизни, но в то же время она покрывает все основные потребности без каких-либо трудовых усилий. В то время как появление любого официального заработка, вне зависимости от его размера (даже если заработок оказы-

вается многократно меньше), лишает крестьянина этой ренты. Тем самым формируется поколение, не умеющее и не считающее нужным работать, живущее исключительно на эту ренту. В частности, в Польше доля таких сельских рантье достигает 11,4% трудоспособного сельского населения.

Всё перечисленное указывает на возрастающую зависимость экономики ЕС от надёжности функционирования банковской системы Европы. Точнее, от уровня её свободного капитала. Исходя из текущего положения дел в банковской сфере, следует констатировать, что банковская система ЕС в настоящий момент перегружена. Основная часть кредитных ресурсов связана в различных программах европейской помощи. Причём к участию в них оказались привлечены даже малые коммерческие банки с относительно небольшими собственными капиталами. Это является признаком дефицита свободных ресурсов в зоне евро.

Ещё после кризиса 2008 года, когда для стабилизации греческой экономики потребовалось изыскать 100 млрд евро финансовой помощи, с их выделением возникли значительные проблемы. Хотя позднее Брюсселю удалось найти не только их, но и влить в Грецию (на протяжении 2010–2013 годов) тремя траншами 237 млрд евро, последующее обсуждение дальнейших мер показало, что ситуация с кредитными ресурсами приблизилась к критической.

Для обеспечения относительной стабильности европейской валюты и банковской системы стран — членов Союза необходимо списание части суверенного греческого долга. Хотя бы в объёме 30–50% от его текущего номинального значения. Однако для ведущих стран-доноров, например Германии, даже списание суммы в 17 млрд евро является совершенно неприемлемым. О чем официально заявил министр финансов этой страны.

Ситуация осложняется тем, что кроме общей задолженности Греции к категории сомнительных

можно отнести еще долги Ирландии (1,89 трлн евро, или 1137% ВВП), Испании (1,99 трлн евро, или 164% ВВП), Португалии (0,445 трлн евро, или 232% ВВП) и, в известной степени, Италии (2,28 трлн евро, или 144% ВВП), что в совокупности составляет 7,101 трлн евро. Иными словами, в невозвращаемых или весьма проблемных находится более 62% всех взаимных долгов Европейского союза. Эта сумма сопоставима с половиной годового ВВП всего ЕС за 2013 год.

Причём если учесть упомянутую выше зависимость бюджетов Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) от дотаций из центральных европейских фондов, то можно сделать следующий вывод. Кроме перечисленных в той или иной степени «плохими» являются государственные долги всех стран ЦВЕ. Это увеличивает сумму критически замороженных финансовых ресурсов ЕС до уровня 75–78%.

Косвенно критичность уровня связанности финансовых ресурсов подтверждается размером заявленного Европейским ЦБ на ближайшие полтора года количественным смягчением, составляющим 1,2 трлн евро.

РАЗДЕЛ 2. ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА ЕС

Сценарии развития экономического и политического кризиса

Анализ текущего политического и экономического состояния Евросоюза позволяет выделить три ключевые для его функционирования сферы: контроль финансовой системы, контроль политической системы и контроль гражданского населения. В зависимости от степени успешности их обеспечения дальнейшие события имеют три возможных варианта развития:

- Первый — сохранение Евросоюза в нынешних (или близких

к ним) границах при серьезной внутренней перестройке.

- Второй — распад ЕС в сегодняшнем виде с утратой части наименее значимых для европейской экономики стран и формированием из оставшихся нового союзного образования, как с сохранением в своей основе норм Лиссабонского договора, так и с созданием иных, новых форм юридического и политического устройства.
- Третий вариант подразумевает полный распад ЕС на отдельные самостоятельные национальные государства с восстановлением их таможенных и прочих границ. Теоретически, на некоторых территориях, в особенности в государствах бывшей Югославии, в Албании и, не исключено, в Прибалтике, возможен полный коллапс государства с возникновением обширных областей правового и социального хаоса. Но такой радикальный вариант наименее вероятен.

Началом проверки Евросоюза «на прочность», вероятнее всего, послужит финансовый кризис, вызванный глубокими проблемами банковской системы зоны евро¹⁶. В частности, отказ Греции от уплаты её суверенного долга, а также прекращение реализации программы структурных преобразований греческой экономики, разработанной ЕС, ЕЦБ и МВФ. Вновь избранный премьер-министр этой страны уже обнародовал перечень первоочередных мер по выводу Греции из кризиса. Он предусматривает прекращение приватизации государственной собственности, а также пересмотр ранее проведённых аукционов. Заявлена ревизия всех государственных (или под государственным гарантией взятых коммерческих) долгов и «справедливость процентов по ним». Одним из вариантов

решения проблемы озвучивается полное прекращение долговых выплат до начала возрождения национальной экономики и стабильного роста греческого ВВП.

Важно понимать, что одинаково плохим окажется любое решение ЕС относительно греческих долгов. Текущее состояние греческой экономики исключает продолжение её кредитования на общих рыночных основаниях. Даже в формате получения новых кредитов для погашения лишь процентов по кредитам, взятым ранее. Удержать Грецию в ЕС и зоне евро можно только путём предоставления ей «особых условий». В частности, в виде полного безвозмездного списания значительной части (не менее трети, а скорее всего — не менее половины) текущего долга и значительного пролонгирования выплаты оставшейся части с обязательным снижением процентной ставки по ней. Но тогда аналогичных послаблений для себя потребуют и другие должники, такие как Испания, Португалия, Ирландия и даже Италия¹⁷. Что превращает финансовый размер «особого случая» с греческих 500 млрд до примерно 5–6 трлн евро, суммы для списания

¹⁶ Гринспен не видит Грецию в Еврозоне // Эксперт, 2015, 9 февраля.

¹⁷ Кирилл Чучко. Выход стран Европы из кризиса. // Журнал «Теория и практика мирового развития», 2012, № 11.

в европейских реалиях не то что неподъемной, но вообще невероятной.

Но и списать долги только Греции, отказав в аналогичном шаге остальным, ЕС, скорее всего, не сможет. Ибо это подтолкнёт к выходу из Евросоюза остальных, так как позволит им решить свои финансовые проблемы таким относительно простым способом. Учитывая масштабы сумм и популистскую привлекательность подобного шага, удержать дезертиров не сможет даже консолидированное влияние Брюсселя и англосаксов.

В то же время согласие ЕС на выход Греции из ЕС ведёт к тем же последствиям с точно такой же мотивационной схемой.

В любом варианте решений банковский кризис в ЕС становится неизбежным. Он начнется с малых, в том числе земельных (Германия) банков основных стран-доноров, а вызванная их банкротствами паника среди вкладчиков неизбежно затронет банки средние и, вероятно, крупные. Кроме того, пример Греции может вызывать схожие по смыслу шаги правительств ряда других круп-

ных европейских стран-должников. Например, Португалии, где в сентябре-октябре также должны состояться парламентские выборы, на которых могут возобладать настроения в пользу усиления «суверенитета».

В значительной степени подтолкнуть события к банковскому кризису могут и итоги парламентских выборов в Британии. В случае победы на них консерваторов Лондон гарантированно проведёт в стране национальный референдум по вопросу выхода Британии из ЕС. Учитывая текущие сложности с трудовой иммиграцией, прежде всего нелегальной, и высокой степенью желаний британцев вернуть пограничный и таможенный контроль на своих границах, большинство населения Британии проголосует за отделение. Причём даже сам факт начала подготовки этого плебисцита, вероятнее всего, подтолкнёт банковскую систему Европы к ревизии своих балансов и активизации процедуры возврата долгов. В том числе — досрочно.

Т.к. значительная часть из 11 млрд евро совокупного внешнего долга ЕС формируется за счёт обязательств стран с кризисной экономикой, это означает, что досрочно вернуть выданные кредиты банки смогут лишь с очень большим дисконтом. Для погашения долгов, по объёму сопоставимых у многих европейских стран с размером их ВВП, национальным правительствам придётся приступить к существенным сокращениям бюджетных расходов. В первую очередь в государственной, а также в военной и социальной сферах. Этот процесс является неизбежным. Варианты возможны лишь в размерах, сроках и структуре секвестрирования расходной части.

Следствием указанных мер явятся неизбежное начало рецессии во всей зоне евро, спад экономики и почти гарантированные крупные гражданские протесты. В том числе — радикальные. К примеру, в Париже и без особых бунтов только за период рождественских каникул хулиганы сжигают до 600

автомобилей ежегодно. Примером того, как протесты в Европе легко превращаются в массовые погромы и вандализм, могут служить акции антиглобалистов. В той же Барселоне 15 марта 2002 года они вывели на улицы 250 тыс. протестующих. Когда информация о масштабе финансовых потерь посредством прессы станет общедоступной, протесты, вероятнее всего, перерастут в широкомасштабные бунты.

Это первая критическая точка ветвления событий. Если Брюсселю удастся удержать контроль над ситуацией, то ЕС как сообщество имеет шансы сохраниться. Однако это потребует кардинального пересмотра распределения властных полномочий между центром и национальными правительствами в пользу значительного сокращения власти последних. Как бы там ни было далее, экономика всей Южной и Восточной Европы (Португалия, Испания, Греция, Балканские страны, Польша и Прибалтика) впадает в затяжной фундаментальный кризис. Нельзя исключать, что он также затянет в себя Италию.

Впрочем, в настоящее время национальные государства Европы в кризисных ситуациях демонстрируют устойчивую тенденцию к поиску решения своих проблем отдельно от остального Евросоюза. Даже в ущерб остальным членам ЕС. К тому же следует учитывать традиционное неприятие в Европе тенденции роста власти Германии и Франции (в особенности Германии), что сделает любое ограничение полномочий национальных правительств чрезвычайно затруднительным. А сейчас идеи о выходе как минимум из евро, а то и вообще из всего ЕС начинают высказываться даже в самой Германии.

Этому способствует процесс скупки государственных долгов стран еврозоны со стороны ЕЦБ. Если отделиться от ЕС, то сам ЕС рухнет, похоронив под своими обломками и долговые обязательства. Т.е. долги можно будет вообще не возвращать.

Для ряда стран Южной Европы такой вариант выглядит наиболее предпочтительным из всех возможных. Скорее всего, в представленных условиях реагировать аналогичным образом будут все национальные правительства, а значит, Брюссель власть над ЕС не удержит.

Таким образом, если стабилизировать ЕС в существующем виде не получится, произойдет распад единой Европы на национальные государства¹⁸. Нельзя исключать прихода в них к власти правительств радикального толка. В Северной, Западной и Центральной Европе, вероятнее всего, правого. В Южной — левого. В Восточной — наиболее вероятен приход к власти обыкновенных популистов, не имеющих чётких политических воззрений. Все они будут вынуждены решать проблему экономического кризиса через понижение общего уровня жизни, сокращение социальных гарантий и ограничение гражданских прав.

Возможен и промежуточный вариант. От ЕС откалываются страны Южной и Восточной Европы, а на Балканах возникает правовой и гражданский вакуум, чреватый

началом там гражданской войны. Это значительно меняет баланс политических сил в Западной Европе и создает предпосылки для перестройки остатков Европейского союза в централизованное государство с низведением (или даже разрушением) национальных правительств. Лидером «нового ЕС», скорее всего, становится Германия. В то же время нельзя исключать франко-германские политические и исторические трения, что может обусловить выделение из ЕС в отдельные образования не только Великобритании (что в любом случае абсолютно неизбежно), но и Франции.

В этом случае ЕС, вероятнее всего, распадается на «три» микроимперии, конфигурация которых определяется степенью прочности взаимных торговых связей. Самую большую — германскую. Несколько меньше — французскую. И самую маленькую — британскую. Самые большие шансы на превращение в «новый ЕС» среди них есть только у Германии. Масштаб французской группы для этого, скорее всего, окажется недостаточен, а Британия вообще не имеет интереса к фор-

мированию какого-либо общеевропейского политико-экономического союза. В «английской зоне» наиболее вероятен откат к попытке очередного воплощения классической англосаксонской колониальной модели.

Экономика «нового ЕС» за счёт своего масштаба, скорее всего, сумеет обеспечить его выживание в условиях глобального кризиса. Страны европейской периферии окажутся предоставлены сами себе и начнут скатываться в бедность, а некоторые из них, например страны Прибалтики, даже в нищету. Последнее объясняется произошедшей их деиндустриализацией и критичной зависимостью от центральных дотаций из ЕС, которые в этом случае естественно прекратятся.

Процесс распада нынешнего ЕС и формирование «нового» Европейского союза в других географических границах гарантированно вызовет полный отказ от евро и переход на какую-то другую валюту. Причём американский доллар ею быть не может, прежде всего из геополитических соображений.

Возможны лишь два варианта формирования новой европейской

¹⁸ Герман Лопес. Дело идет к распаду Евросоюза. // ИноСМИ, 28.01.2011.

валютной системы. Первый заключается во введении в каждой стране собственной суверенной денежной единицы с последующим выстраиванием сложной системы её взаимодействия с валютами прочих государств в новых экономических и политических реалиях. Вторым вариантом может являться замена евро на новую (но тоже изначально общую) валюту как важный объединяющий элемент нового экономического союза. В качестве такового может быть использовано ЭКЮ (European Currency Unit, ECU), уже существовавшее в безналичном обороте Европы с 1972 по 1979 год. Либо нечто аналогичное по сути, но имеющее новое, ранее не использовавшееся название.

Оба варианта равновероятны, но имеют некоторые различия относительно перспектив дальнейшего развития. По причине психологической инерции мышления правящих элит Европы попытка ввести ЭКЮ как минимум будет предпринята. Но уже на новых правовых механизмах в части влияния Европейского банка на политику национальных банков. Однако подспудное стремление каждой из стран выторговать себе какие-либо особые условия

также вряд ли куда-либо денется. Что неизбежно породит обширный, сложный и достаточно продолжительный по времени закулисный торг. Нельзя исключать, что даже при достижении некоторого прогресса ЭКЮ, скорее всего, унаследует изрядную часть недостатков системы евро. Хотя значительная схожесть экономик стран «нового Евросоюза» смягчит и уменьшит масштаб этих недостатков.

Впрочем, в смысле пользы для экономики Союза более перспективным выглядит всё же вариант полного отказа от любых единых общих валют и окончательный возврат к суверенным национальным деньгам. Совершенно очевидно, что главным, основным и, видимо, единственным объединяющим центром выступит Германия. За счёт подавляющего превосходства размеров своей экономики она достаточно быстро замкнёт на себя экономические механизмы остальных членов нового союза. Хотя бы ввиду высокой потребности в импорте продовольствия, что позволит Германии быстро наладить обмен на него своей промышленной продукции.

Тем самым сложатся необходимые условия для прямой экспансии

«новой» немецкой марки на всю территорию «нового ЕС». При этом её эмиссионным центром останется только Бундесбанк, что обеспечит получение Берлином не только прочного управленческого контроля над собственной валютой, но и эффективных инструментов управления всей общей экономикой «нового ЕС».

Скорее всего, в этом варианте дальнейшая перспектива развития событий приведёт к постепенному поглощению Германией всего экономического, а потом и политического пространства нового союза. Либо в виде постепенного вхождения его стран-участниц в состав ФРГ на тех или иных условиях, либо в виде создания наднационального центра управления, в подавляющем большинстве основанного на германских кадрах, германских юридических нормах и с доминированием германской культуры. Нельзя исключать даже значительное низведение федерального правительства Германии до простой декоративной (представительской) структуры, лишённой львиной доли реальной власти. С передачей этой власти наднациональным органам управления «нового ЕС». Подобный шаг

может быть предпринят в том числе в качестве демонстрации «доброй воли» (Германии) и «безопасности» для остальных стран-членов с целью стимулирования их национальных правительств к отказу от такой же части своих полномочий в пользу «общего центра».

Вопрос возникновения «нового ЕС» является второй ключевой точкой ветвления. В случае успеха перестройки экономического и политического механизма ситуация в Европе имеет предпосылки к стабилизации. Например, в варианте «Союза угля и стали-2». Или в варианте «уголь плюс сталь плюс нефть», если включить Норвегию. Либо «уголь плюс сталь плюс деньги», если включить Швейцарию. Остальные страны для подобного союза являются бесполезными в ресурсном и промышленном отношении.

Помимо финансово-экономических проблем кризис в европейских странах неизбежно обострит многочисленные социальные, этнокультурные и религиозные внутренние разногласия. Прежде всего — с исламом, приверженцы которого с каждым годом становятся всё более значимой и влиятельной частью многих европейских стран. Поэтому усилия новых правительств в значительной степени должны будут направляться на подавление гражданских бунтов. В отдельных регионах нельзя исключать начала гражданской войны религиозного характера. Например, через появление в Европе формирований ИГИЛ, отличающихся крайним радикализмом в выборе путей достижения своих целей.

Вариантом развития событий, альтернативным «новому ЕС», является полный и, вероятно, окончательный распад Европы на национальные государства, каждое из которых будет пытаться бороться самостоятельно. Не столь важно, по каким именно причинам, главное, что в итоге национальные правительства не смогут найти между собой количества точек соприкосновения, достаточного для созда-

ния союза. В первую очередь ввиду наблюдающейся ныне тенденции стремиться к получению от любых союзов однозначно больше, чем отдается «в общий котел».

При этом в большинстве стран правительства со своими задачами, вероятнее всего, не справятся, так как темп и масштаб экономических, политических, социальных, этнических и конфессиональных проблем будет нарастать гораздо быстрее способности вырабатывать и реализовывать действенные меры реагирования на них. В ряде регионов, например, на Балканах и в Испании, наиболее вероятен распад ныне существующих стран на более мелкие национально-культурные образования. Например, в той же Испании из состава страны в своё отдельное государство выделятся баски. А на Балканах дробление пойдёт вовсе уж на крошечные части, где процессы распада бывшей Югославии до сих пор не остановлены, а только заморожены.

Однако территориальный распад не облегчит, а, вероятнее всего, даже усугубит вызвавшие его социально-экономические проблемы. Наоборот, уменьшение масштаба самоуправляемых территорий делает их лишь ещё более уязвимыми для любых внешних угроз. Прежде всего этнокультурных и религиозных. В том числе — угрозы новой конквисты ИГИЛ.

В этом случае возникновение гражданской войны в формате «всех против всех» в Южной и Юго-Восточной Европе имеет достаточно высокую вероятность, особенно на территории бывшей Югославии, откуда может распространиться и на соседние государства. Высокой остаётся ее угроза даже для Германии, Франции и Великобритании. Вызванный ею коллапс экономики критично снизит спрос на энергоносители, что лишит доходов даже стоящую сильно особняком Норвегию.

Кроме указанных для второго и третьего этапа следует учесть ряд важных внешних влияющих факто-

ров. А именно: возможные действия США, НАТО и РФ в зависимости от того, по какому из трёх возможных вариантов пойдёт развитие событий и на каком этапе в каждом из них наступит первичная стабилизация.

В первом варианте США, опираясь на НАТО, постараются закрепить своё доминирование в Европе. При развитии событий по второму варианту наиболее вероятно введение на территорию Европы миротворческих контингентов. Распад по национальным границам приведёт к началу распада НАТО как организации. Европейские участники Альянса сами будут нуждаться в получении внешней военной помощи, чтобы выделять свои воинские контингенты для решения каких бы то ни было задач за пределами собственных государственных границ. Стабилизация ситуации в третьем варианте развития событий может привести к возникновению в Европе обширной гражданской войны, чре-

ватой изменением её этнокультурной и религиозной основы. В этом варианте нельзя исключать формирования в Европе одного или нескольких исламских халифатов.

Прохождение Европой каждого из трёх описанных ранее этапов стабилизации будет иметь кардинальное влияние на общее экономическое положение как в самом ЕС, так и в мире в целом.

На первом этапе — попытках сохранить Евросоюз в нынешнем его географическом или близком к нему виде — определяющим фактором окажется степень способности ЕЦБ вместе с национальными банками стран — членов ЕС сохранить управляемость финансовой системы зоны евро. Безусловно, в ближайшие несколько лет евро ожидает серьёзное ослабление. Как минимум оно необходимо европейской экономике для успешной контратаки на американский рынок. И оно уже начато через заявленный Европейским банком процесс количественного смягчения. Однако в свете описанного выше возможного негативного развития событий существует значительный

риск потери управления над финансовыми процессами. Возникший кризис может обрушить европейскую валюту гораздо ниже целевого значения 0,9–0,85 доллара за евро, а после прохождения отметки в 0,7–0,6 — вообще вызвать неуправляемое пике.

Даже при сохранении контроля кардинальное удешевление евро вызовет масштабный кризис европейской экономики, неизбежно ведущий к сокращению спроса на сырьё и энергоносители вследствие снижения темпов роста европейской промышленности, а также к масштабному сужению потребительского рынка в Европе. Что негативно скажется на внешней торговле с ЕС у всех ведущих её партнёров. В первую очередь у США, России, Китая и Индии. Впрочем, европейская экономика слишком связана с остальным миром, так что в той или иной степени пострадают все. Хотя потери и не приведут к катастрофе, так как ВВП ЕС составляет лишь 20% от общемирового. Да и речь пойдёт не о полном прекращении торговли, а только о снижении её объёмов.

Однако если контроль за евро удержать не получится, то прогрессирующий кризис имеет серьёзные шансы на 2–3 года обрушить европейскую экономику до весьма низкого уровня, тем самым создав угрозу снижения объёмов внешней торговли в разы, а то и на порядки. Даже с учётом перспектив формирования «нового ЕС».

При таком развитии событий очевидно обвальное обнищание Южной, Центральной и Восточной Европы, т.е. выпадение из международной торговли территории с суммарным населением до 100 млн человек. Вероятнее всего, это значительно подтолкнёт внутренние интеграционные процессы в Евразийском союзе, а также кардинально расширит взаимную торговлю между Россией, Китаем, странами БРИКС и государствами Юго-Восточной Азии. В таких обстоятельствах центр мировой экономической и политической активности может сместиться в зону Тихоокеанского региона.

В случае консолидации «германского ядра» продолжать производство всего того, что ведущие страны ЕС, прежде всего Германия, производят в настоящее время, «новый Евросоюз», в том или ином виде, сможет. Прежде всего потому, что почти все европейские производственные мощности расположены на территории в основном Германии, в меньшей степени Бельгии, Австрии и Чехии, т.е. государств, на основе которых этот самый «новый ЕС» как раз и будет создан. Но вот фондов для инвестирования в НИОКР у «новой Европы» довольно длительное время не будет. Что обусловит сокращение её текущего научно-технического превосходства над Россией и Китаем. Учитывая нынешние темпы научно-технической революции, может случиться так, что к моменту начала устойчивого роста экономики посткризисной Европы этот разрыв вообще перестанет существовать.

В любом случае стабилизация событий на варианте формирования «новой Единой Европы» многократно

усилит её зависимость от внешних источников сырья и энергии, а также рынков сбыта промышленных товаров. Причём ввиду неизбежного сокращения размера консолидированного ВВП «новой Европы» давление на неё со стороны США значительно возрастёт.

Однако если в этот «новый ЕС» не войдёт Франция, с момента окончания эпохи наполеоновских войн и за исключением периода президентства де Голля являющаяся подспудным проводником англосаксонской политики в Европе, наиболее вероятным выглядит ускорение экономического, а значит, и политического сближения «нового ЕС» с Россией и Евразийский союзом в целом. Только в этом случае Евросоюз имеет шансы сохраниться в качестве юридически и политически самостоятельного государственного и экономического образования. Подписание договора ТАФТА, тем более в англосаксонском варианте его условий, означает его неизбежное превращение в промышленно деградирующую экономическую колонию США.

Если стабилизации во втором сценарии не произойдёт и события скатятся еще ниже, к третьему сценарию, то экономику Европы, вероятнее всего, ожидает реактивная прогрессирующая деградация. Наглядным примером такого процесса выглядит нынешняя Украина. Высокая взаимная связанность различных экономических подсистем ведёт к критичному росту их уязвимости. Так, чисто политическое и даже популистское решение о статусе одного из языков привело к гражданской войне в регионе, где была сосредоточена подавляющая часть добычи угля, являющегося основополагающей базой энергетики страны. Возникшие перебои с его поставками привели к возникновению дефицита энергетической мощности. Что, в свою очередь, повлекло за собой отключение от энергосистемы и тем самым прекращение деятельности предприятий в регионах, вообще никак напрямую этой войной не затро-

нутых. В Европе указанный эффект будет иметь значительно больший масштаб. После более чем полувека активной взаимной интеграции национальные государства ЕС уже не обладают возможностью просто вернуться назад к самодостаточному автономному инфраструктурному существованию.

Таким образом, в случае неудачи с реализацией варианта «новый ЕС» европейские страны, каждая по отдельности, справиться с экономическими и социальными трудностями не смогут. Что создаст необходи-

мую питательную среду для варианта «ИГИЛ и халифат». Реализация данного варианта будет сопряжена с неизбежной деиндустриализацией европейского пространства и потерей им всякой экономической привлекательности. Вместе с тем у сопредельных с этой территорией государств, прежде всего у России, Турции и Беларуси, возникнет неизбежная необходимость формирования прочного военного рубежа для препятствования распространению границ «халифата» из Европы на Восток.

Закат Европы: Европейская отечественная война

В восьмидесятых, не говоря о более ранних годах, мало кто ожидал распада блока СЭВ и тем более мощного в военном плане Советского Союза. Сказалась инерция мышления — раз большой, значит, сильный. Тем не менее это произошло. Спустя двадцать с лишним лет ничто не мешает нам посмотреть под таким же углом зрения на Евросоюз. Тем более в своих оценках мы не одиноки. Схожих взглядов придерживаются и некоторые другие авторитетные эксперты¹⁹. Серия терактов во Франции довольно ярко высветила несколько принципиально важных вещей для будущего всей Европы.

Во-первых, выявилось, насколько хрупок межнациональный и межконфессиональный мир в Европе, несмотря на все предпринимаемые властями усилия по имплементации ментально чуждого арабского и африканского населения в европейские культурные и иные традиции. Единственным источником не только дешёвой рабочей силы, но и достаточно сильного генофонда для стареющей Европы остаются христианские окраины Советского Союза. Прибалтику и Молдавию в силу их небольших размеров уже практически вычерпали, но тут подоспела Украина. По самым скромным подсчётам, сегодня в Европе трудится около 2 млн украинцев, преимущественно

украинок детородного возраста. Поощряемая европейскими властями мультикультурность, толерантность, разрушение классической культурной, сексуальной, половой, патриархальной идентичности играет только на руку чужакам, т.к. Европа сама своими руками расчищает для них социально-культурное пространство.

В-третьих, сегодня уже можно приблизительно говорить о тех пропорциях между местным населением и чужаками, которые могут вызвать серьёзные политические потрясения во всей Европе и даже привести к началу всевропейской гражданской, а затем и Европейской отечественной войны, — 20–25% населения. К этому порогу уже близки некоторые страны ЕС.

В связи с этим представляется довольно любопытным сделать сценарный прогноз одного из весьма вероятных вариантов развития событий в Европе в среднесрочной перспективе. Назовём этот сценарий «Европейская отечественная война».

Внешним поводом, который послужит для начала беспорядков в Европе, станет резкое ухудшение состояния экономики и финансов. Что будет лежать в основе повода — перерастание гражданской войны на Украине в новую европейскую войну, кризис еврозоны из-за выхода Греции или других стран, сознательное выталкивание англосаксами экономики Европы в неразрешимый кризис, распад Евросоюза — пока ещё до конца не ясно.

Так или иначе, произойдёт фрагментация европейского социокультурного и политического пространства. Образуются новые пустоши, аналогично украинскому «Дикому полю», т.к., несмотря на всю экономическую мощь Европы, имеющихся ресурсов будет явно недостаточно для поддержания единого высокого уровня жизни для всего населения Европы.

¹⁹ Станислав Стремидловский. Европа на пороге гражданской войны? // ИА REGNUM, 09.01.2015; Ростислав Ищенко. Чего хочет Путин? // RussiaPost, 09.02.2015.

Восточная Европа обречена всё больше скатываться к провинциальному статусу со всеми вытекающими отсюда последствиями: отток молодого и наиболее образованного и квалифицированного населения, падение уровня жизни, криминализация региона, превращение его в рассадник преступности, наркотрафика, торговли человеческими органами и прочих нелегальных явлений. Борьба нынешнего премьера Венгрии на самом деле является борьбой против такого сценария, именно поэтому брюссельские бюрократы видят в нём достаточно серьёзную угрозу для будущего европейского проекта.

Любые попытки малых имперских проектов, будь то Великая Польша, Великая Румыния или Венгрия, как и создание более крупных региональных образований типа Межморья — Интермариума в этих условиях обречены на провал, т. к. они будут нуждаться в сильной политической власти, независимой от Брюсселя, и собственных источниках технологической самообеспеченности и безопасности — системах образования, медицины, промышленности, науки и т. д. Всё это находится в серьезном противоречии с той концепцией Европы, которую проводят европейские бюрократы для реализации целей Вашингтона.

Есть сценарий распада ЕС, который отвечает интересам США и Британии, а есть тот, который их интересам противоречит. Более подробно об этом мы писали в первом разделе доклада. В этих условиях Германии для нового объединения хотя бы части Европы вокруг себя понадобится уже помощь России. И вот здесь Россия должна будет по полной программе за все двадцать лет унижений выставить свои условия Германии, если та захочет сохраниться в прежнем виде в глобальной политике. Но об этом мы скажем позже.

Распад политической конструкции Европы и борьба, с одной стороны, США и Британии, с другой — Германии, Франции и части «старой Евро-

пы» за свой сценарий управляемого распада приведут к исчезновению Евросоюза как фактора мировой политики. Крах экономической конструкции ЕС приведёт к распаду зоны евро, а затем, через два-три года, — к возникновению первых серьёзных очагов напряжённости, один из которых рано или поздно приведёт к взрыву. Скорее всего, это произойдёт в центре Европы, в одной из ведущих стран континента — Британии, Германии или Франции, после чего распад ЕС станет только вопросом времени. Что послужит поводом — очередная серия терактов, столкновения между студентами и полицией или рабочими и полицией — не так важно, как кажется, хотя, естественно, каждый сценарий будет обладать своими уникальными чертами.

Создание образа внешнего врага — единственный вариант для правящих кругов Европы удержать ситуацию под своим контролем, иначе они будут сметены. Сначала пламя гражданской войны разгорится в одной стране, потом — во второй, в третьей объявится свой доморощенный Брейвик и т. д. Гражданская война на межконфессиональной почве охватит всю Европу. Америка

дистанцируется от этого конфликта, передислоцируя свои базы в Британию, Скандинавию, Польшу и Косово. Останется только Россия. В этих условиях Европа обратится к России с просьбой о введении контингента миротворцев. Опять-таки большой вопрос, стоит ли России это делать и в очередной раз помогать белым европейским «братушкам».

По мере развития этих процессов Европа войдёт в фокус внимания так трепетно ею совместно с американцами взращиваемых террористических группировок из Афганистана, Сирии, Ирака, Ливии. Теракт станет нормой европейских городов. В результате гражданская война в Европе через два-три года перерастёт в полноценную Европейскую отечественную войну. Почему отечественную? — по той же самой причине, по какой отечественными были названы те две войны, которые на себе довелось испытать России, — потому что речь шла о выживании цивилизации. Надо сказать, что у Европы ещё не было таких войн. Эти войны за неё, неся народам Европы свободу, вела Россия.

Использование армии в городских условиях будет затруднено. Города перейдут на осадное положение.

не собирались орды завоевателей в новых походах «на Восток».

ВЫВОДЫ

Приведённое выше описание обстоятельств, сложившихся в ЕС к настоящему моменту, позволяет сформулировать ряд создаваемых ими ключевых угроз для будущего Евросоюза.

Устойчивость ЕС как единого политического и экономического пространства основывается прежде всего на сохранении высокого уровня жизни населения. Что в значительной степени зависит от успешности функционирования финансовой системы зоны единой европейской валюты. На данный момент значительное давление на неё оказывают два фактора: критичное преддефолтное состояние экономики Греции и экономическая борьба с США вокруг договора ТАФТА.

Выход Греции из зоны евро делает данную угрозу крушения всей европейской банковской системы в целом неизбежной. В свою очередь, борьба вокруг договора ТАФТА требует от ЕС существенного понижения курса общеевропейской валюты на 25–30%. Учитывая высокую зависимость ЕС от внешней торговли и стабильно отрицательное сальдо внешнеторгового баланса, удешевление евро, кроме всего прочего, ведёт к снижению покупательской способности населения Европы, т. е. к значительному падению материального уровня его жизни по сравнению с привычным.

Схожий эффект по влиянию на банковскую систему зоны евро может оказать выход Великобритании из ЕС. Отдельной угрозой для будущего ЕС является высокая чувствительность экономики по отношению к стабильности внешней торговли. К примеру, по итогам санкций (прямых, европейских, и ответных, российских) в связи с событиями на Украине в 2014 году суммарные потери ЕС от санкционной войны составили 12 млрд евро.

Тем не менее это не поможет сильно исправить ситуацию, поэтому зона террора будет только разрастаться. По сути, Европа окажется в ситуации осажденной крепости, внутри которой очаги беспорядка будут возникать в самых разных местах.

В результате Европа как цивилизация встанет первый раз перед угрозой исчезновения за последние 300 лет. И тут возникает вопрос для России. Что делать: спасать европейцев или поставить войска на границе и ждать, пока процесс истощения людских и иных ресурсов не дойдёт до неких знаковых отметок?

Россия неоднократно спасала Европу от гибели — от Наполеона, от Гитлера, болгар — от турок и т. д. В ответ за свою помощь мы получали так или иначе плевки в спину и чёрную неблагодарность. Слишком щедро русской кровью полита европейская земля. Европа должна испить чашу гнева истории до дна. Этот же вывод касается и Германии. Мы должны чётко и стратегически взвешенно определить, какие условия мы сформулируем для Германии в том случае, если она снова захочет занять свое центральное место в Европе. Это необходимо, чтобы больше никогда с этой территории

Действия США и Британии могут преследовать одну из двух (или даже обе сразу) ключевых целей. Первая: создание в мире обширных зон нестабильности с целью представления американской экономики в виде единственного острова спокойствия для инвестирования мировых, в том числе европейских, капиталов. Тем самым получить инвестиции, необходимые для своего существования. Вторая: формирование ситуации, в которой американские рынки сбыта станут для ЕС безальтернативными на любых условиях. Тем самым окончательно принудив Евросоюз к подписанию договора ТАФТА. В обоих случаях для ЕС в среднесрочной перспективе это грозит деиндустриализацией, а для Германии — потерей статуса одной из ведущих держав мира.

Из неэкономических наиболее существенной является угроза обострения, как по собственной инициативе (проект спецслужб ЕС), так и по инициативе США, межэтнических и межрелигиозных внутриевропейских конфликтов. В том числе с исламом (далее — с ИГИЛ и другими исламскими вооружёнными группировками). Все перечисленные угрозы могут реализоваться как по отдельности, так и последовательно, вызывая цепную реакцию. В том числе вызывая сильный кумулятивный эффект.

Теракт в Париже, ситуация с греческим долгом, углубление социально-экономических, идеологических и религиозных противоречий между различными частями Европы, провал проекта мультикультурности и толерантности, жизнь в долг, усиление позиций евроскептиков в национальных парламентах и в Европарламенте и многие другие перечисленные выше факты говорят о том, что проект Евросоюза в нынешнем виде при тотальном политическом доминировании США и англосаксов нуждается в серьезной перестройке. Однако в рамках функционирующей модели она вряд ли возможна, т. к. любое серьёзное её изменение приведёт к изменению и смысла

всей конструкции, что является неприемлемым для США и Британии. Поэтому остается только модель взрыва конструкции.

Вопрос заключается только в том, по чьей модели пойдёт взрыв нынешней модели Евросоюза — англосаксонской или германской?

Возможна стабилизация ЕС на первом, самом высоком уровне, но с выталкиванием из Союза самых проблемных регионов, вроде Греции, Балканских стран и Прибалтики. При этом значителен риск возникновения в Южной Европе гражданской, а то и религиозной войны.

При любом сценарии экономическая целесообразность диктует необходимость тесного сближения ЕС с остальным евроазиатским пространством. В первую очередь с Россией. Сближения не только чисто экономического, но прежде всего политического и даже этнокультурного. Однако инерция традиционного геополитического мышления продолжает толкать Европу по пути безусловности евроцентристской модели мироустройства. Россия, Китай, страны БРИКС, государства Ближнего Востока, Африки, Южной и Латинской Америки продолжают восприниматься только как сущности второго порядка, т. е. образования, изначально обязанные признавать безоговорочность европейского превосходства. И служить источником прибыли для Европы.

Совершенно очевидное несоответствие между экономическими и политическими линиями как раз и является главной угрозой для будущего ЕС, причём угрозой совершенно нового, ранее не существовавшего типа. Это уже не будет просто ещё один конфликт в Европе. Это не будет даже ещё один «очень большой» конфликт, вроде Столетней войны или распада Римской империи. Сейчас Европа, впервые за более чем 1300 лет — с момента сражения с армией берберов 19 июля 711 года, считающегося начальным моментом конквисты, т. е. массового завоевания Пиренеев мусульманами, — стоит

перед угрозой своего полного исчезновения как самобытной цивилизации. Тогда вестготы потеряли только Испанию, на отвоевание которой потом ушло более 400 лет. А сейчас европейцы могут потерять всю Европу. И отвоёвывать её будет уже некому.

Европа давно и окончательно разучилась вести войны на пределе своих физических и моральных возможностей. Невзирая на трудности и не считаясь ни с какими потерями. У Европы для победы в такой войне нет даже сколько-нибудь внятной идеи, ради воплощения которой абсолютное большинство европейцев были бы готовы пойти на любые жертвы и отдать свою жизнь. Европа к войне подобного масштаба просто не готова ментально.

В подобной ситуации Европе совсем невыгодно обременять свою и без того уже заметно хворающую экономику санкционной войной с РФ. Тем более войной, фактически являющейся следствием не европейской, а англосаксонской политики сохранения американско-британской мировой гегемонии. Но платить за которую приходится сейчас Европе.

Конечно, Европа в любом случае будет вынуждена провести у себя реформы. Но масштабные преобразования куда лучше проводить в спокойных условиях мира и добрососедства, сохраняя и развивая успешную взаимную торговлю, а также экономическое, научное и культурное сотрудничество, чем в условиях тотальной войны всех против всех.

В стратегической перспективе формирование прочной оси Берлин — Москва — Анкара — Тегеран — Дели — Пекин — Сеул (Токио) является столь же неизбежным, как смена геологических эпох, и столь же неостановимым, как дрейф континентов планеты. Для Европы вопрос заключается лишь в том, каким путем она к указанному результату придёт, насколько долгим окажется этот путь и какой для европейцев выйдет финальная цена. В том числе — цена, оплаченная кровью.

Он вел русских, как Моисей

*Со скульптором
Виктором ВОРОБЬЁВЫМ, автором
архитектурно-скульптурной
композиции, посвящённой
первому государю
всёя Руси Ивану III,
беседует Виталий
АВЕРЬЯНОВ*

Виктор Николаевич, мы заинтересовались вашей работой скульптора и создателя уникальной архитектурно-скульптурной композиции, посвящённой государю Ивану III. Знакомство с проектом этой композиции не оставляет сомнений в том, что вы не просто глубоко погрузились в ту эпоху, вы фактически живёте в ней, и поэтому вы, несомненно, сможете поведать о вкладе великого русского государя в становление Московского царства, Третьего Рима.

— Мне бы хотелось начать наш диалог с актуальных аллюзий. А именно: Порошенко и нынешняя власть киевская пытаются присвоить Крестителя Руси Владимира Красное Солнышко

и представить его создателем государства Украина (Украины-Руси). Это обосновывается тем, что Киев расположен на территории нынешней Украины. Однако Владимир крестил Русь, а не Украину, и речь в данном случае должна идти не о географических границах, а о реальной преемственности. Потому что различные славянские и не только славянские племена, входившие в державу Владимира и располагавшиеся между Новгородом и Киевом, объединились через крещение, через причастие крови и тела Христовых — так возникла русская народность.

Сейчас говорят, что на тот момент ещё не было церковного раскола 1054 года, и Владимир принял христианство, а не православие. И униатам такая трактовка выгодна. Но на самом деле Владимир принял христианство именно православное, принял Никео-Цареградский символ веры, который, как известно, отличается от католического таким важным пунктом, как *filioque*: у латинян Дух Святой исходит не только от Бога-Отца, но и от Сына. Это означает, что у них Троица разделена. Мы остались верны православию, и поэтому мы являемся настоящими преемниками равноапостольного князя Владимира.

Крещение Руси стало объединяющим для народа, но князья, верхушка, то, что сейчас принято называть политической элитой, постоянно дрались за власть, дробили некогда единое государство, что в итоге привело к возникновению множества маленьких княжеств (мне это напоминает мечту некоторых из недавнего прошлого о пятидесяти Швейцариях на территории России), а затем и к монголо-татарскому игу, поскольку Русь стала лёгкой добычей. После Батыева нашествия Киев превратился в пепелище, и митрополит Киевский и всея Руси перенёс свою резиденцию во Владимир на Клязьме. Народ воспринял Батыево нашествие как кару за грехи правителей и их междоусобицы. Казалось, что этому не будет конца. Но вот, на наше спасение, появляется правитель, который всю свою жизнь твердит одно и то же: «Русская земля — мое Отечество».

В правление отца нашего героя Василия II Тёмного в 1438 году собирается Ферраро-Флорентийский собор, задуманный папой римским для принятия унии между православием и католичеством. Византия была обложена турками, она съёжилась до территории маленького треугольничка около Босфора и небольшой части Пелопоннеса (Морея). Уния заключалась в подчинении православной церкви ка-

толикам и отказе от православного символа веры. Сохранялся лишь обряд — видимость православия. Под давлением императора, надевшегося на помощь Запада, унию приняли. Из многочисленной византийской делегации только один участник Собора не подписал её. Это был Марк, митрополит Эфесский. Он направил окружное послание, обличавшее унию и требовавшее сопротивляться ей. Не это ли пример, опровергающий поговорку, что «один в поле не воин»?

Унию чуть было не удалось провести и на Русь. С ней в 1441 году приехал митрополит Исидор. В Москве, куда в начале XIV века из Владимира был перенесён митрополичий престол и находилась резиденция митрополитов Киевских и всея Руси, византийцев не поняли. Из Москвы Исидора прогнали, и с той поры митрополитов на Руси ставит Русская церковь. Впоследствии эту унию отверг и Иерусалимский собор 1443 года, на котором восточные патриархи предали анафеме тех, кто подписал унию.

Сейчас на Украине представители самозванного Киевского патриархата говорят, что русские первые откололись от Константинополя. Правильно сделали, потому что Константинополь в тот момент предал Никео-Цареградский символ веры. Мы не могли следовать за отступниками от православия. Надежда византийских императоров на европейскую помощь не оправдалась. Выступившее в поход войско под командованием польского короля Владислава было разгромлено под Варной турками, которых срочно привезли на своих кораблях продажные генуэзцы.

На Руси начинается страшная феодальная война, в ходе которой Василий II попал в плен к своему противнику, Дмитрию Шемяке, и был ослеплён им. Старшие дети Василия, два княжича — Иван и Юрий, находились у Рязанского епископа Ионы. И Шемяка требовал, чтобы Иона выдал детей, обещая ему, что он сделает Иону митрополитом, а в случае несогласия — возьмёт их силой. Понимая, что от Шемякиных войск нет спасения, Иона выдал детей, и во Львовской летописи есть такой эпизод, что Шемяка, будучи пьяным, хотел зашить Ивана и Юрия в медвежьи шкуры и утопить в реке. Но Иона отмолил их, и их отпустили. Местом пребывания семейства Василия II, теперь уже Тёмного, который признал Шемяку великим князем, стала Вологда. Но вероломные действия новоиспечённого великого князя и несправедливый суд, вошедший в нашу историю как «Шемякин суд», породили возмущение в столице. Оказалось,

что старая власть, которой многие были недовольны, лучше новой. Игумен Ферапонтова монастыря освободил Василия от присяги, данной Шемяке под принуждением.

После этого к ослеплённому князю начинают съезжаться верные московские люди. Василий II собирает армию, идёт навстречу Шемяке, а по дороге заезжает в Тверь и заключает с князем Борисом Тверским союзный договор. Объединённое войско громит Шемяку, и тот отступает. Василий восстанавливает свои права в Москве, но война с Шемякой продолжается ещё лет шесть. И первый свой поход старший сын Василия Иван совершает в возрасте, по-моему, восьми лет, выходит и преследует войско Шемяки. Сейчас дети в первый-второй класс ходят, а он уже участвовал в походах через всю страну. А в 19 лет он впервые выступает как главнокомандующий и одерживает на Оке

военную победу над татарами, будучи официально соправителем отца.

— **Тогда печатали на монетах уже не одного Василия, а двоих великих князей — отца и сына Ивана.**

— Да, и через три года, когда умрёт Василий Тёмный и Иван станет уже великим князем без приставки «соправитель», он не поедет в Орду за ярлыком впервые со времён Батыя. И по праву, потому что он уже одержал над ними победу.

— **Расскажите, в каких условиях происходило взросление Ивана?**

— Представим себе эту ситуацию — страшная, жестокая война за престол, отец слеп, постоянное чувство опасности, и в этих условиях Иван III вырос, как губка впитывал всё, что видел вокруг. В каком-то смысле он стал заменять отцу зрение, зорко наблюдая за князьями и боярами вокруг московского престола.

И в 1453 году, в год падения Константинополя, у нас происходит важное событие — отравили Шемяку в Новгороде. На этом феодальная война была закончена. А несколько раньше, в 1449 году, был заключён договор между Литвой и Великим княжеством Владимирским и Московским, по которому разделялись сферы влияния: Новгород, Псков были за Москвой, Тверь стала зоной влияния Литвы, а Рязанское княжество было предоставлено самому себе. Почему важен этот договор? Он развязывал польско-литовскому королю Казимиру IV руки для борьбы с Тевтонским орденом. Москве же он развязывал руки для борьбы с Шемякой. Казимир обязался, что не будет принимать Шемяку; соответственно, Москва обязалась не принимать возможных претендентов на престол из Литвы.

Вся Европа была тогда устроена по принципу постоянного балансирования между соседями — каждое государство было окружено врагами. И в тот момент, когда, допустим, Ольгерд Литовский шёл на Москву, на него напал Ливонский или Тевтонский орден. То есть все зорко следили за тем, как себя ведут соседи, чтобы в нужный момент вцепиться, ухватить, прирезать какую-то территорию или просто пограбить соседей.

— **То есть Иван III жил постоянно внутри напряжённой шахматной партии и был вынужден следить за всеми угрожающими ему фигурами?**

— Совершенно верно. В 1469 году Иван III направляет войска на Казань и принуждает её к миру, нейтрализует её и перестаёт формально, как и в случае с Большой Ордой десятью годами ранее, быть её вассалом. После «первой Казани» Иван идёт на Новгород, потому что он уже не опасается удара со стороны Казани, а разведка донесла, что хан Орды Ахмат занят войной на юге. Польский же король в этот же момент занят борьбой за чешский престол. То есть Иван подгадал удачный момент для похода на Новгород.

— **Появилось окно возможностей, которого раньше не было, — все три главных врага связаны своими проблемами...**

— В 1458 году король Казимир принял на своих землях митрополита — униата Григория Болгарина. Так была расколота Русская митрополия. Но продвижение унии в русских землях не шло, поэтому митрополит Григорий решил обратиться в православие и попросил ставленного султаном патриарха Константинопольского признать его митрополитом Киевским и всея Руси, что тот не замедлил сделать.

Ключевой момент — 1470 год, когда нашей Церкви понадобилась защита государя, ведь Григорий потребовал, чтобы под его начало перешли епархии Московской митрополии (после смерти митрополита Ионы наши митрополиты стали называться Московскими и всея Руси). Иван III не только не признал митрополита Григория, но и потребовал со всех наших епископов, настоятелей монастырей клятву, что впредь они не будут признавать никого, кто придёт из Византии. Так наша Церковь стала автокефальной.

А чуть позже в Новгороде умирает архиепископ. В Новгороде архиепископа выбирали на вече, вытягивая жребий. И в Новгороде были две партии — литовская и московская, первую называли «золотые пояса», или «партия белого хлеба», вторую — «партия черного хлеба». Верхушка, которая завязана на экспортно-импортные операции, то есть олигархи местные, это примерно 300 человек, 300 «золотых поясов». Белый хлеб был привозной, из Европы везли пшеницу, а чёрный хлеб — с «низовой земли». Ещё со времён Андрея Боголюбского, если хотели принудить Новгород к уступкам,

то перекрывали им поставки чёрного хлеба. Основная масса новгородцев питалась более дешёвым ржаным хлебом, и, конечно, она хотела союза с Москвой. Так вот каждая из партий выставила кандидата в архиепископы. По жребию победил Феофил — на него делала ставку промосковская партия. Он, как и умерший архиепископ Иона, признавал Московского митрополита. Проигравший кандидат Пимен заявил, что готов поехать на поставление в Киев. Ни у кого не было сомнений, что, оказавшись он в Литве, там его утвердят. Это угрожало единству Московской митрополии.

Одновременно из Литвы приезжает в Новгород в качестве служилого князя двоюродный брат Ивана князь Михаил Олелькович, подданный Великого князя Литовского, и претендует на княжеский новгородский стол.

— **А в Новгороде (в скобках заметим) князей выбирали...**

— Они наёмные, да. Это новгородская особенность. И вот эти два момента — с архиепископами и с новгородским князем — послужили сигналом Ивану, что Новгород вот-вот отколетса от Руси. А надо сказать, что тогда на Руси люди ждали конца света. Даже дата была известна — 7000-й год от Сотворения мира. А далее — Страшный суд, где по вере, по грехам и по делам воздастся.

И вот по просьбе митрополита Иван собирает прообраз Земского собора, то есть собирает

епископов, князей, бояр, и митрополит говорит, что вот, мол, у нас тут конец света на носу, а новгородцы решили продаться латинянам. И тогда было решено собрать нечто вроде Крестового похода. Войска московские одерживают несколько побед. Главная — на реке Солёной (или Шелони по-новгородски, северный диалект). Иван, вопреки традиции, по которой предводители войска, попавшие в плен, откупались, впервые демонстративно казнил четырёх человек, новгородских бояр, которые выступили против него. В новгородском обозе был обнаружен договор с королём Казимиром.

На следующий год Иван отбивает нападение хана Ахмата на Оке, не подпускает его к Москве. И затем ему удаётся окончательно сломить новгородское сопротивление. Новгородцы стали жаловаться ему, что произвол в городе творится, на посадников нет управы, разбойничают, занимаются наездами. «Наезд» — это слово не из 90-х годов, это древнее слово, которое означает вооружённое нападение с грабежом. Жаловались на тех, на кого не могли на месте найти управу. В 1475 году Иван III отправился в мирный поход в Новгород и, используя свое право верховного судьи, осудил нескольких новгородских бояр во главе с посадником. Обижаемые своим начальством новгородцы с этого момента поняли, у кого найдут защиту от боярского беспредела.

— **Получается, что его договор с Новгородом через право суда подрывал исконный**

новгородский суверенитет, позволяя жаловаться на высшую власть — на посадников. Я припоминаю, что, когда двое новгородцев в эти годы поехали жаловаться в Москву, они впервые назвали Ивана III «государь». Это ключевой момент.

— Да, два человека, два посла — один был вечевым дьяком, то есть вёл протоколы вечевые, а другой был подвойским, то есть вече созывал, — приехали из Новгорода и назвали его «государем». Иван сразу направил послов, которые спросили у Новгорода: «А какое государство вы хотите?» А в Новгороде говорят: «А мы никого не посылали», — и убивают этих двух, которые приезжали в Москву. Иван жалуется митрополиту: «Что я мальчик, что ли, что они себя так ведут!» Собирает войско и вновь идёт к Новгороду. Город взяли в кольцо, но боевых действий не было, грабежи он тоже пресёк. В итоге новгородцы сдались и сами предложили ему монастырские земли, которые были своего рода средневековыми офшорами (Церковь не платила налоги, и концы новгородские, и обычные люди там хранили свои вклады, либо денежные, либо в виде земли). Иван забрал земли у богатых монастырей, бедные монастыри не тронул. Заключили договор, который сохранился до наших дней, на нём около 60 печатей висит. В летописном своде есть рисунок «пять очередей (то есть пять концов новгородских) идут целовать крест». А через год, благодаря пролитовской партии, в Новгороде вспыхнул мятеж. На этот раз Иван III повесил уже около сотни человек из литовской партии — как клятвопреступников. Вообще он казнил редко. За всё время его правления, самого продолжительного в российской истории, он казнил меньше, чем знаменитый европейский гуманист и меценат Лоренцо Медичи Великолепный — покровитель Леонардо да Винчи, Микеланджело и Боттичелли, — при подавлении заговора Пацци.

И наступает ключевой год эпохи Ивана III, 1480 год, Стояние на Угре. Немцы-ливонцы осаждают Псков, Ахмат идёт на Русь, и Казимир как будто готов выступить его союзником. Да и родные братья Ивана III, Андрей Большой Углицкий и Борис Волоцкий, подняли против него мятеж. Из этой сложнейшей ситуации Иван выходит виртуозно.

— А эпизод с растоптанной ханской басмой был перед Угрой?..

— Я думаю, что этого эпизода не было вообще. Дело в том, что Иван не мог приказать убить послов, это совершенно не в его стиле.

Что касается Стояния на Угре, некоторые современники и историки упрекали Ивана в нерешительности, в том, что он боялся Ахмата, эвакуировал семью из Москвы, сам на Угрю не ехал и сына Ивана пытался оттуда отозвать. Но он выступил как организатор, как мозговой центр, как стратег. Он проявлял исключительную ответственность и осторожность, понимая, к чему могут привести решительные, но необдуманные действия. То, что Иван III человек исключительной смелости, доказывается простым фактом — он постоянно принимал участие в тушении московских пожаров. Улицы тогда в сплошь деревянной Москве были очень узкие — шириной примерно 4 метра. Пожарные и ФСОшники скажут вам, что такое обеспечивать охрану первого лица в подобных условиях. Тем более что в ту эпоху не было ни воды, ни шлангов для тушения пожаров. При тушении пожара могли либо растащить соседний дом, либо какой-нибудь пропитанной

водой шкурой накрывать возгорание. А бывали пожары, когда города выгорали целиком.

Тактика Стояния на Угре заключалась в том, что Иван тянул время, вёл долгие притворные переговоры. Он выжидал, пока ордынская конница сожрёт всю траву в округе, войско съест весь провиант, и наступят морозы. При этом Иван организовал спецоперацию, речной десант, который жжёт ордынскую столицу Сарай. В это время верный союзник (победа нашей дипломатии) Ивана III хан Крымский (или как его ещё называли Перекопский) Менгли-Гирей ударил по южным рубежам Великого княжества Литовского. Королю Казимиру IV, подстрекавшему хана Ахмата в поход на Ивана III и обещавшему хану помощь, стало не до того.

Ивана многие призывали ударить по татарам. Духовник Ивана III Ростовский владыка

Вассиан Рыло писал ему об этом. Но Иван прекрасно знал военное дело. Он понимал, что, если ордынцы несколько дней подряд пытаются перейти реку и их расстреливают в реке, — это одна ситуация. Совсем другая ситуация — если форсировать реку под прицелом татар начнут русские. В итоге его тактика сработала, и Ахмат, чтобы успеть отойти на зимовье, отступает. Главное в этой победе — армия была сохранена в целости. Избегая неоправданных потерь, Иван проявил себя как мудрый стратег.

— **Здесь припоминаются слова тестя его, молдавского господаря Стефана: Иван, сидя дома, умножает свою державу, а я, дескать, ежедневно сражаясь, едва в состоянии защитить себя.**

— Да, этот тесть был уникальный — Стефан Великий, отец нашей «еретички» Елены Волошанки. Причём насчёт её ереси я сомневаюсь, знаете почему? Её отец был ктитором двух афонских монастырей Зограф и Ватопед, откуда привозили к нам Пояс Богородицы. То есть это была глубоко православная семья.

— **Новгородская эта ересь вызывает у историков ожесточенные споры...**

— Да, как раз после присоединения Новгорода вдруг обнаружилась так называемая ересь жидовствующих. Архиепископ Геннадий Новгородский, который был до этого настоятелем Чудова монастыря, написал митрополиту Геронтию, что появились тут такие люди: у нас конец света на носу, а они и в конец света не верят, смущают жидовским десятисловием (то есть десятью заповедями), а в ответ на это Геронтий ничего не предпринимал. Некоторое время спустя Геннадий написал новому митрополиту Зосиме, бывшему настоятелю Симонова монастыря. Зосима, получив послание Геннадия, потребовал от него исповедания веры. Дело в том, что, согласно Евангелию, о дате конца света знает только Бог. И у них возник раздор. Иногда Зосиму обвиняют в ереси, ссылаясь на высказывания преподобного Иосифа Волоцкого. На мой взгляд, версия о ереси Зосимы надумана, просто люди эти были эмоциональные, равнодушные и озлобились друг на друга. В этих обвинениях, увидевших свет после смерти всех основных действующих лиц, перемешано и искусственно притянута к реальным новгородским еретикам ближайшее окружение Ивана III, в том числе и посольский дьяк Федор Курицын. Фактически это был наш первый министр иностранных дел. Известно, что тот,

возвращаясь из Венгрии, какое-то время пребывал в турецком плену. Оттуда он привез идею поместной системы землевладения, потому что аналогичная система действовала в Турции. И когда Курицын возвращается в Москву, с этого момента начинается частичная конфискация монастырских земель в Новгороде. Иван раздал эти земли сначала своей верхушке боярской, а затем он отнимает у неё эту землю и раздаёт в поместья. Так возникает дворянское служилое сословие. Сословие, которое более четырёхсот лет было опорой России. Но этим, естественно, недовольны бояре московские, недоволен был и архиепископ. Подсказал же государю эту идею Курицын. Отсюда, как мне кажется, возникла легенда о его причастности к ереси.

— Виктор Николаевич, по поводу поместного землевладения. Как известно, эта новация Ивана III была широко продолжена его внуком, Иваном Грозным. Кстати, Ивана III тоже ведь Грозным называли. На ваш взгляд, насколько Иван IV преемник своего деда, продолжатель его дела? И в чём их главные отличия?

— Он продолжатель в плане созидания православной империи. Он продолжатель в плане формирования идеологии Отечества, о которой имеет смысл сказать особо. На иконостасе построенного Иваном III Успенского собора Московского кремля изображена модель Небесного мира, которому должен соответствовать мир земной. Экскурсоводы вам обязательно скажут, что иконостас сделан в XVII веке, что из времён Ивана III осталась только икона Сорока мучеников Севастийских, погибших, но не изменивших вере. Всё это так, но к XVII веку Успенский собор, как и Москва, неоднократно горели. Росписи храмов, иконы в иконостасах восстанавливались после пожаров и из-за ветхости, сохраняя предыдущие практически без изменений. Между тем этот иконостас отражает основную идею Ивана III — *идею служения*. Наверху икона «Отечество», то есть вот это передача от Отца к Сыну через Святой Дух. То есть дух передавать, веру передавать, страну созидать, развивать, умножать, защищать — вот в этом идеология Отечества. *С Богом не договариваются, Ему служат. А Отечество — это Троица*. Иван Грозный, безусловно, человек, который служил Отечеству.

В чём отличие. Масштабы казней несопоставимые. Дед бы двадцать раз подумал, прежде чем на плаху отправить. У него же Грозный не одно прозвище, он рекордсмен по почётным прозвищам. Он и Великий, и Святой, и Державный, и Правосуд (то есть справедливый судья, законодатель). Принятый им Судебник начинался со слов «Посулов от суда и от печалования не иметь, судом не мстить и не дружить никому». То есть как он мог Россию, свою империю многонациональную и многорелигиозную, объединить — только справедливым правосудием и защитой её народов от внешних врагов.

Литовский посол Михалон Литвин пишет, что за избавление от ига русские считают Ивана III Святым. И когда я размышлял над этим, я вспомнил, что летописцы, книжники средневековые на жизнь смотрели глазами Библии, через Библию всё пропускали. И меня как будто щёлкнуло — а на кого Иван-то похож? Приведу

факты, их, как говорится, можно потрогать руками. Он правил около 40 лет, он объединил разные народы в один народ, он сделал свой народ свободным и независимым, наконец, между ним и врагами стояла водная преграда...

— **Моисей...**

— Моисей да. Он разрушил Золотого тельца, то есть олигархический Новгород. Ввёл поместную систему. Смысл её в том, что ты служишь Отечеству, а не свою мошну набиваешь. То есть нельзя служить Богу и мамоне. У Моисея заповеди, у Ивана — Судебник. А главная его заповедь, он всё время говорил: «Русская земля — моё Отечество». То есть *служение Отечеству — это его завет*.

— **То есть он совершил переход от вотчины к Отечеству.**

— Да. В общем, он вёл русских, как Моисей, и вывел их в обетованную землю, из древней разобщённой Руси — в державную Россию. И, наконец, помните, в начале нашей беседы я рассказывал, как Шемяка хотел утопить маленького Ивана? Моисей означает «Спасённый из воды».

Возвращаясь к ереси жидовствующих — был ли Иван снисходителен, слишком мягок к еретикам, как некоторые считают? Дело в том, что когда речь зашла о реальном суде над еретиками, то мало у кого поднялась рука жестоко их судить. Потому что судья, и мы все это понимаем, в первую очередь рискует погубить свою душу несправедливым судом. Иван сказал судьям: «Судите по Правилам святых отцов, святых апостолов и Вселенских соборов». На Халкидонском Вселенском соборе, на котором окончательно был утверждён Никео-Цареградский символ веры, а также Константинополь был провозглашён Вторым Римом, ведь тоже рассматривали дело еретиков, им были определены мягкие наказания: их разослали по монастырям. И в отношении наших еретиков на Соборе 1490 года во главе с митрополитом Зосимой было решено сделать подобное — высекли кнутом и разослали по монастырям. То есть действовали по примеру Вселенских Соборов.

Ересь была реальностью. И борцы с ересью — Геннадий Новгородский, Иосиф Волоцкий делали то, что должны были делать. Потому что они отвечают за души своей паствы. А если паршивая овца — еретик — завелась, то она губит всё стадо. И они, безусловно, эмоционально реагировали. Тем не менее у нас не возник аналог института инквизиции — хотя этого

поначалу требовал Геннадий Новгородский. К чести Геннадия, он сделал из всей этой эпопеи с жидовствующими правильные выводы, он устроил школу для обучения священников, он сделал единый свод библейских текстов (Геннадиевская Библия).

— Да, это он говорил, что наши священники очень уж просты, поэтому устраивать открытые полемики с еретиками нецелесообразно... Что же касается сожжения нескольких еретиков в 1504 году, то сам факт этой казни объясняется не тем, что это был какой-то безграничный гнев, а тем, что, как сам преподобный Иосиф Волоцкий говорил: если бы они не пропагандировали ересь, достаточно было бы сослать их в монастырь, но они её насаждали.

— Возможно, так и есть. Сейчас популярна книжка «Еретики и заговорщики», там проведён сравнительный анализ данных из «Просветителя» Иосифа с текстами, на которые ссылается Иосиф Волоцкий. И выявлены разительные несовпадения. Но при этом возникает вопрос: какие тексты были у Иосифа, на чём он основывался? Наверняка это были другие тексты и показания.

— В литературе, особенно XVI века, довольно много есть свидетельств того, что наша элита боярская с весьма большим недоброжелательством относилась к Софье Палеолог. Один из примеров: Берсень-Беклимишев говорил, что через греков пришло чуждое влияние, пошатнулись традиции... Есть и другие примеры. Что вы об этом думаете?

— Во-первых, Софья (Зоя) воспитывалась в Риме, и вся её свита была из Рима, а не из Греции. Они были униаты, или перекрещённые католики. Папа римский выступил в качестве свата. Я думаю, неверно приписывают, что благодаря этим приехавшим грекам у нас возник центральный аппарат государственной власти, я думаю, тут скорее римское влияние. Объясню почему. У нас огромная империя появилась, и римский понтификат — это же тоже огромная империя, в которой уже столетиями существовал аппарат управления епархиями, расположенными в различных государствах.

В определённом смысле верно будет сказать, что Иван вернул Софью из униатства в православие. И не стоит преувеличивать то значение, которое он придавал византийскому гербу и возникающему преемству по отношению к императорам Константинополя. Неслучай-

но он долгое время колебался, кого сделать наследником — внука от Елены Волошанки или своего сына от Софии. То есть для него это был не принципиальный вопрос, будут ли его потомки-государи именоваться наследниками византийских императоров по матери. Для Ивана III главное было, чтобы его преемник служил Отечеству. Это и стало в конце концов решающим доводом при выборе наследника.

Вот недавно был телесюжет о гербах на Боровицкой башне Кремля; высказывают предположение, что их установили в момент постройки башни, в 1490 году. Это как раз совпадает с распространением идеи митрополита Зосимы, что Москва — второй Константинополь. Более того, Зосима объявил, что именно для Константинополя наступил «конец света» за из-

мену православию. Иван III стал использовать византийский герб именно как религиозный преемник, духовный преемник православного Константинополя. Не как муж Софьи Палеолог. Потому что, получается, 18 лет с момента заключения брака не пользовался этим гербом. А после Собора на еретиков, присоединения Казани принял византийский герб и титул «государя всея Руси».

— Ещё один вопрос. Собственно, такой известный сюжет, особенно сильно раздутый в XX веке, о противостоянии двух церковных школ — нестяжательской и осифлян-ской. Существуют на этот вопрос разные точки зрения, в том числе диаметрально

противоположные. Какую роль, какое значение в этом мнимом или действительном конфликте играло желание Ивана III секуляризировать церковные земли?

— Желание было. Но есть здесь и преувеличение, ведь на церковном Соборе, посвящённом этому вопросу, во-первых, никаких решений принято не было, во-вторых, обсуждение шло в теоретической и нравственной плоскости — достойно ли Церкви сёла иметь. Конечно, Иван хотел секуляризации земель, потому что он нуждался в этих землях, в том, чтобы дворян было побольше, чтобы армия была помощнее. Но при этом он не ломал никого через колено, не отбирал насильно.

Что же касается самого спора, то это был век митрополитов-нестяжателей, епископов-нестяжателей, игуменов-нестяжателей. Многие из них в веригах ходили, и были крайне аскетичные люди. Относится это и к осифлянам. Ведь и осифляне отстаивали имущественные права Церкви не для себя, а для того, чтобы монастыри могли выполнять социальную миссию, кормить голодных, заниматься благотворительностью.

— Я соглашусь с вами, что по сравнению с введением новых государственных символов гораздо большее значение для Ивана имела реальная мощь, обретаемая его государством. Где та ключевая веха, которая свидетельствует о возникновении нового качества имперского самосознания в его эпоху?

— Это тот самый Собор 1490 года, о котором я уже говорил. После этого Собора митрополит Зосима пишет государю: «Ты подобен царю Константину, а Москва — второй Царьград». То есть созревает уже та концепция, которую позже назовут «Москва — Третий Рим». Смысл её: мы не изменили вере, мы теперь центр православия.

Одновременно в этот же исторический момент происходит второй казанский поход — Иван III «сажает на казанский престол» присягнувшего ему хана и делает Казань вассалом Москвы. Это 1487 год. С этого момента у него уже на печати появляется титул «князь Болгарский». Что это означало? Что впервые Российское государство делает ханство — часть Золотой орды — вассалом. Вот где два главных источника рождения империи!

Поэтому я не считаю, что основанием имперского сознания была его женитьба на византийской принцессе Софье Палеолог. Рюриковичи с презрением относились к той чести,

которая наследуется мужем по линии жены: это называлось «по кике» — боярин по кике, князь по кике или, как впоследствии Годунов, — царь по кике.

И когда приезжает посол Священной Римской империи Николай Поппель и предлагает Ивану III королевскую корону, что в завуалированной форме означало вассальную зависимость от императора, ему отвечают: *«Мы Божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы... а поставления как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим»*. Этот ответ был передан никем иным, как дьяком Курицыным, мнимым главой кружка еретиков.

— Многие историки считают его отъявленным еретиком...

— Говоря современным языком, его еретический кружок — это была разведшкола, в которой разведчики изучали и чужие веры, и ереси, и тайные знания...

— Откуда у вас эти сведения про разведшколу?

— Историк Вернадский писал, что Курицын руководил обширной агентурой. И литовские историки пишут про это. В этот период шла активная необъявленная пограничная война с Литвой. В этой войне агентами Курицына были в основном евреи: купцы, врачи, ювелиры. Они были вхожи во все властные дома. Версия, что жидовствующие проникли в Новгород в свите того самого князя Михаила Олельковича, была представлена Геннадием Новгородским, после расследования в Новгороде. На Курицына под пыткой дал показания всего один человек. Если вы думаете, что русское Средневековье — это такое царство произвола, в котором человека казнить, что муху прихлопнуть, то это не так. Тогда были нужны показания минимум двух свидетелей. Но второго не нашлось.

Мне кажется, чтобы понять правду, лучше просто взглянуть на карту. Благодаря в том числе и Курицыну по результатам двух русско-литовских войн Великое княжество Литовское лишилось трети своей территории, а это земли Центральной России и Черниговская, Сумская, Харьковская области Украины, Гомельская область Белоруссии. Войны носили религиозный характер. Великий князь Литовский Александр признал титул Ивана III «Государь всея Руси». Недовольные принуждением к унии православные русские князья из земель, расположенных

на территориях нынешних вышеназванных областей, обратились к Ивану III за защитой. Иван обеспечил им защиту и присоединил их княжества к России. На требования Александра Литовского вернуть утраченные территории Иван III отвечал: «Я — Рюрикович. Русская земля — моё Отечество. Ты — Гедиминович. Твоё Отечество — Литва и Польша».

Надо сказать, что наши противники тоже не сидели сложа руки. Они использовали все возможные способы, чтобы ослабить Россию. Их агентура успешно работала, играя на внутренних противоречиях и устраивая заговоры, мятежи, распространяя ереси. Я уже расска-

звал о том, откуда пришла ересь в Новгород. Когда удавалось, устраняли людей, близких Ивану III. Так была отравлена его первая жена (а новая семья — это далеко идущий конфликт с престолонаследием), был, по-видимому, отравлен старший сын от первого брака и великий князь-соправитель Иван Молодой. Слишком скоропостижно скончались его братья, во всём поддерживавшие его, — Юрий Дмитровский и Андрей Меньшой Вологодский. Причём смерть могла прийти в каком угодно облики, например под видом врача.

При Иване III было по крайней мере два «дела врачей», и обоих врачей казнили. Причём один из казнённых был уличён в том, что «залечил» Ивана Молодого, наследника, героя стояния на Угре. А через два с лишним года (13 февраля 1493 года) в Москве сожгли в деревянной клетке князя Лукомского и поляка Матиаса, переводчика с латыни, за попытку отравления самого Ивана III. То, что посланцев короля Казимира «встретили», говорит о том, что у нас появилась спецслужба.

Ересь Курицына ничем не подтверждается, а то, что Курицын готовил и посылал своих агентов в Европу, и в первую очередь в Литву, — это факт.

— **И в заключение расскажите, пожалуйста, про свой проект.**

— Памятники основателям государства устанавливаются благодарными потомками. Они являются монументальным воплощением заповеди: «Чти отца своего и мать свою». На этой заповеди основано понятие патриотизма — любви к Отечеству.

В России до сих пор нет памятника Ивану III — основателю государства, тому, кто утвердил наш суверенитет. Я считаю этот приговорный факт национальным позором. Мы видим, как на Украине переписывается история и после гуманитарной оккупации следует политическая. Мы видим, как беснующиеся идиоты сносят памятники на украинских площадях и пытаются захватить православные храмы. Если мы хотим быть самими собой, то нам нужен памятник Ивану Великому.

Благодаря ему мы прошли точку «невозврата». Он превратил нищую страну — в страну процветающую. По исследованиям В. Похлебкина, такого подушевого потребления мяса, рыбы и молочных продуктов, как во время его правления, наша страна больше не знала. Он был родоначальником многих отраслей государства и хозяйства: таких как добыча полезных ископа-

емых, оборонная промышленность, промышленность стройматериалов в виде повсеместного устройства кирпичных заводов, транспортное сообщение, система ямской службы и почтовых станций. И первое законодательство с прообразом суда присяжных, и первая армия, подчинённая единому мозговому центру, полиция, городская стража, пожарная охрана, то есть прообраз МЧС, и спецназ, и разведка, и иностранные дела, и денежная система — всё это завязывалось при Иване III. До него штамповали деньги в разных княжествах, а после него уже был только Московский монетный двор. Он попытался утвердиться на Балтике, построил Ивангород. При нём мы присоединили Пермскую землю, совершили экспедиции на Печору и в Лапландию. При нём начали осваивать Арктику. При нём была присоединена Югра. При нём построены Московский кремль, Успенский собор и вообще ансамбль Соборной площади, а также Новгородский кремль, множество церквей и монастырей. Он брал со всего мира лучшее, не посягая на устои своей земли. Наконец, он был великим полководцем, который добивался побед при малых потерях. Он не проиграл ни одной войны, а те походы, что возглавлял он лично, неизменно заканчивались победами. Простой факт — до него и более столетия после — Москву жгли захватчики. А при нём такого не было. Простое перечисление важных дел его 40-летнего правления заняло бы множество страниц.

— **Вы действительно самоотверженный человек. Расскажите всё же про ваш скульптурно-архитектурный ансамбль. Какие есть варианты его воплощения? Какую роль он будет играть в московском пространстве?**

— Этот ансамбль спроектирован таким образом, что в центре Москвы он подойдёт практически любому свободному месту площадью в гектар и выше, тем более что такие места, связанные с Иваном III Великим, пока есть.

Вообще же композиция эта рождалась долго. Начиналось всё с одиночной конной фигуры, где Иван Великий держит посох с гербом. Но вскоре я понял, что очередная конная фигура не даст адекватного масштабу Ивана III образа. Ведь, по большому счёту, создатель России практически неизвестен её жителям. За время работы над проектом мне посчастливилось познакомиться с замечательными людьми. Среди них ныне живущие историки Н. С. Борисов, Ю. Г. Алексеев, Т. Д. Панова, А. И. Филюшкин — профильные историки, которым я показывал проект, и автор и ведущий телецикла «Кто мы?»

Ф.В. Разумовский. Среди них множество священников и мирян.

Среди них также уже ушедшие от нас: историк Вадим Викторович Каргалов; замечательный искусствовед, автор цикла телепередач «Мост над бездной» Паола Дмитриевна Волкова; реставратор, историк искусства и подвижник Савва Васильевич Ямщиков; замечательный художник Сергей Георгиевич Стручков. Они высказывали мне то, что думают о моей работе, и, вдохновленный ими, я находил силы продолжать её, несмотря на все препятствия.

Со временем композиция начала обрастать новыми уровнями, превратившись в итоге в целую систему групп, и получила окончательное название «Отечество». И сейчас я могу уже сказать, что такие работы никто не делал. Дело не в количестве фигур или в размерах (она относительно небольшая по размерам), а в степени взаимосвязи. Всё взаимосвязано — и скульптура, и архитектура, и декоративные элементы. При этом идёт непрерывный рассказ в событиях, в сюжетах, подобно клеймам на житийных иконах, причём скульптуры работают при всех ракурсах,

при взгляде на них с разных сторон. Возникает полифония трактовок, интерпретаций. Возможны разные прочтения: пофигурно, погруппно, пофасадно и, наконец, в целом. Фактически этот ансамбль приобретает черты, условно говоря, кинематографические. Известный итальянский художник, поэт и, наверное, самый титулованный сценарист в мире Тонино Гуэрра, который работал с Феллини, Антониони, Тарковским, увидев мой проект, сказал про него: «Я не понимаю, как это сделано, но я умер от восторга». И мне такая оценка, конечно, лестна.

И в то же время пока вопрос с созданным ансамблем не решён. Всё зависит от власти. Задача серьёзная — ведь такая композиция может стоять только в знаковом, символическом месте, а для этого нужно культурно-политическое решение.

— Виктор Николаевич, надеемся, что и эта наша беседа приблизит момент воплощения вашего замысла. Большое вам спасибо за рассказ о вашем герое.

— О нашем, нашем национальном герое.

ИМПЕРОТВОРЦЫ

Рождённая в опричнине¹

(очерки Андрея ФУРСОВА и Виталия АВЕРЬЯНОВА)

Андрей ФУРСОВ ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГРОЗНОГО

Опричнина — ключевое событие русской истории последних пяти веков. Именно она заложила фундамент той уникальной формы власти — автосубъектной, — которая мутировала, слабела, возрождалась, менялась и почти при каждой серьёзной смене не только оставалась самой собой, но и приобретала всё более чистую, свободную от собственности и «классовых привесков» (В. В. Крылов) форму — *la plus ça change, la plus c'est la même chose* («чем больше меняется, тем больше остаётся собой»). Более того, опричнина стала не только фундаментом, но одновременно и эмбрионом этой власти, которой суждено было развиваться по схеме **«преемственность через разрыв»**.

Наконец, опричнина подарила русской истории один из её главных принципов — опричный, который связывает самодержавно-национальный («народный») и олигархический (княжебоярский) принципы и в известном смысле снимает (в гегелевском, диалектическом, смысле) противоречия между ними.

По сути, это была революция внутри господствующего класса, ломавшая двухсотлетние княжебоярские устои. В начале XX в. Ленин сказал: дайте мне организацию профессиональных революционеров, и я переверну Россию — и перевернул, создав новую властную, а затем и социальную систему. Перевернул, правда, с помощью исторических обстоятельств, этой организацией не только не созданных, но и непредвиденных, а главным образом, с помощью немецкого Генштаба и банкиров Уолл-стрит. Перефразируя Ленина, Иван IV мог бы сказать: дайте мне организацию особого типа, и я переверну Русь — и перевернул, создав новую властную, а затем социальную систему (самодержавие). Но сделал это без иностранной помощи, чем отличается от двух «антихристов» русской истории — Петра I и Ленина.

Иван Грозный разделил страну на две части: опричнину и земщину. В земщине продолжали править Боярская дума и приказы — но это на бумаге, по сути, и её контролировали опричники, лишь формально ограниченные опричной зоной. В последней же опричники хозяйничали и по сути и по форме. Опричный

корпус в разное время достигал численности от 1 тыс. до 5 тыс. человек; отбирал в него сам царь. В корпусе служили представители всех слоёв господствующего класса — князья, бояре, дети боярские (дворяне). Вступление в опричники снимало «ранговые» различия. Это усиливалось тем фактом, что, вступая в опричнину, человек должен был отречься от родных и друзей, обязывался служить царю и искоренять крамолу, кусая врагов царя, подобно псам, и выметая измену из страны (отсюда знак опричника — собачья голова и метла).

По сути, опричнина была первой в русской истории чрезвычайной комиссией (ЧК), организацией, поставившей чрезвычайный принцип над институциональным. Они потом не раз ещё явятся в русской истории. Гвардия Петра I, ЧК большевиков: «быль царей и явь большевиков», «бред разведок, ужас чрезвычайчаек» — так об этом напишет Максимилиан Волошин в стихотворении «Северовосток». Но первой стала опричнина, а изобретателем и генеральным/гениальным конструктором был Иван Грозный, крупнейший из авторов русских властных инновационных проектов.

Иван Грозный дал чёткое название придуманному им чрезвычайному органу, «властному гиперboloиду» — «опричнина». Обычно упоминают только одно значение этого слова: «опричь» — значит кроме. Однако есть ещё три значения, и все они работают на новую форму, т. е. адекватно характеризует её содержание. Второе значение «опричнины» — так называли крестьян одной социальной категории, вместе записавшихся в монастырь (опричнина как — по форме — монастырская братия). Третье значение — вдовья доля: когда погибал или умирал боярин (дворянин) и некому было служить (нет ни детей, ни племянников или есть только дочери), большая часть владений отписывалась в казну, а часть — «опричнина» — оставлялась вдове. Большой любитель поюродствовать (и чёрного юмора), царь со вкусом применил «вдовью» интерпретацию к своему новому уделу. Наконец, четвёртое значение — «опричниной» называли изысканное, самое вкусное блюдо, которое подавалось для лакомства после того, как основная часть гостей отбыла и за столом оставались хозяин и самые дорогие гости — «лутчие люди». Это значение

¹ Фрагменты из книги: Новая опричнина, или Модернизация по-русски/Максим Калашников, Виталий Аверьянов, Андрей Фурсов. — М.: Фолио, 2011.

опричнины как нельзя лучше характеризует несоответствие скромной формы и разгульного содержания опричнины.

ЧК под названием «опричина», по мысли царя, должна была сломить сопротивление знати. Но сопротивление чему? Какое сопротивление стремился упредить царь? Сопротивление тому, что составляет главное, по сути, в опричнине — так называемый «земельный террор». Именно он был «основной операцией», которую должен был обеспечить и прикрыть физический террор, творимый опричниками. Последний был важен, особенно в самом начале, чтобы запугать. Но физический террор, масштабы которого сильно преувеличены, не был ни единственным, ни тем более главным в опричнине. Главным было «перебрать людишек» и их земли; иными словами, осуществить обещанный пересмотр княжеских сделок по земле, совершённых после 1533 г., т. е. после того, как со смертью Василия III ослабла государева узда на шее боярства. Конкретно речь шла о том, чтобы снять князя или боярина с насиженных мест, даже если это его вотчина, и переселить в другое место, выделив ему там землю, — практика вполне ордынская. Но дело было не столько в собственности, в подрыве экономических позиций, хотя и в этом тоже, а во власти: «земельный террор» рвал связь князей с их детьми боярскими, у них «переменялся двор», и их позиции слабели. Недаром одной из любимых фраз Ивана Грозного была «перебрать людишек».

За время опричнины было пролито немало крови — особенно по сравнению с правлением Василия III. Однако по сравнению с тем, что творили современники Грозного царя в Западной Европе — Карл IX во Франции во время религиозных войн (Варфоломеевская ночь и другие погромы), Генрих VIII и Елизавета I в Англии, герцог Альба по приказам испанского Филиппа II в Нидерландах, — действия Ивана IV выглядят весьма и весьма умеренно. О злодействах западных королей и королев критики Ивана IV, как западные, так и отечественные, почему-то не вспоминают, а ведь всё познаётся в сравнении. Позиция западных пропагандистов разных веков понятна: им нужно очернить Россию, русских и их царя и обелить себя — одним из качеств западной цивилизации является фантастическая самоапология, изошённое самооправдание, умение табуизировать неприятные темы (инквизиция, религиозный террор, колониализм и др.). Менее понятна позиция местных автофобов, раздува-

ющих до вселенских масштабов то, что не идёт ни в какое сравнение с социальными преступлениями западных верхов и не выходит за рамки статистической («аристотелевской») нормы. Я уже не говорю о том, что становление центральной власти повсюду в Европе во время кризиса «длинного XVI века» (1453–1648 гг.) протекало с кровью, и русские «потoki» были, пожалуй, одними из самых малых. Тем более что длилась опричнина всего семь лет, а затем, в 1572 г., была отменена.

Стоп. Откуда мы знаем, что она была отменена? И если была, то в каком смысле? Именно «отмена опричнины», прояснение этого вопроса позволяет лучше понять её причины, суть и результаты, пролить на них свет.

Впервые предположение об отмене опричнины высказал — без каких-либо доказательств — большой выдумщик по части русской истории Карамзин в 1825 г. Тезис был принят. В 1925 г. были опубликованы мемуары Штадена — немца, жившего в России во времена опричнины. Штаден, представивший себя в мемуарах опричником, заявлял, что опричнина была отменена в 1572 г. Я согласен с Д. Альшицем, что Штадену верить нельзя. Опричником он не был, жил в земщине и сбывал награбленное опричниками. Барыга, враль, не имевший доступа к серьёзной информации. Действительно, за упоминание слова «опричнина» с 1572 г. били кнутом — и что? Какие ещё аргументы приводятся в пользу того, что царь разочаровался в опричнине и потому отменил её? Таких аргументов два, и их убедительно опроверг Д. Альшиц.

Первый аргумент — «битва на Молодех» 1572 г., когда русские, правда, дорогой ценой, нанесли сокрушительное поражение крымцам в 45 км от Москвы. Попутно замечу, что эта битва, значение которой историки, прежде всего либеральные, приуменьшают (а то и вообще не упоминают эту битву), как минимум не менее важна, чем Куликовская, — потерпи русские поражение, и пришлось бы платить дань Крымскому ханству.

Некоторые историки, не приводя конкретных аргументов, утверждают по поводу битвы «на Молодех»: опричники-де показали, что могут мордовать только мирное население, что они «молодца против овца, а супротив молодца — сами овца»; поэтому, якобы не надеясь на своих «кромешников», царь перед битвой «разбавил» войско земскими полками, они-то, под командованием Воротынского, и выиграли сражение. Всё это, однако, досужие домыслы.

Во-первых, **представление о низкой боеспособности опричного войска ни на чём не основано**. Во-вторых, в битве опричные полки под командованием Хворостинина показали себя как минимум не хуже земцев. В-третьих, что касается объединённого земско-опричного войска, то оно было создано не потому, что царь сомневался в боеспособности опричников, а по совсем другой причине — именно потому, что полагался прежде всего на опричников. Дело в том, что в 1568 г. был раскрыт заговор под руководством боярина Фёдорова. Заговорщики планировали силами земских полков перебить опричные, захватить Ивана Грозного и выдать его полякам. Вот после раскрытия заговора и было решено создать общее опрично-земское войско, в котором опричный сегмент выполнял функцию коллективного «политкомиссара».

Второй аргумент: в 1571 г. царь начал казни опричников, это якобы означает, что он разочаровался в опричнине и на следующий год отменил её. Начать с того, что опричников казнили не за то, что они опричники, а в каждом случае была своя конкретная причина. Это первое. Второе заключается в том, что казни решали проблемы отношений внутри опричного корпуса, были, если пользоваться терминологией Мао Цзэдуна, «исправлением стиля»: репрессии проводили не земцы, а сами же опричники — Малюта Скуратов и Василий Грязной, т. е. одна часть ЧК с одобрения царя устранила другую часть. И, наконец, самое главное: после так называемой «отмены опричнины» опричники заполнили Государев двор, опричное правительство стало называться «дворовым», функционировало оно до самой смерти царя, а точнее не просто функционировало, а проводило прежнюю политику; правда, физического террора поубавилось (в нём уже не было нужды — воля противников была сломлена, к тому же Борис Годунов усовершенствовал унаследованный от своего тестя Малюты Скуратова «политический сыск», и во многих случаях достаточно было профилактических акций в режиме активного противодействия), а вот механизм земельных перераспределений опричного типа продолжал действовать. Государев двор, «накачанный» опричниной, стал главным органом власти, изменив своё положение по отношению к Боярской думе. Без опричнины такого изменения в положении и роли «президентской администрации» XVI в. и помыслить себе нельзя.

Дело изменилось лишь по форме: **опричнина из ЧК превратилась в регулярную**

организацию, в — худо-бедно — институт. Рискнёт ли кто-нибудь сказать, что, когда в начале 1920-х годов ЧК переименовали в ГПУ, её отменили? Конечно же нет, она стала постоянно действующим институтом. К 1572 г. опричнина выполнила свою чрезвычайную функцию «страха и ужаса», подмяла существовавшие до неё органы власти, во многом обесценила

их, «укатала-уездила» опричную территорию, подготовив её к новой жизни.

Опричина исчерпала себя не в том смысле, что разочаровала царя, а в том, что за семилетку решила поставленные чрезвычайные задачи и была институционализирована в виде старого по форме, но совершенно нового Государева двора — «чрезвычайки» по определению не вечны.

В самодержавной централизации, в индивидуальном самодержавии, в деолигархизации власти были заинтересованы середина и низы господствующего класса, т. е. его основная часть. Она-то и поддержала царя в его опричном курсе: только грозненское самодержавие могло решить проблемы «детей боярских» в их борьбе с «отцами». Так, русское хозяйство сработало на опричину и на самодержавный вектор развития.

Итак, борьба дворянства и боярства — не миф, но главный объект борьбы — не соб-

ственность, а власть, поскольку только власть на Руси регулировала (регулирует) доступ к вещественной субстанции, к общественному продукту.

Самодержавие — это особый строй власти (и собственности), при котором господствующий класс консолидируется вокруг центральной власти, причём консолидируется до такой степени, что само функционирование его в качестве господствующего класса возможно лишь через посредство автосубъектной власти как её функция. И достигнута эта консолидация была с помощью опричнины, которая и была эмбрионом самодержавия. Встав на ноги, самодержавие реализовало крепостничество как средство и форму гарантии получения своей доли прибавочного продукта именно серединой и «низовкой» господствующего слоя.

Логика новой самодержавной власти, а следовательно, и опричнины заключалась в нивелировке господствующего класса в целом перед лицом царской власти. Ещё с доопричных времён, с 1556 г. («уравнительное земле-

мерие» Адашева) вотчинники обязаны были служить — власть нивелировала **служебное** различие поместья и вотчины. В социальном персонаже опричника нивелировались **любые** различия между представителями господствующего слоя — сами опричники могли помнить, что одни из них — князья, а другие — худородные, «взятые от гноища». А вот с точки зрения опричнины как ЧК, с точки зрения власти это не имело никакого значения.

Опричнина до конца «дотёрла» удельную систему, устранив даже её следы; окончательно «переварила» Новгород и в значительной степени поставила под контроль Церковь. Произошло это рывком — преемственность через разрыв. Ещё раз повторю: терапевтически-эволюционная возможность существовала лишь в теории; в конкретной исторической практике действовать можно было только хирургически. Иначе в лучшем случае Россия превращалась бы в нечто польшеподобное, олигархическое с перспективой войны всех против всех — так оно и произошло в Смуту, однако грозненский самодержавный каркас не позволил распасться обществу, получившему бифуркационный толчок в самодержавном направлении. В худшем случае Россия просто перестала бы существовать. С учётом этой перспективы и следует оценивать достижения и неудачи опричнины как исторического явления.

Впрочем, опричнина — не только конкретное историческое явление, она ещё и один из принципов русской власти, иными словами, опричнина нетождественна себе в единственном пространстве истории — во времени.

Следует различать опричнину в узком смысле слова, как конкретное историческое явление, и опричнину в широком смысле — как чрезвычайную организацию и как принцип власти. Опричнина в широком смысле есть чрезвычайная комиссия (организация, орган, корпус), ориентированная на решение внеинституциональным, но легальным способом (или на грани легального и нелегального, нередко — тайным способом) важнейших задач перераспределения власти и собственности; внеинституциональность и секретность обеспечивают стремительность решения задачи; по выполнении своей миссии ЧК (опричнина) либо институциализируется, либо распускается.

Опричнина в общеисторическом смысле есть социальное (организационное) оружие, ис-

правляющее и направляющее в определённый момент ход истории в определённом направлении. Этот момент — точка бифуркации, когда развитие системы зависит не от силы толчка (он может быть слабым), но от направленности, и достаточно небольшого усилия, чтобы двинуть систему в некоем направлении, с которого она по инерции уже не сойдёт. Поэтому достаточно относительно небольшой (несколько тысяч, а порой и сотен человек) группы, чтобы изменить вектор истории, при одном условии: **группа должна действовать в миг-вечность точки бифуркации. Последняя есть пространство и время опричнины**, где эти измерения сжаты почти в сингулярную точку, и достаточно слегка изменить направление удара, чтобы изменить ось истории.

Необходимо особо подчеркнуть, что опричнина направлена на создание новых форм, которые подчиняют старые, используя их в качестве фундамента для создания новых систем. Не случайно результатом первой опричнины было московское самодержавие, второй — петровско-петербургское, третьей — СССР, советский коммунизм. Опричный принцип созидателен по определению. Поэтому, например, керенщина или горбачёвщина не могут считаться формами реализации этого принципа, поскольку их целью — сознательно или стихийно-объективно — было разрушение, управленческий хаос; к тому же и у Керенского, и у Горбачёва были кукловоды — как внутри страны, так и за рубежом; опричнина же по определению не марионеточное явление.

Чрезвычайный (опричный) контур власти был мерой, направленной против встроеной в русскую власть с княжебоярских времён и постоянно присутствующую в ней тенденцию к олигархии, против олигархического принципа. Весьма показательны, что даже в XVIII — первой половине XIX вв. в начале правления каждого монарха вельможи каждый раз пытались протолкнуть олигархический проект, ограничивающий самодержавие, превращающий его в олигархическое самодержавие. В СССР торжество олигархии называлось «возвращением к ленинским нормам власти».

Наиболее отчётливо стремление олигархизировать самодержавие проявилось в попытках вельмож ограничить центральную власть при воцарении Екатерины II и Александра I. Ну а декабристы своим Собором из 120 навечно назначенных бояр и подавно под видом республики стремились реализовать олигархическое самодержавие, в котором тотально-

самодержавная, по сути бюстительная власть должна была надстроиться вполне опричным образом над системой разделения властей. По этому поводу, перефразируя Троцкого, можно сказать: «без царя, а правительство — боярско-самодержавное». В самом конце XIX в. власть в России просто олигархизировалась: «единодержавие мало-помалу обращалось в олигархию — увы! — не достойных, а более бесстыдных», — писал в своих воспоминаниях о позднем самодержавии Н. Е. Врангель. То же самое произошло с поздним коммунизмом: власть в СССР в 1960–1970-е годы — это олигархия, т. е. произошло то, с чем упорно боролся Сталин.

И вот что показательно: **олигархизация власти в России, торжество олигархического принципа, объективно ослабляющего центральную власть, всегда было на руку западным противникам России**, и они работали на развитие именно этого принципа как прямым (ослабление России финансово-экономическими, военно-политическими и информационно-психологическими средствами, последние — от идейно-религиозной диверсии под названием «церковная реформа XVII в.» до «художеств» времён холодной войны), так и косвенным (способствование развитию в России альтернативных форм власти — масоны, революционеры и т. п.). Существует прямая положительная корреляция между уровнем интегрированности России в мировую капиталистическую систему и степенью мощи олигархического принципа. Не случайно наибольшую силу он набирал в послереформенной России и посткоммунистической РФ, да и в СССР он набирал силу прямо пропорционально экономической и культурно-психологической интеграции страны, её верхов в капиталистическую систему.

Большевицкая «гвардия», олигархический характер которой признавал сам Ленин, в 1920-е годы повела страну если не к разрушению, то окончательному превращению в придаток Запада. Именно с этой выродившейся, в значительной степени связанной с Фининтерном («правые глобалисты») и сильной как фактор мирового масштаба («левые глобалисты» — Коминтерн) уже не красной и немолодой (во всех смыслах) «гвардией» пришлось столкнуться Сталину в ходе создания сильного советского государства.

Русские опричнины были очень разными, каждая из них соответствовала своему времени. Так, опричнина Ивана Грозного приняла форму

монастырской, церковно-орденской организации. Петровская опричнина в духе XVIII в. была военной гвардией. Большевицкая — в духе XX века — партией, правда, невиданного доселе «нового типа». Наконец, Сталин использовал опричный принцип с опорой на властные структуры и спецслужбы. Однако суть, чрезвычайная и в то же время легальная, оставалась прежней, как и целевое назначение, — подчинение существующих властных институтов новой форме, которая сначала явлена в виде «чрезвычайки», надстроенной над ними, рядоположенной им или перезагружающей их.

Виталий АВЕРЬЯНОВ

ВЫРАЩИВАНИЕ ИМПЕРСКОГО ПОЗВОНОЧНИКА РОССИИ

Иоанн Великий — вечно актуальный царь. Он и спустя 500 лет вызывает любовь и ненависть. Многие интуитивно ощущают, что **Иоанн Грозный увенчал собою феномен «русского чуда» XV–XVI веков**. Школьные факты истории говорят сами за себя: при нём произошёл прорыв к Волге, открытие путей экспансии в Сибирь, на восток. Его царствование было историческим мгновением, за которое территория и мощь Московского государства возросла кратно. Это был действительно великий царь, хотя сегодня, после ожесточенных и истеричных выпадов неолиберальной волны, это как будто вновь нужно доказывать.

Почему Иоанн Грозный вызывает ненависть? Разрушил страну? Нет, такие обычно у потомков ненависти не вызывают, потому что в разрушенной стране некому справлять поминки по прошлому. Обидел народ? Народ в своём эпосе вспоминает о нём как о выразителе своих чаяний.

Ненависть к нему связана со страхом перед невероятно усилившейся Россией. Что означает Иоанн Грозный для внешних сил? Жуткий **феномен русской альтернативы, северо-восточной альтернативы Западу**, соизмеримой с ним расово, соизмеримой с ним культурно, наконец, религиозно соизмеримой. Грозный царь стал одним из главных источников русофобии. В нём и его Руси Запад увидел реинкарнацию проклятой Византии.

Помимо Великого и Грозного (последнее наименование в понимании самого царя отсылало в первую очередь к образу архангела Михаила, Канон которому он написал) встречаются и другие эпитеты. Любопытно, что эпитет «Мучитель», распространённый в антигроз-

ненской пропаганде, остался чисто книжным, в народном эпосе не прижился. Но есть одно прозвание, о котором почему-то никто не вспоминает. Оно звучит в русских исторических песнях и балладах — там царя Иоанна Васильевича называют «**Прозрителем**». Не больше

и не меньше. Интересно, почему? Может быть, как раз потому, что он в текущем усматривал вечное, а за тем, что происходит в данный момент, видел целое? И в том числе, как отмечено было Кавелиным, сумел начертать такие формы, которые утвердились и опередили своё время на несколько столетий?

Замысел, который показал первый русский монарх-помазанник, учредитель Московского царства и автор основных принципов самодержавия, был для его последователей, спустя век (первые Романовы), два века (Петр I), четыре века (Сталин), убедительным, несомненным, подтверждённым русской жизнью. Это делает его главным родоначальником имперского строя России. И хотя реализация его замысла была временно свёрнута преемниками, переёрнута Смутным временем, отбросившим страну в доопричные времена, будущее всё равно было за «жалованными вотчинами», за развитой им концепцией самодержавия как имперского центра в символическом и административном смысле, за идеологией государственного служения сверху донизу, впервые последовательно осуществлённой в опричнине.

В наш век дела царя Иоанна назвали бы реальными инновациями, причём осуществлялись они во всех сферах жизни — это были инновации социальные, политические, духовные, юридические, культурные, эстетические и архитектурные, торгово-экономические. Наконец, были и собственно технические инновации (внедрение минно-сапёрных технологий при взятии городов, создание передовой и мощной артиллерии, доведение до совершенства русского гуляй-города, имевшего решающее значение в грандиозной битве при Молодях 1572 года, введение книгопечатания и мн. др.)².

Главными инновациями эпохи помимо техники стали Земский собор, новое постоянное стрелецкое войско, жалованная вотчина, утверждение взамен великого княжения самодержавного (национально-имперского) принципа власти. Как видим, суть преобразований лежала в смене социальных порядков. Это была последовательная социальная трансформация,

² При всей открытости инновациям, Иоанн Грозный не «онемечивал» и тем более не «отуречивал» Русь, он русифицировал и немецкое, и восточное. Окрестил в русскую веру и призвал к служению татар, и кабарду, и представителей западных народов. Построил храм Василия Блаженного, который не воспроизводил казанскую архитектуру как конструкцию, а смело вплетал в бурно развивающийся новый шатровый стиль восточные орнаменты и элементы. Придал импульс движению не только на Балтику и на сближение с Западом, но и к движению на восток, в частности, к сближению с Китаем. По мысли историка Русского зарубежья В.Ф. Иванова, именно Иоанн IV дал программу движения в Сибирь и одновременно программу движения в Туркестан, другие русские государи и правительства были уже скорее исполнителями им начертанного. В целом мы имеем дело не с подражательной деятельностью, а со своеобразной моделью развития, в которой царь смело соединял черты разных культур, не боялся находить собственные решения.

все виды инноваций были производными от социальных и вдохновлялись ими.

Основные инновации царя осуществлялись в ходе двух волн преобразований. Первая волна 1550-х годов, в сущности, вопреки мифу Курбского, не отличалась разительно от второй волны (преобразований, связанных с опричниной). Первой волне реформ были свойственны такие черты, как закладывание имперского отношения к другим племенам (в частности, санкционированное государством усыновление русскими семьями «сирот казанских» после окончательного подчинения волжских ханств), упорядочивание документооборота, унификация судебных порядков, устройство земских и губных структур, введение приказной системы управления. Чрезвычайно важно, что это была также и эпоха складывания устойчивых черт духовного лица нашего государства. Стоглавый собор, создание сводных летописных трудов, Степенной книги, составление митрополитом Макарием Четых Миней, начало введения в языковой обиход таких символических понятий, как «Святая Русь» и «Россия», — всё это осуществлялось при непосредственном участии и сочувствии Иоанна IV.

Первая волна преобразований может быть названа **устройением земщины** — в ней государство и земля обрели более логичную форму, земское самоуправление и обновлённая административная и судебная системы органично дополняли друг друга. На этом этапе преобразований царь умело опирался на старую боярскую и княжескую знать, апеллируя к её интересам. Были разработаны Государев родословец, разрядные книги и другие инструменты для оптимизации внутриэлитных отношений. Бояре и удельные князья выступали в эту эпоху не только феодалами-индивидуалистами, но фактически и главами тогдашних корпораций и кланов, представителями «землячеств» (в этом были большие минусы, поскольку интересы кланов и групп нередко парализовывали деятельность в интересах страны как целого, вели к конфликтам и затрудняли отправление функций верховной власти, — это черта, роднящая доопричный период с нашей современностью).

Вся эта первая волна не была чем-то самодостаточным (хотя так могли думать князья и бояре, требовавшие от царя править «по старине»), она стала, с точки зрения Иоанна, подготовкой второй волны реформ — «опричного» скачка из античной, древнерусской в своеобразно русскую духовно-политическую формацию,

из «кланово-тейповой» модели — в модель империи. В этом смысле опричина не противоречит земщине с её олигархической властью и низовой демократией, а достраивает её до более совершенного и сложного порядка с высокой сопротивляемостью внешним вызовам и угрозам. По мысли современного историка Д.Н. Альшица, сутью опричнины стало вовсе не разделение государства, а строительство его верхнего этажа.

Иными словами, это был не раскол, а преодоление раздробленности страны на уделы, кланы, землячества в объединяющем всех служении царю и Русской земле.

Помимо фактора внутреннего роста России были ещё и внешние факторы, значимость которых доказана была спустя полстолетия самим ходом Смутного времени. Эпоха Иоанна Грозного — век глобальных сдвигов (Реформация в Европе, начало освоения Америки, инновационный взрыв, увеличивавший технические возможности передовых держав, возрастание мощи и влияния Турции, из-под носа которой царь уводит волжские и сибирские ханства). Первая волна преобразований, взятие Казани и Астрахани не делало Русь неуязвимой, но вводило её в **состояние рискованного равновесия с соседями как на Западе, так и на Юге. Держава не стала сильнее основных конкурентов, но лишь поднялась вровень с ними.** Необходимо было не задерживаться в этом состоянии, а переходить к новому, более благоприятному равновесию, занять новую историко-геополитическую нишу, выработать способность государства к упреждающим реакциям на угрозы, к перехвату инициативы. Нужно было подкрепить проведение структурной, юридической и административной реформы качественно новой материальной и кадровой базой — только такое всестороннее переустройство государства могло бы дать царю элиту и войско, которые были бы способны вести длительную войну (как Ливонская) и противостоять многочисленным противникам (как и произошло впоследствии — «война на три фронта» с Литвой, Швецией и крымским ханом).

Прообраз опричнины царь видел в политике покорения Новгорода Иоанном III, «жалованные вотчины» он изобрёл, глядя на земельную политику своего деда на новгородчине и в Твери. Так как в Новгородской земле поместная система полностью вытеснила светское вотчинное

землевание, эта реформа Иоанна III была для его внука привлекательным образцом переустройства хозяйства страны. Опричнина была в этом смысле не срывом, а продуманной политикой, вторым решающим наступлением главы новой империи.

Английский дипломат Джером Горсей, которого нельзя причислить к апологетам Иоанна, писал: *«Царь, среди многих других подобных своих деяний, построил за время царствования 155 крепостей в разных частях страны, установив там пушки и поместив военные отряды. Он построил на пустующих землях 300 городов, названных “ямами” (yams), длиной в одну-две мили, дав каждому поселенцу участок земли, где он мог содержать быстрых лошадей столько, сколько может потребоваться для нужд государственной службы»* (Джером Горсей. Записки о России. XVI — начало XVII вв. — М., 1991. С. 93.). На важную черту, отражающую сущность этой грандиозной стройки, обращает внимание американский исследователь Ричард Пайпс. Он отмечает, что именно цепь острогов — от Донца до Иртыша — очертила новое жизненное пространство русского народа, под её защитой крестьяне осмелились вторгнуться в области, бывшие доселе вотчиной кочевников.

Важно обозначить, что именно при Иоанне Грозном кончился длительный период «русского полона», когда тысячи и десятки тысяч (в некоторые годы до 50 тысяч!) русских рабов, пленённых татарами в южных областях страны, угонялись на ближневосточные рынки. После 1572 года этот канал «живой силы» был навсегда пресечён, что нанесло удар и по невольничьим рынкам, и по средиземноморской торговой буржуазии, в частности венецианской. (Всё это говорит о том, что неподконтрольная верховной власти и народу олигархия в России вступает в сговор с транснациональными структурами — это историческая закономерность; и сегодня она также никем не отменена.)

Одна из поразительных странностей нашей историографии эпохи Грозного царя состоит в том, что значительное большинство наиболее вопиющих «фактов», обличающих Грозного, заимствованы из мемуаров и записок шпионов враждебных России государств либо западных пропагандистов времен Ливонской войны.

Из отечественных источников до сих пор многими совершенно не критически воспринимаются сочинения князя Курбского. Его «Историю о великом князе Московском» Пушкин характеризовал как «озлобленную летопись». Что же касается переписки его с царём, которую князь-рenegат вёл из воюющей с Россией Литвы, то один остроумный интернет-пользователь сравнил её с вещанием радио «Свобода» времён холодной войны. Параллель для XVI века вполне уместная, тем более что Иоанн Грозный не счёл за неприличие вести с изменником острую **полемику**³.

Другой генератор утонченной неприязни к Иоанну — Н.М. Карамзин, подошедший к царствованию Грозного как эстет. Известный историк Н.Д. Тальберг полагал, что Карамзин по какой-то причине буквально ненавидел этого государя. На мой взгляд, Карамзин искал не столько художественную правду, сколько художественные красоты, сильные страсти, интересный характер. Схожего подхода — умышленного и последовательного «нагнетания ужасов» — придерживался в своих сочинениях преемственный к Карамзину Костомаров. Нашей интеллигенции потребен в истории русский изверг, «Синяя Борода», русский архетип Dark Fantasy. Им греет душу, что такой изверг тождественен самому средоточию русской государственности — величайшему в её истории царю.

То, что проделал с образом Иоанна Карамзин, напоминает перестроечные байки про «Сосо Джугашвили», сухорукого параноика, злобного помешанного. При этом возникает вопрос: каким образом двум таким «пациентам», как Иоанн и Иосиф Грозные, удавалось поднять великую державу и удерживать её в мобилизованном состоянии в течение десятилетий? Как им удалось оставить по себе государственную систему, которая ещё долго была конкурентоспособной и возрождалась (в случае с Иоанном) через века? И почему психически полноценным, **«нормальным героям»** нашей либеральной интеллигенции удавался только развал станы?

Смутное время показало, что именно через боярско-олигархическое разложение государства Запад мог одолеть Россию, расчленив её или посадить на престол своего ставленника

³ Тем не менее как «свидетельства», так и домыслы Курбского продолжают оставаться важнейшим источником для историков-профессионалов. Многих не смущает тот факт, что перебежчик впоследствии воевал против Руси, почему сегодня в публицистике его всё чаще стали называть генералом Власовым XVI века. Курбский был не Власов, но хуже Власова — он не просто возглавил часть ливонских войск в войне со своим Отечеством, но выступил как подстрекатель к новым походам на Русь, инспирировав, по подсчётам Карамзина, вторжение 70 000 польского и 60 000 крымского войск.

(самозванца, как в 1605 году, или польского королевича, как предлагала семибоярщина). Опричнина выковывала альтернативный тип государства, в тенденции неуязвимого для подрывных технологий. Не потому ли историография периода опричнины напминает растянувшееся на несколько столетий совместное заседание обществ «Мемориал» и правозащитных организаций, обличающее репрессии и требующее реабилитации своих идейных родственников?

Вывод из этого запутанного дела прост: **эпоха опричнины ещё ждёт своего настоящего серьезного исследователя.**

В чём же был смысл опричнины? Смысл этот многоаспектен. Важно понимать, что царь осуществил через неё не коренную смену элиты (как некоторые представляют), не тотальный отрыв князей и бояр от их удельных земель, а смену самих принципов власти и собственности. Сущность опричнины состоит в том, что вместо «удельности» как высшего закона, стоящего над государством и «православным христианством» (так называли тогда «народ»,

«нацию»), был выдвинут принцип служилой элиты. Было объявлено, что собственностью, честью, безопасностью, славой будет обладать в конечном счёте тот, кто служит государству как целому, кто укрепляет его, кто оберегает его от врагов внешних и внутренних, кто о нём «радеет» (формула посланий царя из Александровой слободы в 1655 году). Опричнина ни в коей мере не сводится к террору и казням. Репрессиям были подвергнуты противники преобразований из всех слоёв, хотя де-факто таких противников было больше всего в среде родовитого олигархата. **Царь не стравливал народ и феодалов, царь констатировал, что он не заодно с олигархами, что ему ведома иная правда.** Это был своего рода референдум о доверии: кого предпочтёт народ.

Результатом референдума стало выделение в государстве особой зоны, специально организованной под царя и не имеющей тесной взаимосвязи с насквозь пропитанной духом олигархии земщиной. Этот «развод Царя с Землёю» означал намерение начать вторую волну преобразований уже не в опоре на всю полноту имеющейся элиты. Такая опора была признана негодной. Фактически царь объявлял о созда-

нии для себя новой опоры, собственно царской опоры, поскольку старое не даёт хода новому, блокирует развитие. Если старый «двор» государя вырос из других институтов государства и был накрепко с ними связан, то теперь он устроил «двор, где был бы полным хозяином», по выражению С. Б. Веселовского.

Таким образом, мы видим **главный структурный силуэт политики опричнины: смывание верховной власти с широкими слоями народа — их союз против «сильных» конкурентов верховной власти.** Можно сказать даже больше: само понятие верховной власти на Руси ещё не устоялось. Даже при венчании

на царство это понятие ещё до конца не выработалось в политическом сознании. Чтобы внедрить его в умы, нужны были новые преобразования, нужно было наглядно показать верховенство царской власти, его отличие от княжеской и великокняжеской. До опричнины сила авторитарной власти зависела от воли и характера великого князя. В опричнине сила верховной власти переходит уже в сам её институт. В титуле «царя» нагнетается политическая трансценденция, концентрируется полюс политической мощи, предельной по отношению к земле, к элите, к государственному аппарату, к отдельному человеку.

В опричнине как замысле виден мотив окольного обходного манёвра, стремление решить задачи быстро, обманув историю и «срезав» дорогу. Такой окольный и обманный манёвр против олигархии как реальной управленческой власти «мира сего» роднит Иоанна Васильевича с духом православного юродства. Царь нередко использует в своих поступках и в своих письмах архетип юродства. Один из его литературных псевдонимов — Парфений Юродивый, и это весьма красноречиво. Отношения царя с подлинными юродивыми — Василием Блаженным в Москве, Николой Салосом в Пскове — показывают, что он был адекватным православным верующим, задумывающимся о правде Божией, о совести, о духовной силе своего народа. Врагов опричнины царь трактует не как личных недругов, а как преграду на пути потока народной жизни (впрочем, свою личность царь не мыслит отдельно от национального целого, поэтому личные враги для него равносильны «врагам народа» в силу своей вражды к царю). В опричнине он увидел возможность обойти и устранить эту преграду, средостение между народом и властью. Политическое юродство, конечно же, отличается от духовного, оно более жестоко, более примитивно. Но даже в казнях отсвет духовного взгляда на происходящее просматривается. (Из современных историков эту тематику попытался разработать А. Л. Юрганов.)

В начале опричнины не было большого числа казней, в ссылку было отправлено примерно 180 лиц, большинство из которых являлись князьями. Однако дальнейший ход событий показал, что земельный террор не был направлен конкретно против удельных князей. По точному замечанию Р. Г. Скрынникова, Иван Грозный не помышлял о том, чтобы полностью избавиться от своей «меньшой братии», — с помощью опричных конфискаций 1565–1566 годов царь

старался подорвать родовое землевладение суздальских князей и тем самым покончить с их исключительным влиянием.

Иоанн Грозный вёл дело к тому, чтобы вырвать корень обособленности, автономности землевладельцев, превратить их собственность в функцию государственного служения. Отсюда и идея «жалованной вотчины». Он не хотел искоренения родовитых самого по себе, он хотел укоренить службу и служение не только в индивидуумах, но и в семьях, династиях. Это была не классовая борьба в её вульгарном понимании, а борьба со старой формацией, со старыми правами и независимостью элиты. Иоанн Грозный не признавал права перехода феодалов от сюзерена к сюзерену. Он не признавал удела как нерушимой собственности, право которой стоит выше права государя.

Что касается вакханалии казней и расправ с негодными, картина далека от однозначности. Так, например, известно, что некоторые из бежавших или списывавшихся с Литвой бояр или князей были прощены не один, а два или три раза, прежде чем их казнили. Иоанн IV довольно-таки терпеливо ожидал исправления «крамольников». Большинство казнённых опричниками бояр уже бывали прощены по тем или иным существенным обвинениям. Иными словами, они были рецидивистами.

В антиопричной риторике стало расхожим огульное обвинение опричников в трусости, в неспособности воевать на настоящей войне. (Вновь мотивы из арсенала правозащитников-антисталинистов!) Такое обвинение не только не верно, но и не может быть верным по существу, потому что в структуре опричнины «особый» отдел, исполнявший функции тайной полиции, составлял максимум одну десятую часть личного состава. Большая часть опричнины представляла собой военную гвардию, постоянно участвовавшую в боевых действиях. Эта гвардия показала себя как превосходное войско.

Антиопричные историки и публицисты любят ссылаться на поход Девлет-Гирея 1571 года, в результате которого была сожжена Москва. Причиной этого поражения называют трусость опричников, военную несостоятельность опричнины, а само это поражение рассматривают как главную причину разочарования Иоанна в опричнине и её последующей «отмены». Впрочем, большинство крупных историков не считают сожжение Москвы крымцами поражением опричнины. Обстоятельства 1571 года были чрезвычайными. Страшный неурожай 1567–1568 годов привёл к голоду. В 1570 году

началась одна из самых опустошительных в истории России эпидемий чумы. «Это была одна из тех страшных эпидемий Средневековья, которые возникали примерно один раз в сто лет и оставляли после себя почти полностью обезлюдившие города и деревни», — пишут современные исследователи (Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. — М., 1987. С. 178). По мысли А.А. Зимина, Девлет-Гирей воспользовался бедственным положением России после чумы.

Что же касается трусости «кромешников», то здесь, как водится, забывают проверить противоположную версию — про активность «крамольников». О трагедии Руси и обнажении южных рубежей крымскому хану донесли перебежчики, они же и указали ему обходной путь к Москве, так что основные русские войска остались в тылу у крымцев (Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 163). Наконец, те, кто смакует московскую беду 1571 года, как правило, игнорируют кампанию 1572 года или бывают очень скупы в её оценках. Между тем в ходе этого противостояния состоялась великая битва XVI века, произошедшая на южных подступах к Москве: вторая попытка Девлет-Гирея достичь Москвы окончилась его полным и окончательным разгромом при Молодях, причем активнейшее участие в этом разгроме приняли опричные войска.

Одним из выводов настоящей статьи является то, что опричнина Иоанна Грозного победила стратегически. Однако разногласий в историографии и в оценках той эпохи было бы гораздо меньше, если бы опричнина победила ещё и тактически. Однако это не так. Тактически опричнина была скомкана, и в 70-е годы XVI века, эпоху, которая в ряде летописей получила название «порухи», созидательный потенциал роста государства был исчерпан. Это было связано с целым клубком неблагоприятных обстоятельств.

Само собой разумеется, антиопричные писатели видели главную причину порухи, упадка национального хозяйства в опричном терроре и бесчинствах царя. Между тем анализ всех факторов способен показать, что причины порухи лежали не в опричнине, а в первую очередь в демографической динамике, главном источнике деградиционных тенденций развития страны. О демографическом сжатии XVI века весьма аргументированно пишет в своей монографии С.А. Нефёдов (Нефёдов С.А. Демографический структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX веков. — Екатеринбург, 2005. С. 50, 52). Что ка-

сается опричнины как таковой — она в череде значимых факторов, приведших к «порухе», не значится вовсе. «Два неурожайных года, — суммирует Нефёдов, — породили страшный голод, а вслед за голодом пришла чума. Крымский хан воспользовался эпидемией, чтобы нанести Москве страшный удар — к эпидемиологической катастрофе присоединилась военная катастрофа. Период конца 1560-х — начала 1570-х годов соответствует неомальтузианскому пониманию экосоциального кризиса. Хотя кризису предшествовало Сжатие, он был существенно ускорен чрезмерным налоговым давлением государства, которое сужало экологическую нишу этноса. Ситуации такого рода достаточно часто встречаются в истории...» (Там же, С. 70)

Хотя войну «на три фронта» государство Иоанна блестяще выдерживало, оно не могло справиться с наплывом других обстоятельств, понимание и прогнозирование которых было не во власти государя. В силу названных причин на рубеже 60–70-х годов страна очутилась в глубоком кризисе. Однако царь обладал непреклонной волей — это выражается и в блестящей организации обороны 1572 года (разгром крымцев, навсегда положивший конец массовому угону русских в рабство), и в новых победах на ливонском фронте, и в активной дипломатической борьбе, которую он не переставал вести.

То, что царь не разочаровался в опричнине, на мой взгляд, подтверждается в его завещании, черновик которого был составлен, по всей вероятности, в 1572 году и никак не раньше. В нём Иоанн написал: «А что есмь учинил опришнину, и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинил готов» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. — М. — Л., 1950. С. 444.). Иными словами, опричнина передаётся детям как наследство и завет царя, более того, как **готовый образец**.

Первоначально опричнина была использована государем как **инструмент перехватывания реального суверенитета** (в этом состоял главный политический аспект опричнины). Суверенитет был перехвачен чрезвычайно эффективно и в чрезвычайно короткие сроки. То, что в истории занимает обычно столетия, было проделано за несколько месяцев. То было виртуозное политическое решение, инновация, которая привела к возникновению своеобразного русского типа власти — самодержавия.

«Социальное происхождение самодержавия, — отмечает Д.Н. Альшиц, — неразрывно связано

с опричниной. А происхождение, как известно, можно отрицать, но нельзя отменить» (Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. — Л.: Наука, 1988. С. 242). Огромное значение царского орде́на, с точки зрения Альшица, показал Собор 1561 года, в ходе которого опричнина выполняла роль эффективной диктатуры по отношению к другим институтам.

В опричнине, на мой взгляд, было осуществлено **выращивание имперского позвоночника России**. Это было достигнуто путём перепахивания элиты, лишения её родовой силы, связи с землей, феодальными кланами, путём **разрушения малых местных пирамид-землячеств и построения вместо них большой и всевластной опричной иерархии, «особой царской территории»** (территории как в географическом, так и в символическом смысле) — превращение государства в, по сути, национальное и христианско-имперское. Тех, кто представлял интересы частей и готов был идти за них до конца, Иоанн за время своего царствования «перековал» в служителей национально-имперского единства. Кого-то он перековал силой убеждения, кого-то через страх и насилие. Кого-то, кто по тем или иным причинам не мог быть перекован, он просто уничтожил. И хотя полностью изменить элиту он был не в силах, но импульс, данный им русской аристократии, вектор, который он задал, оказался стратегически победоносным.

Это была виртуозная политика, и в результате её Россия получила шедевр самодержавия, систему более сложную и совершенную, более устойчивую чем европейские абсолютные монархии и восточные деспотии. Сила и устойчивость самодержавия объясняются, в частности, тем, что через его эмбрион — опричнину произошло теоретическое «уравнивание всех пред лицом государя» (С.Ф. Платонов). Более того, в опричнине сложилась прямая «сфера связи с царем» для тех, кто прошёл тщательный государев отбор (или «перебор людишек»).

Опричнина — это правда России XVI века. Дух опричнины правдив и сейчас, отвечает и сегодняшним задачам жизни. Опричнину нельзя законсервировать, увековечить, так же как нельзя приложить ко всем ситуациям и эпохам диктатуру или чрезвычайный режим. Каждое время и эпоха требуют своего инструментария.

Если при Иоанне Грозном опричнина означала созидание империи, то завтра она будет знаменовать её восстановление.

Лапоть Петра Великого

*Он был творцом империи
для творцов*

*С доктором философских наук, профессором Петром
КАЛИТИНЫМ, исследователем русской духовной
культуры XVIII столетия, беседует Виталий АВЕРЬЯНОВ*

*Старики говорили, что первым у него заплетён был лапоть.
Плёл-плёл, а заплести до конца не мог. У Петра этот лапоть
так незаплетённым и остался: вывел у лаптя носок, а пяты
не смог заплести. Теперь в музее этот лапоть хранится...*

Из народных преданий о Петре I

— Пётр Вячеславович, мы решили поговорить с вами об одном из самых спорных имперских вождей России, собственно создателе Российской империи Петре Великом. Как вы понимаете, для нас это тема не чисто историческая. Она имеет глубоко актуальные привязки в связи с тем, что сейчас мы стоим на пороге создания новейшего русского имперского проекта. Для нас важно определиться с тем, что мы берём в будущее из прошлого, а что оставляем в нём.

— Ещё при жизни Петра Великого всем известный английский сатирик Свифт в своём журнале «Исследователь» прямо сказал о Петре, который, как известно, бывал в Лондоне, что мы имеем дело с «по-настоящему великим» человеком, именно поэтому у него будет всегда масса завистников, и он всегда будет мешать людям заведомо мелким. Тем, кто не допускает соперничества «даже на полголовы» впереди себя.

Я бы без всякого преувеличения хотел подчеркнуть, что вроде бы мельком сказанное Свифтом замечание действительно приобретает особенно знаменательный характер в нашей отечественной историографической традиции. Я бы вспомнил здесь мысль Панченко, который представил «в приблизительно равных долях» «дискредитацию» и «апологетику» Петра как органичную часть русской культуры. То есть Пётр попадает постоянно в радикальную оппозицию интерпретаций — от революционера-большевика до православного императора, от какого-то невиданного злодея на троне, даже «антихриста», до чуть ли не абсолютного спасителя, чуть ли не божественного творца новой России. Непонимание Петра вылилось у нас в исключительно чёрные или белые, дальтонические тона при оценке его деятельности. Фактически трудно встретить какую-то беспристрастную, аутентичную биографию Петра или историю его времени. Простой, добросовестный анализ, основанный на знании достаточно полной совокупности фактов, связанных с его царствованием, — я подобного, считайте, не встречал. Были, правда, прекрасные в своей безоценочности сборники документальных материалов Пекарского «Наука и литература при Петре Великом»...

Так что хотелось бы высказать грустную мысль: речь идёт не просто о зависти по отношению к Петру Великому, о которой сказал Свифт, речь идёт о том, что в осмыслении нашего «спасителя-антихриста», как правило, доминирует «кочка зрения» пушкинского «бедного» Евгения, антигероя «Медного всадника», того

самого «маленького человека», которого мы постоянно пьедесталим как чуть ли не главную особенность и ценность классической русской литературы, ею тотально лелеемую и защищаемую. И здесь можно было бы вспомнить немецкого писателя-драматурга начала XX века Гауптмана, который применительно к «маленькому человеку» в русской литературе прямо сказал, что она защищала не столько «маленького», сколько «злого и слабого» человека в его желании «стать сильным и добрым». Вот эти принципиальные злость и слабость, или бездарность (по-моему, этот термин ещё более приемлем), неустанно преследуют Петра и по сейчас...

Только люди, соравные Петру по гениальности, могли адекватно о нём судить. Прежде всего, конечно, я имею в виду Пушкина с его незаконченной «Историей Петра Великого», где он, мало сказать, показывает раздвоенный характер своего героя (это потом и Анненков заметил), но придаёт ему целостный, органичный и кардинальный статус. Примечательно, что в одном из своих вроде бы не связанных с Петром замечаний, в своих чуть ли не черновиках (23-го года) он откровенно пишет: «Всё должно творить в этой России и в этом русском языке...» Короче, Пушкин конгениально постиг эвристическую бездонность петровского замысла Российской империи.

Опять вспомним «Медный всадник», чтобы был нагляднее предмет нашего разговора. Как известно, «бедный» Евгений был ведь не какой-то просто слабый, не какой-то просто злой: он хотел нормальной, добропорядочной человеческой жизни. Только и всего — жениться на Параше и вести мещанский, или «партикулярный», по петровскому слову, образ жизни. Что в петровской имперской России и было главным преступлением и что проникновенно осознали после Пушкина Герцен и Леонтьев. Не говорю об авторах «Вех»... Пушкин как никто показал великопетровский замысел и саму природу Российской империи, рассчитанную только на конгениально творческих людей.

Теперь я бы хотел вспомнить, что в 1993 году вышла совершенно поразительная книга «Пётр Первый в русских народных преданиях, легендах, сказках и анекдотах» (составитель Райкова). То есть якобы антинародный Пётр в русском фольклоре. Да, без преувеличения потрясающая книга, где как раз подавляющая часть текстов посвящена тому, как царь-император общается — скажем, в духе Шукшина, — с «чудиками». Но что такое чудик? В первую очередь — создатель-оригинал, даже будучи пьяницей

или вором... Я уж не говорю про собственно юродивых, в частности, блаженного Фаддея. Мне лично как читателю без разницы — историчен этот Фаддей или мифологичен. Судя по всему, он реален. Но важнее другое: сугубо народный взгляд на Петра совпадает с пушкинским. Автор «Медного всадника» увидел в царе **творца империи для творцов**. Так же и русский народ показал в «надёже-государе» эвристическую специфику, столь близкую ему самому...

— **Талантливую и в каком-то смысле самоотверженную. Чудик всегда немножко не в себе, превосходит меру человека, живущего для себя и ради себя...**

— Конечно да. Причём самоотверженными во имя конкретного творческого результата... Ведь какой-то обычный вроде каменотёс мог продемонстрировать уникальную смекалку и за то быть поставленным царём «самым главным сенатором». И эта краеугольная основа петровской природы Российской империи нигде не встречается хоть в сколько-нибудь осмысленном виде.

Да, воистину новая Россия была создана Петром исключительно для творцов, для тех, кто должен был, превосходя себя, превосходя «свою нормальность» и «малость», самоотверженно служить государеву делу. И об этом сам самодержец не мог не сказать в своей знаменательной речи «при принятии титула императора всероссийского». И заметьте, не только императора, но и «Отца Отечества». Звания, так и оставшегося абсолютистской прерогативой Петра — и по заслугам!

— **А чья это была идея присвоить такой титул ему?**

— Определённого автора нет. Есть указ Сената. Некоторые считают, что его подготовил Феофан (Прокопович). Как бы то ни было, но так Петра называли уже де-факто и раньше. И сподвижники, и простые люди. Идея витала в воздухе...

— **Титул «Отец Отечества» — это из Древнего Рима. Мы знаем, что такие титулы давали тем диктаторам, которые спасали Отечество в каких-то сложнейших, катастрофических ситуациях.**

— Совершенно верно.

— **А что в данном случае имелось в виду?**

— В первую очередь великие военные победы. Ведь фигура Карла XII была не мелкотравчатая. Рождение Российской империи совпало как раз с заключением Ништадтского договора.

— **То есть была угроза в принципе уничтожения России?**

— Конечно. Даже Вольтер в своей «Истории Карла XII» противопоставлял Петра-созидателя королю-разрушителю, который был для Вольтера чистым воином, сражавшимся «лишь для славы», своей и шведской в целом. Пётр же просматривался у французского просветителя не только как полководец древнеримского образца, но и как «творец новой нации». И, скажем, привычные теоретические аналогии великопетровского детища с «абсолютной монархией» или «абсолютизмом» чересчур упрощены, формализованы и вторичны, как, впрочем, и все западнические лекала...

И мне бы хотелось вновь и вновь подчеркнуть, что в имперском отцовстве Петра имелись в виду не только военная составляющая, не только победоносная защита Отечества от самого сильного на тот момент супостата, но и действительное создание новой России из ничего, как говорится, на голом месте.

— **Давайте всё-таки с этим разберёмся, потому что многие историки с такой постановкой вопроса не согласятся. Эпоха Алексея Михайловича считается классической эпохой Московского государства. То есть назвать это ничтожеством у меня бы не повернулся язык. Были реформы. Была неудачная, понятное дело, церковная реформа, приведшая к великой трагедии. Но была и военная реформа, по меркам своего времени достаточно успешная.**

— Но именно войско, созданное Алексеем Михайловичем, как известно, не просто с позором, а с невероятно страшным позором проиграло первую Нарвскую битву.

— **А при Алексее Михайловиче оно побеждало. Это всё-таки была другая уже армия и другая внешняя обстановка, поскольку прошло уже немало времени.**

— Я в общем-то соглашусь, что, с точки зрения историка, может быть, сотворение России из ничего — слишком сильное выражение. Но это «ничего», о котором идёт речь, разумеется, не чисто историческое ничего, это некая историософская, метафизическая исходная точка...

— **Точка отталкивания, да? Дело в том, что, хотя мы вряд ли будем говорить про церковный раскол, но логично было бы предположить, что состояние Русского государства конца XVII века в принципе может быть**

охарактеризовано как пустота, как определённый духовный вакуум. Был подорван генотип Святой Руси на тот момент. Он, конечно, не был уничтожен, но страна как будто зависла над пустотой. Георгий Федотов в своё время писал, что в XVII веке очень мало святых канонизировано. В чём причина? То ли церковь пришла в упадок, то ли всё общество после Смутного времени так и не смогло восстановиться, не смогло восстановить свой менталитет? И вот эта пустота постепенно нагнеталась, концентрировалась. Она сначала выявилась как церковный раскол, а потом возник вот этот духовный вакуум общенационального масштаба, в котором действительно нужен был какой-то гениальный правитель, способный на некий подвём-переворот, революцию сверху.

— И способность позитивно пролететь по-над этой бездной! Гениальный памятник Фальконе... Мне кажется, если бы у Фальконе были должные технические возможности, наверняка он бы поднял Петра вместе с конём в воздух — чтобы он завис, вместе с Россией, в прыжке невесомости. И в той пустоте, о которой вы говорите. Это был бы по-настоящему петровский символ.

Так что ваша метафора с вакуумом абсолютно верна. Именно духовный вакуум был тогда на-

лицо. И раскол оказался его самой скандальной растяжкой...

— Я бы сказал, что раскол — это некий симптом данного вакуума.

— А он тоже был своего рода «окном» в Европу, в данном случае — «окном» в греческую церковь. И как оно распахнулось? Сразу спровоцировало общенациональную катастрофу. Если вспоминать дальнейшее, уже польское влияние на светскую культуру или школу, в том числе создание Лихудовской академии, тоже обозначился некий тупик. Многие из этих нововведений не приживались.

Но возвратимся к Петровской эпохе. Молодого царя хорошо, задорно разозлила первая Нарвская баталия, в которой проиграли мы в разы меньшему количеству шведов. Ни одно русское ядро не причинило серьёзного вреда нарвской крепости. Позорнейшая страница русского воинства. Именно поэтому Пётр, как известно, с артиллерии и начал радикальную реформу армии. Вполне осознавая, что иначе Россию съедят и не подавятся. Ведь Карл XII — это был тогдашний глобалист-экспансионист.

— То есть фактически Наполеон или Гитлер своего времени.

— Да, швед уже практически мыслил категорией «Соединённые Штаты Европы» — как минимум.

Но возвратимся к главной мысли, которую я только у Пушкина встретил, а также в книге народных преданий о Петре: пусть поразительно, но наш царь, чего не смогли понять ни западники, ни славянофилы, никаким западником не был. Даже в той же «Истории Карла XII» Вольтер чётко показывает, как Европа возненавидела Петра к моменту возникновения Российской империи. Для них он сразу стал жупелом, источником страха... Многие не знают, что в 1716–1717 годах Пётр готовил уже союз с поверженным королём Швеции против своих бывших союзников, включая Августа (польского монарха).

К тому же Пётр хотел стать одним из германских князей, чтобы потом претендовать при выборах ни много ни мало на титул императора Священной Римской империи. Естественно, когда Европа об этом узнала, там всё сделали для того, чтобы он не стал ни союзником Карла, ни немецким властителем... Не говорю уже о так

называемом политическом завещании нашего самодержца.

— Но в общем это не исключает его западничества. В вашей трактовке действительно поражает, что Пётр стал объектом ненависти маленького человека, маленького злобного западника. Но мы же не можем отместить огромную традицию, которая называет Петра вестернизатором, может быть, не западником, но уж вестернизатором-то точно?

— Мы эту очевидную традицию и не отрицаем, мы просто в нашем диалоге расставляем необходимые смысловые акценты. Да, существует огромная литература: Пётр Великий — pro et contra... Но хотелось бы принципиально подчеркнуть, что в случае с нашим первым императором проявляется, как нигде, первородный грех западничества, его вторичность — в виде русофобской «партикулярности» с позиции маленького человека, который рассматривает Российскую империю заведомо негативно: и вправду она не приспособлена для нормальной жизни обывателя!

Не будем забывать, что Пётр многого не успел, он воистину преждевременно умер! Но большинство его последних внешнеполитических деяний, как известно, посвящены были пробиванию «окна» уже на восток. Речь идёт об экспедициях: Бухгольца—Лихачева в Индию в 1714–1717 годы; Бековича — в Хиву приблизительно в то же время и, конечно, о Персидском походе 22–23-го годов... Мы слепо заикливаемся на том, что Пётр — круглый вестернизатор, двигался только в Европу. Но вспомним и Беринга! Более того, есть абсолютно поразительный факт — оказывается, наш «западник» планировал сделать территорией России... остров Мадагаскар. Там была база пиратов, которые вначале к Карлу XII обратились с просьбой, чтобы он их принял в свое подданство, потому что они хотели легализоваться. Но Карл XII погибает в 18-м году. И Пётр, зная уже про эти планы пиратов, устанавливает с ними контакт. И опять Европа не дала нашему «утлому» «европейцу» реализовать этот по-настоящему глобалистский проект...

Но самым аподиктическим доказательством того, что Пётр не был одномерным вестернизатором, можно считать его несгибаемую позицию в духовной сфере и, как следствие, его тотальное неприятие тогдашних гуманитарных европейских авторитетов: иезуитов.

Что Пётр брал на Западе? Наверное, самая первая его симпатия к европейцу, голландцу Тиммерману, объяснялась тем, что никто из рус-

ских не мог объяснить ему, как пользоваться астролябией. Затем другой голландец, Брандт, обучает его управлять английским ботом... Короче, для Петра Европа была прежде всего кладезем технологической, практической и, можно сказать, «подлой» мудрости. И если вы задумаетесь, например, над феноменом Великого посольства: почему царь весьма по-русски плюёт на свой статус помазанника, становясь лишь неким Михайловым из народа?.. Да потому, что ему именно так было удобнее учиться оной — «подлой» — мудрости! Ради чего и предпринималось в первую очередь то посольство. И успех его определился действительно гениальной работоспособностью Петра, освоившего — как минимум! — все кораблестроительные специальности.

Гуманитарное же «западничество», в котором тогда монополю главным образом иезуиты, Пётр, повторю, радикально отвергал. Что же касается наследников Лютера, то мы знаем как он жестоко отнёсся к Тверитинову, чистейшей воды протестанту...

— **А как вообще Пётр Великий относился к разным религиям?**

— Я ограничусь рассмотрением его до сих пор наименее проблемной православности.

Пётр досконально знал православную церковную службу. Это общеизвестный факт. Для него литургия была не какая-то обрядовая процедура, как для многих сегодняшних неопитов. Некоторые и из них считают особенно антиправославным императорский указ о монастырях и монашестве (от 31 января 1724 г.), который, между прочим, потом поддерживал не кто-нибудь, а святитель Филарет Московский, прямо написавший об этом: «Сердце царёво в руце Божией было». Филарет справедливо полагал, что Пётр спасал таким образом честь и авторитет российского монашества, которое на тот момент вело преимущественно праздный образ жизни, да ещё при этом у многих просматривались «папистские» амбиции. Иначе говоря, Пётр был сторонником **действенного** православия в духе Преподобного Сергия Радонежского. А что эту активность некоторые связывают с исключительно протестантским характером, то это откровенная клевета на отечественное христианство с его якобы только «пассивным» и только «созерцательным» содержанием. И Пётр — в числе жертв этой профанации!

— **Но некоторые строят такие гипотезы, что он был масоном, некоторые говорят, что он протестантизм тайно принял и т.д.**

— Вспомним евангельский завет, чтобы по делам судить о христианине. Что мы имеем в итоге петровских преобразований? Непобедимую православную империю накануне ее цветущего сложного пика, согласно Леонтьеву. Православную церковь с государственным и, понятно, идеологическим статусом. Это что, антиправославие? Сколько нужно ненависти и слепоты для подобного вывода! Или такой факт: Пётр перешёл на европейский календарь. Но почему мы забываем, что это был не григорианский, т.е. как раз западноевропейский календарь, который вполне объяснимо ввели позднее большевики... При Петре же мы юлиански отличались от Европы «по-старому»: на 12 дней...

— **Ну, собственно, называя свой великий город городом Святого Петра, он ведь имел в виду не только своего небесного хранителя, он имел в виду, видимо, и доктрину о Третьем Риме. И поэтому тут не в Москве дело, а в столице новой России. Построив Санкт-Петербург, он фактически бросает вызов Первому Риму — католическому, папскому Риму.**

— Конечно.

Я когда случился в Голландии, был потрясён, что она ниже уровня океана располагается. Петра I, думаю, там потрясло то же самое — способность строить великую цивилизацию вопреки законам природы, да и здравого смысла! Вновь перед нами истинное творчество из ничего, хотя и в несколько другом смысле. Поэтому-то Санкт-Петербург и стал символом Петровской эпохи: на его месте ничего не должно было быть культурного — согласно естеству тварного мира. Но за какое-то десятилетие там возник, и сразу неприступный для шведов, столичный город.

— **Ну хорошо, а как относиться к кощунствам Петра, к знаменитому всешутейному собору?**

— Прежде всего, как к антикатолическому, антииезуитскому действию. В книге либерального, между прочим, историка XIX века Семевского «Слово и дело!» даются и более тонкие — строго документированные — объяснения по поводу этого собора. Учёный автор ненавязчиво подводит нас к выводу о привилегированном статусе его членов как... смертников. И особенно «князь-папы». На поверку — не какое-то осознанное кощунство, а практическое приучение ближайшего окружения Петра к жизни на пределе своего «маленького» тварного естества. Не исключаящей и преодоления в себе страха смерти — пусть и через безмерное невообразимое пьянство.

Знаменательно и личное петровское прохождение по воде в Петербург раки св. Александра Невского, в своё время не принявшего духовно-католическую Европу из-за её посягательства на самую русскую православную душу...

— **Ну связь между Александром Невским и Петром Великим очевидна.**

— Добавим, что св. Александр смирился с татаро-монгольским игом, никоим образом не претендующим на отечественную религию и собственно русскость. А у Петра заимствования в технологиях помогли тех же шведов побеждать.

— **Все-таки, если мы посмотрим на всю аргументацию антипетровскую, мы увидим, что главный аргумент со стороны православных, конечно, заключается в том, что он отменил патриаршество и породил Синод, синодальный период, очень тяжёлый для церкви.**

— Здесь, Виталий Владимирович, я хотел бы сказать, что ещё в 1999 году выпустил книгу «Пётр Первый — православный император», и там специально в приложении привёл ответные грамоты трёх тогдашних православных патриархов, которым Пётр разослал проект своей синодальной реформы. И все (подчёркиваю — все) тогдашние патриархи его одобрили! Я не буду называть имя ныне покойного иерарха, который попытался мне возразить, что Пётр, мол, их подкупил, поэтому они его и одобрили. Я не приемлю такую трактовку тогдашних церковных реалий.

Да, Пётр вначале называл синодальное ведомство «духовной коллегией», что позволяет буквоедам находить ассоциации с Лейбницем, протестантами и масонами. Но ведь очень скоро эту коллегию стали величать соборным правительством. И оно действительно стало таковым. Читайте об этом фундаментальнейшее исследование Титлинова «Гавриил Петров, Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский...».

Не могу вновь не отметить «папистский» уклон у многих представителей тогдашнего отечественного клира. И дело царевича Алексея — куда нагляднее?! — продемонстрировало их изменнический характер. И под действительно западничеством знаменем Ватикана! Так что если и появились тогда настоящие западники — ищите их в лице и окружении «бедного» сына Петра...

Наконец, Пётр именно как православный император всячески инициировал начало церковного просвещения. При нём с 1723 года появляются первые духовные семинарии. Что не исключало создание и Академии наук,

и различных инженерных школ. Одно, сугубо светское, — неслиянно соединилось с другим: сугубо ортодоксальным — в двуедином просветительском потоке. И как раз монахам — по якобы одиозному, антимонашескому указу — вменялось в первейшую обязанность возглавить собственно церковное просвещение России.

Итак, Пётр осуществляет не просто синодальную реформу, а разрабатывает целую программу церковного просвещения. Пётр понимал, что вот эта развитая на Западе и изощренная там популяризация христианства, катехизис в вере, если её отдать в руки католиков или протестантов, — это будет страшно. Европа объективно входила в Россию технологически. И Пётр хотел поставить принципиальные заслоны духовному закабалению. Отсюда такое радение за православную образованность, за православное просвещение. Об этом очень хорошо, подробно написал митрополит Евгений (Болховитинов), в своём «Словаре историческом о бывших в России духовных писателях» он показывает вот эти петровские радения, петровскую заботу о подъёме православной науки. Папизм у православного духовенства рассматривался им как проявление невежества.

— **Пассивности определённой? Они плыли по течению, сдаваясь на милость более сильному церковному институту, который на тот момент диктовал духовный стиль эпохи?**

— Нет, «паписты» были теократами и по определению волевыми людьми. Поэтому для Петра они представлялись вполне реальными политическими соперниками. Скажем, в лице Стефана (Яворского). Не говорю об окружении царевича. Такая жажда мирской власти вообще губительна для христианского иерарха. И Пётр отрицал католическое представление об иерархии, подразумевая, что в православии можно и нужно обходиться без этих крайностей. Я бы даже сказал, что для Петра синодальная реформа была некоей имперской формой восстановления симфонии властей. В противном случае грозила судьба унифицированной в 1439 году Византии, о чём специально напомнил Пётр в своей речи при принятии титула императора... Польский же раздрай был прямо перед его глазами...

— **То есть, по-вашему, Пётр шёл между Сциллой протестантизма и Харибдой католицизма?**

— В том-то всё и дело, что Пётр использовал именно третий путь, путь православной империи с мощным военным каркасом, с сильнейшей

армией и флотом. Он сделал ставку на творческую природу России. Под образовательной эгидой учёного монашества, которое персонифицировалось для него в личности свт. Дмитрия Ростовского. Монарх специально распорядился, чтобы Духовное завещание святителя, а также его «Рассуждение об Образе Божиим...» издавать как можно чаще... Но не успел, не успел Пётр достаточно и необратимо развить ортодоксально-творческую сущность своего государственного шедевра. При этом во второй половине XVIII века появились конкретные плоды от просвещённо-православного петровского семени. И в первую очередь — целая школа учёного монашества под протекторатом Московского митрополита Платона (Левшина), а затем св. Филарета Московского... Нельзя здесь не вспомнить и особую православную гениальность Ломоносова, Суворова, Ушакова...

— Но говоря о синодальном периоде — его ведь не любят православные за то, что уже спустя какое-то время после Петра появились обер-прокуроры, чуждые православию, — и масоны, и тайные протестанты.

— Да, например, граф Мелиссино или уже в XIX веке граф Протасов. Но в упомянутой мной книге Титлинова досконально раскрывается процесс нейтрализации подобных горе-верховодов. Вплоть до их скорой отставки. Однако граф Протасов вышел уже победителем в противостоянии с церковными иерархами. И тот же свт. Филарет в знак протеста отказался посещать любые синодальные заседания. Но при этом с пониманием, если не симпатией относился к Петру.

Нужно понимать, что Пётр создал не идеальный институт, а скорее гомеостаз, некое подвижное равновесие. Но человек, как известно, слаб, да к тому же не каждый настолько талантлив, чтобы выдержать живое, органично раздвоенное равновесие. Вот представьте, что вы идёте по шаткому мосту через пропасть...

— Грубо говоря, наследники Петра не справились с поставленными им задачами? Хотя были и исключения, на которых и держалась Российская империя.

— Безусловно. Большинство дворянства стало по-фонвизински вырождаться уже к концу XVIII века. После антипетровского указа о «вольности» дворянства. Так что «Недоросль» — это не гротеск, а, к сожалению, тогдашняя обыденность... Для Петра же аристократизм означал прежде всего личную заслугу перед Отечеством. Поэтому и самых родовитых недорослей он от-

правлял за границу на самое тяжёлое обучение, причём тем профессиям, которые в первую очередь нужны были России. Если брать купеческое сословие, мы знаем историю с Демидовым, который был, как всякий купец, лукав, не без греха. Тем не менее он поднял рудное дело, вот это, как мы сейчас говорим, импортозамещающее производство. Жизнь крестьянина — это была тоже форма служения России. При Петре от крестьянина требовался предсказуемый урожай, чтобы знали, сколько будет фуража и другой продукции. При Екатерине петровское отношение к крестьянству существенно выродилось — мужики воспринимались уже исключительно как холопы.

— А вот из государей кто наследник Петра? Может быть, Павел, может быть, Николай I?

— Хороший вопрос. Павел Петрович, наверное, единственный, кто по праву мог перенять

дух деда... В пользу этого говорят и его суровый образ жизни, и как раз антисибаритская, антиекатерининская дворянская политика. Да и по степени фальсификации у историков он среди Романовых, пожалуй, на втором месте после Петра. Но в отличие от Петра трагизм судьбы Павла в том, что ему его замыслы просто не дали осуществить. И он почти ничего не успел — хотя и назвался «главой» церкви. И всё-таки очень вероятный союз Павла с Наполеоном (как ранее у Петра — с Карлом) мог задать совершенно иную историю имперской России. Без 1917 года. И Суворов, кстати говоря, был ещё жив...

— **Это сродни проекту возложить Священную Римскую империю Петра Первого.**

— Да, наша история могла повернуться совсем по-другому. Извините, стать гроссмейстером Мальтийского ордена нашему императору! Сразу заужокали «бедные» критики, мол, как это мог сделать православный?! Но вы почитайте, каковы были условия договора Павла с Мальтийским орденом: целиком и полностью на пользу нашему Отечеству!

Ни Павел, ни Пётр не были примитивными западниками, хотя многое перенимали. Однако речь идёт о том, что у этих императоров их отношение к Западу достигало такого уровня, что они уже саму Европу желали сделать своей. Не покориться Европе, не лечь под неё в качестве сырьевого придатка, а войти в Европу как власть имеющие.

Кстати говоря, есть замечательная книга Юлиана Семёнова «Смерть Петра (кому была выгодна смерть императора)», где он, тщательно изучив иностранные источники, отстаивает версию, что англичане приложили руку к смерти Петра, — и здесь, как вы понимаете, опять же полное совпадение их с Павлом судеб.

— **Насколько Пётр был зависим от Запада в плане светской культуры? Можно ли здесь говорить о духовной и интеллектуальной самостоятельности? Ассамблеи всякие, мода западная в одежде и быту, которая была введена...**

— Многие объясняется тем, что Пётр был жуткий прагматик. В чём был смысл ассамблеи? Не просто обезьянье перенятие европейских традиций, это была школа светского общения. Он понимал, что Россия не может быть замкнутой, какой она была при Алексее Михайловиче, что нужно общение и нужен равноценный диалог, именно диалог с Западом.

— Невольно у любого наблюдателя возникает подозрение, что Пётр Алексеевич был просто влюблён в западную культуру. И он, будучи влюблённым человеком, не мог не перенести какие-то вещи, которые вдохновили его (вот как вы правильно сказали про каналы и дамбы голландские, про европейское мастерство), и такие вещи, как эстетика, мода и т.д.

— Я это не оспариваю, но надо сказать, что, будучи влюблённым, он не становился при этом рабом своей страсти. Он в этом плане вообще задал тип отношения к Европе — да, можно там что угодно любить, пиво любить, виски любить, но при этом не поработаться сердцем. То есть это была не любовь идолопоклонника.

Простите, почему многие бояре не принимали петровских новаций? Потому что надо было **соответствовать**. Отсюда «Юности честное зерцало» — знаменитое пособие светского этикета. Так что ассамблеи и зарубежные поездки не были аналогом нынешних «куршевелей». Что касается европейской одежды, то, по мнению Петра, она была просто удобнее, особенно в бою. Надо, надо видеть за вестернизированными «деревьями» его эпохи «лес», вернее, саженцевый «лес», православно-имперской обновлённой России.

Но главное в стиле Петровской эпохи, и в одежде, и в архитектуре, и в быту, — это то, что Пётр явил веру в русскую душу: все эти заимствования не могут её убить, подчинить. То есть русский человек неуничтожим — вот в чём причина столь масштабных заимствований на всех уровнях.

— Хорошо, почему же тогда всё-таки наши русофобы, советофобы и т.д., почему же они всё-таки поднимали Петра как знамя в 90-е годы?..

— Это своего рода поверхностный гламур. Петра, если воспринимать его буквально, легко записать вообще в европейского холуя. Но это именно поверхностное, мелочное, выхолощенное восприятие. Мы, русские люди, не должны отдавать Петра всевозможным чубайсам, которые могут демонстративно вешать в своих кабинетах его портрет. Но попробовали бы они проявить свою симпатию в присутствии Петра и его «демократической» дубинки!

Приведу ещё пример. Фейерверки — опять же не чистое развлечение, но практическая вещь, чтобы людей, в том числе знатных, приучать к войне. Другой пример: он разрешал в Петербурге пользоваться вёслами только в безветренную погоду, а в обычное время — только парусом.

— Понятно. То есть это была огромная школа. — Это школа, чтобы все в Питере учились. То есть даже на лодке катаешься — учишься управлять парусом.

— Из всего, о чём мы говорим, возникает опять же подозрение, что он как бы раз-уверился в таланте народа, который попал в такую ситуацию, в которой Петру Россия досталась...

— Здесь я бы затронул тему, о которой мы сегодня совсем ещё не говорили, — что такое был личный пример Петра. То есть он понимал, что только личным примером можно добиться самоотверженного служения. И в данном случае его вера в русский народ заключалась не просто в некоей абстракции «верую — не верую». Он считал, что русский человек, поскольку он православный, — это деятель, труженик.

— Грубо говоря, получается, что он в первую очередь в самом себе как в человеке и как в царе культивировал этот русский народ.

— Алексей Толстой в своём романе очень хорошо показывал как раз подобную симфонию Петра с кузнецом-виртуозом...

— Вообще, в принципе, как этот роман можно оценить?

— Я бы сказал, что после пушкинской петриады он наиболее аутентичен.

— А есть ещё у нас, в нашей художественной традиции, какие-то яркие адекватные образы Петра?

— Я бы назвал герасимовские фильмы о молодом Петре (в исполнении Золотухина). А также и фильм с великим Симоновым в главной роли. В них тоже демонстрируется петровский русский человек — мастеровитый творец-труженик. И царист (ленинский термин о русском мужике, но со знаком плюс) — на равных участвующий с царём в созидании новой, имперской России.

Кто спорит, Петербург построен на костях. Но я хочу сказать, что мы живём в 2015 году, и на наших глазах прошла так называемая эпоха демократических реформ. С точки зрения жертв она несоизмеримо страшнее. Тем более что на выходе этих демократических реформ мы получили разруху. Если бы не Путин, где мы вообще сейчас были бы? А на выходе действительно страшной эпохи Петра, тоже реформаторской, мы получили великую Россию.

— Разница в чём: что там жертвы были на производстве, скажем так, а здесь жертвы были — в пассиве. Меня удивила очень мысль о том, что все критики, ну или почти все критики Петра Великого, это так или иначе люди либо мелкие, либо мелочные, либо не очень талантливые, несоизмеренные его масштабу.

— Я бы ещё сказал — или партийные. То есть со своего пяточка. Вот как Розанов. Кто спорит, он гениальный, но он со своего пяточка судил.

— Розанов не был партийным...

— Нет, он был партийным в собственном лице, он со своей кочки смотрел на всё.

— Не знаю, он был надпартийным писателем. Я приведу другой пример. Вот, на мой взгляд, гениальнейший русский мыслитель XX века Николай Трубецкой, основатель евразийства, учёный, у которого ведущие европейские лингвисты учились и признавали его выдающийся вклад в теорию происхождения языков. Главная мысль Трубецкого, которую он бросил в упрек Петру, это то, что Россия перестала развиваться в своём ритме. Начиная с Петра она вступила в режим догоняющего развития, неорганической традиции. Догоняющее развитие — когда, пересадив чужие технологии и ценности, общество усваивает их, и пока оно их усваивает, оно уже вновь отстало от опережающей цивилизации. И вот это догоняющее развитие породило в России уродливые формы элиты,

уродливые формы культуры и чудовищный раскол между элитой и народом. Потому что мы не можем отрицать это, у нас дворяне все говорили на иностранных языках до середины XIX века, и у нас действительно разверзлась пропасть между сохраняющимся православным резервуаром народа и духовенства, с одной стороны, и с другой стороны — политической элитой, которая в конечном счёте и привела к нигилизму, революции и т. д.

— Пётр гениально уловил русский ритм как органичную аритмию. Я бы сказал, что он открывает квантовое, скачкообразное историческое время России. И если мы посмотрим на последующие наши века, напрашивается пример сталинской эпохи: тот же скачок и тот же плодотворнейший результат, и не только 1945 года. В России все успешные проекты всегда были аритмичными.

— Ну, Трубецкой, конечно, так не считал. Он полагал, что можно было по-другому решить те же задачи в начале XVIII века.

— Конечно, можно так рассуждать, но это уже будет ныне модная фэнтезийная маниловщина — если бы да кабы. А истинной проверкой реформ Петра, их органичности стал общенародный 1812 год! В этой связи я бы хотел назвать автора, который первым начал говорить о Петре как западнике, якобы и душу русского человека решившем оевропеить, — это тоже князь-боярин Щербатов с его работой «О повреждении нравов в России». А у Ломоносова,

напротив, везде проходит мысль, что Пётр — это русский император, что он поднял достоинство и честь русского человека.

Что касается раскола в народе, то Пётр как раз соединил впервые в русской истории самый подлый люд с самой избранной элитой, соединил, консолидировал в одном служении России. Все поголовно у него должны были служить России. И форма закрепощения крестьян — это была форма служения России. Было непосредственное служение, то есть дворяне, и опосредованное, то есть госкрестьяне. При Петре был задан потрясающий критерий оценки чиновников. Не просто табель о рангах, а он ввёл оценку — сколько ты принес в казну. Таким образом, у него и бюрократия была в крепостническом кулаке.

А потом начался имперский декаданс. Особо после закона о «вольности» дворянской 1762 года — вот откуда пошёл настоящий отсчёт социального раскола России!.. Разве при Петре можно было помыслить, чтобы младенца записывали в гвардию, и он потом к 17 годам в гвардии становился «вдруг» офицером?! Екатерина многие вещи опошшила, которые Пётр заложил в основу империи. Екатерина дала «халяву» дворянам, после чего они уже могли становиться «маленькими бедными евгениями». Кстати, и приведённый вами Трубецкой — тоже аристократ, и можно подозревать, что, подобно Щербатову, его нелюбовь к Петру имеет сословные корни. Думаю, аристократы не любят Петра за то, что он организовал на смену старой знати новое дворянство.

— **Давайте посмотрим просто середину XIX века, и мы увидим, что дистанция была огромная. Элита не знала своего народа, отсюда и народничество возникло. Этот своеобразный феномен хождения в народ...**

— Но дворянство ещё достаточно знало как минимум по-тургеневски свой народ. Это разночинцы-горожане не знали...

— **То есть получается, что раскол настоящий — это всё-таки уже XIX век, это уже Николай I, и, как писал Ричард Пайпс, петровская дворянская формация была сменена на николаевскую бюрократическую формацию. Но разве разночинцы — не детище Петра?**

— У нас до сих пор заклинают, что Пётр Россию расколол, что он создал, так сказать, верхи западнические, а низы оставил в старом, «почвенническом» укладе. Но Пётр, вновь и вновь повторюсь, был врагом бездарности и пассивности, он хотел скрепить и верхи, и низы творческой цепью! С «тайной»: по-пушкински — свободой... Вспоминается знаменательное письмо Пушкина к Погодину (от 27–30 июня 1831 г.), где поэт прямо пишет адресату: «Не бойтесь петровской дубинки... В его время вы были бы один из его помощников»... Пётр действительно подходил к человеку с максималистской точки зрения, особенно если ты претендуешь быть элитой, претендуешь на власть, претендуешь на субъектность.

Сталин: ВОПЛОЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПАССИОНАРИЯ

Сталин обладал такими личностными качествами, благодаря которым он стал самым великим лидером в российской имперской истории.

На первом месте, конечно, особая сталинская воля. Настоящие революционеры как раз и отличаются своей выдающейся волей, которая в разных ситуациях проявляется как главный компонент харизмы пассионарного лидера.

...В середине 1919 года ЦК партии большевиков направил Сокольников в один из губернских центров, где создалась очень сложная, почти взрывоопасная ситуация. Тот попросил, чтобы они поехали туда вдвоём со Сталиным. На вопрос «Почему?» Сокольников, помявшись, только и сказал: «Надёжно так будет».

Пожалуй, единственный, кто мог соперничать со Сталиным в плане «длинной воли», был Ленин.

В революционные периоды наиболее выпукло и бескомпромиссно политическая воля проявляется в отношении к врагу. Однажды Сталина спросили, что для него значит счастье. «Счастье, — сказал он, — иметь врага, выследить его и уничтожить».

Созидательная же демонстрация воли для политического лидера — безусловная ответственность: перед сторонниками, перед Родиной, перед Историей.

Вторая отличительная личностная черта Иосифа Виссарионовича — его политическая креативность, особый творческий потенциал. На мой взгляд, в российской имперской истории не было князей, царей, императоров, премьеров, генсеков и президентов, сравнимых с творческими способностями сына сапожника.

Периоды кардинальных социальных трансформаций сами по себе крайне творческие. Но именно Сталин, безусловно, стал одним из наиболее креативных политических лидеров революционного XX века. И, возможно, он последний великий политический руководитель-энциклопедист.

Он был вдохновителем, идеологом, конструктором и инженером самого революционного и амбициозного проекта прошлого века — «красного цивилизационного проекта». И пока Сталин был жив, этот проект оставался самым успешным на планете.

Все основные стороны и аспекты «красного цивилизационного проекта» Сталин постоянно

держал в поле своего зрения, начиная от разработки долгосрочной внешнеполитической стратегии, создания новых отраслей советской экономики, совершенствования новых технологий, военной стратегии и тактики и вплоть до путей развития театра, музыки, киноискусства.

Креативность сталинской личности была обусловлена не только и не столько его родословной. Да, гены оказали сильнейшее воздействие на качество его исключительной воли, огромную трудоспособность, такие его черты, как верность своим ценностям и идеалам, мужество, скромность, постоянное стремление к целостности своего мировоззрения и своего внутреннего мира. Но намерение к постоянному совершенствованию — это уже результат индивидуальной жизненной истории.

Третья исключительная черта сталинской личности — любовь к теории, теоретический склад ума, системность мышления, почти религиозная приверженность марксизму.

Верность теории как основе системного, революционного мышления отличала Сталина на протяжении всей его сознательной жизни. Но он был не догматиком, а креативным марксистом, именно в том смысле, как об этом говорил В. И. Ленин: «Конкретный анализ конкретной ситуации — живая душа марксизма». Для лидера со стратегическим мышлением, таким как Сталин, это означало стремление создать специальную системную модель анализа и управления именно для данной конкретной сложной ситуации. Но такая модель должна была не только соответствовать теории, но и одновременно способствовать дальнейшему теоретическому развитию.

Вот классический пример. Для Карла Маркса идеология есть ложное сознание, поскольку это сознание эксплуататорского класса, навязываемое ради определённых классовых интересов всему обществу. Для Сталина и для Ленина после победы революции в России идеология уже не может быть ложным феноменом. Но как это реализовать в политической практике? Творческое революционное мышление даёт ответ: идеология — это не состояние, а системный процесс, который должен развиваться в ходе созидания нового строя, новой цивилизации. И развиваться идеология должна не партийными жрецами и бонзами, а через участие в этом процессе миллионов масс. Вот тогда-то идеология перестаёт быть ложным сознанием, превращаясь в компонент действительности.

Для Сталина теория Маркса и Ленина была ещё важнейшим инструментом развития системного личностного мышления. Он был наилучшим политиком и теоретиком системного склада первой половины XX века. Почему? Потому, что, работая в 20-е годы генсеком партии, реально столкнулся с процессом экспоненциального роста сложности в условиях продолжающегося глобального и национального системного кризиса.

Особая системность креативного мышления Сталина выразилась в его знаменитом труде «Об основах ленинизма». Более чёткого, ясного, системного изложения революционной теории Маркса—Ленина именно как практического политического метода не было и нет. Суть этой книги: без теории невозможно сознательно конструировать настоящее, формировать идеологию и стратегию будущего. Но теория тогда теория, когда развивается, совершенствуется по мере конструирования настоящего, по мере формирования и реализации идеологии и стратегии будущего.

Следующая важнейшая черта сталинского мышления — постоянная открытость новой информации, новому знанию, культивирование особой интеллектуальной чувствительности к новым проблемам. Креативная теория постоянно требует неизменно свежего восприятия постоянно изменяющейся политической действительности. Поэтому каждый великий политический лидер рано или поздно сталкивается с внутренним мучительным требованием — «учиться прежде всего тому, как учиться».

У Сталина был свой методологический подход: ведь он получил образование самым лучшим способом — через самообразование. И это самообразование продолжалось вплоть до его физической смерти. Кроме того, важную роль при этом сыграла и его воля — он ежедневно прочитывал по пятьсот страниц, используя тщательно проработанные ещё в юношеский период методики скорочтения.

Особым компонентом сталинского сознания являлась его историчность. Сталин всегда по-особенному относился к истории и считал её «главной наукой» для политиков. Среди большевистского руководства Сталин являлся лучшим знатоком русской истории. Равных ему в этом в ЦК не было. Возможно, и по этой причине Ленин шутливо называл его «русским великодержавником».

Именно знание истории позволило ему постоянно держать в поле зрения основную проблему российской государственности.

Среди персонажей русской истории особыми для Сталина были Иван Грозный и Пётр Великий. Тот и другой пытались провести кардинальные, масштабные преобразования, показали себя при этом решительными и волевыми лидерами... и оба с точки зрения истории проиграли. Екатерина II, Александр I, Николай I казались гораздо более успешными правителями. Но для Сталина важны были не они, а почему-то Иван IV и Пётр Великий.

Оба жили в переходные, острокризисные периоды, когда для выживания страны нужно было форсированно проводить кардинальные преобразования. Оба проявили себя решительными, волевыми лидерами, способными на беспощадную борьбу с русской боярской олигархией и чиновничеством. А ведь дилемма «царь — бюрократия (в широком смысле — местные князья, бояре, назначенцы, региональные чиновники и т.д.)» — это и есть одна из стержневых линий имперской истории России. В конечном счёте оба царя оказались не очень успешными в историческом контексте, потому что не смогли провести широкомасштабную мобилизацию народа в поддержку своих долгосрочных преобразований. Лидер без массовой поддержки своих стратегических реформ со стороны широких слоёв населения не сможет победить укоренившийся правящий класс, который рано или поздно большинство этих реформ отыграет назад.

История скрывает в себе то, в чём остро нуждается любая системная теория и что так важно для любого настоящего лидера — неповторимость, особенность каждого жизненного этапа. История указывает на уникальность набора циклов для данного народа и данного государства и подсказывает о некоторых постоянно повторяющихся в прошлом ключевых проблемах. И без всего этого теория в «конкретной ситуации» работать эффективно не будет.

СТАЛИН И НОВЫЙ «ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ»

Какие ключевые отправные точки должен был выделить Сталин при проектировании и реализации принципиально нового цивилизационного проекта?

Во-первых, «социалистическое государство» должно было реализоваться в виде общенациональной корпорации «народ — государство» совершенно нового типа. В центре такой «корпорации», где преодолены классовые

различия и отсутствует отчуждение социума от государственной машины, должно находиться «общее дело» для всех. В этой общенациональной корпорации «народ — государство» должен быть организован тотальный контроль над государственными институтами, не позволяющий бюрократии превратиться в самостоятельный правящий класс. Осенью 1919 года Ленин в отчаянии говорил Сталину: «Нам только кажется, что мы — власть в стране. А на самом деле сто тысяч чиновников как управляли Россией, так и продолжают ею управлять». Наконец, функционировать такая корпорация должна на основе единого для всех без исключения Закона.

Во-вторых, это должна была быть такая корпорация «народ—государство», которая смогла бы вести эффективную и беспощадную борьбу с многовековой коррупционной культурой и коррупционными механизмами российской бюрократии.

В-третьих, такая корпорация должна обеспечить безусловную реализацию базового марксистского принципа: «Народ — творец истории». Причём в контексте жёсткого требования Ленина: «Социализм — это творчество миллионов».

Но реальная ситуация в стране была совершенно иной. Гражданская война, «красный» и «белый» террор, гибель сотен тысяч людей во время голода в 1921–1922 гг. с массовыми случаями людоедства резко снизили планку нравственности в обществе. Коммунистическая идеология сама по себе, без организационного обеспечения не могла стать чудесным стимулятором революционного изменения общественного сознания. Продолжала господствовать мелкобуржуазная психология всеобщего партикуляризма: «Каждый за себя, один Бог — за всех!» Отчуждение между новой властью и народом не только не было преодолено, но к концу 20-х годов начало углубляться.

Продолжалась непрерывная деградация правового сознания, особенно усилившаяся во времена НЭПа. Какое-либо уважение к быстро меняющимся конституциям и законам отсутствовало. Коррупция, безответственность, непрофессионализм, воровство, очковтирательство, прямой обман центральных органов власти стали характерным явлением и для нового правящего коммунистического класса. Появилась и стала быстро пухнуть партийная олигархия.

В-четвертых, именно в этой критической ситуации должна была коренным образом

измениться основная модель самоидентификации социума: «Кто мы?» Дискредитированная формула «народ—богоносец» уже давно не работала. Необходимо было некое «системное чудо», чтобы превратить бывшее население Российской империи в «великий советский народ — авангард исторического процесса всего человечества».

В-пятых, такое радикальное изменение в социально-политической самоидентификации требовало прежде всего существенных, но креативных корректив в многовековой архетип «народ — народный царь». Новая его интерпретация: «Великий народ — великий вождь» предполагала, что личностная и групповая самоидентификация с опорой на образ конкретного, знакомого вождя будет более эффективной. Иначе говоря, на подсознательном личностном уровне архетипическая формула расширялась следующим образом: «Великий народ — (я) — великий вождь». То есть именно через личностное «я» «великий вождь» соприкасался с «великим народом».

...Однажды в разговоре со своим отцом Василий назвал себя Сталиным. Иосиф Виссарионович неожиданно прямо и жёстко посмотрел на него и сухо сказал, что Василий не Сталин. Недоумевающий Василий спросил: «А кто же?..» Сталин его остановил и сказал: «Ты не Сталин. И я не Сталин». Потом показал на свой большой портрет на стене и сказал: «Вот он — Сталин!»

Тотальное внедрение идеологического принципа «Великий народ — великий вождь» дало возможность качественно консолидировать советское общество, особенно накануне большой войны. Позволило эффективно преодолеть региональный, социальный, национальный, клановый партикуляризм,

осуществить эффективную мобилизацию десятков миллионов людей для реализации задач форсированной индустриализации, в короткий период времени превратить рыхлый социум в реальный ответственный субъект истории.

«ТОЛЬКО ПРАКТИКА — КРИТЕРИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТИНЫ»

Сталин сформировал основы нового работающего цивилизационного проекта, который потом доказал свою историческую эффективность и в Великой Отечественной войне, и в социально-экономических достижениях 40-х, 50-х и отчасти 60-х годов.

Секрет кроется в главном законе советского общества — Законе о государственном плане.

Абсолютное большинство всех явлений общественной жизни в Советском Союзе выстраивалось в энергетическом, смысловом поле, заданном этим Законом. Механизм общенационального формирования и реализации этого Закона стал действительно системообразующим стержнем для советского общества.

Формально этот Закон ежегодно принимался в ноябре на сессии Верховного Совета. Но на самом деле соответствующая системная работа в рамках этого Закона практически не прерывалась ни на один день.

Весь процесс принятия и реализации Закона о государственном плане был максимально ясен и прозрачен. Плановые наброски на предстоящий год в виде контрольных цифр формировались в Госплане, обсуждались на Политбюро и затем направлялись во все министерства и регионы. Из министерств, после соответствующей проработки, проекты ведомственных планов поступали на все основные предприятия и учреждения, где, собственно, и начиналась основная работа.

Дирекции заводов и фабрик, руководители совхозов и колхозов, с привлечением широкого круга специалистов, при участии глав партийных, профсоюзных и комсомольских комитетов тщательно обсуждали номенклатуру и объёмы продукции, которые данное предприятие должно было произвести в следующем календарном году, задачи роста производительности труда, проблему необходимых ресурсов, которые централизованно выделялись под производство предполагаемой продукции. Одновременно в деталях обсуждались планы социального и культурного развития предприятия на следующий год: рост заработной платы, количество жилья, которое должен был

получить коллектив, строительство детских садов, количество путёвок в санатории, дома отдыха, пионерские лагеря и т. д.

Таким образом, в рамках подготовки Закона о государственном плане шёл сложный, многоуровневый, системный и осознанный процесс координации интересов практически всех слоёв и социальных групп советского общества. При этом соответствующие планы согласовывались как по вертикали «предприятие—министерство», так и на горизонтальном уровне: с соответствующими властными органами того или иного района, города, области, республики, края.

На основе всех таких обсуждений — в рамках своего рода общенациональной системы переговорного процесса — составлялись коллективные договоры, где фиксировались контрольные цифры и взаимные обязательства руководства и коллектива предприятия. Проекты таких коллективных договоров предварительно обсуждались в низовых трудовых коллективах, а затем выносились на общее собрание или конференцию предприятия.

Далее подписанные коллективные договоры направлялись «наверх» — на уровень города, региона, Союза, где уже с участием других систем управления продолжался процесс уточнения согласованных интересов и целей различных уровней.

Таким образом, широкомасштабная системная подготовка Закона о государственном плане фактически означала постоянное функционирование общесоюзного переговорного процесса, в котором участвовали десятки миллионов человек.

Именно в рамках данного процесса, до поры до времени, ежедневно преодолевалось отчуждение государства от общества, представляющее собой одну из критических проблем российской истории, да и любого общества индустриальной стадии развития. Именно поэтому **понятия «государство» и «общество» стали в Советском Союзе в значительной степени синонимичны.**

В рамках этого комплексного переговорного процесса в СССР постоянно воспроизводилась общесоюзная система управления и самоуправления, которая и обеспечивала в течение нескольких десятилетий развитие советского социума. Эта система включала в себя четыре основных компонента.

Во-первых, общенациональный механизм принятия решений, основой которого было достижение единой согласованной страте-

Однажды в разговоре со своим отцом Василий назвал себя Сталиным. Иосиф Виссарионович неожиданно прямо и жёстко посмотрел на него и сухо сказал, что Василий не Сталин. Недоумевающий Василий спросил: «А кто же?..» Сталин его остановил и сказал: «Ты не Сталин. И я не Сталин». Потом показал на свой большой портрет на стене и сказал: «Вот он — Сталин!»

гической цели — «обеспечения безопасности и роста благосостояния советского народа». Эта цель являлась не формальной идеологической декларацией, а сложной системой ежегодно обновляемых, верифицируемых количественных параметров и показателей. И понятие «единый советский народ» как политическая нация было не пустым звуком, поскольку перманентная консолидация советского социума происходила через этот процесс постоянного согласования огромного множества таких показателей.

Во-вторых, этот постоянно функционирующий в Советском Союзе реальный переговорный процесс, где обсуждался и принимался Закон о государственном плане, одновременно воспроизводил систему общих и жёстких правил игры для всех советских элитарных и управленческих групп. Таким образом конструировался и воспроизводился контур формирующейся единой советской элиты.

Подлинные элиты создаются и функционируют не вокруг лозунгов, а вокруг общего дела по формированию и совершенствованию общенациональной системы выживания и развития как ядра данного социума. Когда такая работа перестаёт осуществляться, это означает, что формирование элиты прекратилось и она начинает деградировать.

В Советском Союзе вплоть до середины 70-х годов любая элитная группа, которая попыталась бы поставить свои частные интересы выше общесоюзных целей и интересов, зафиксированных в Законе о государственном плане, или стала бы противодействовать этим общим целям, оказалась бы вне закона со всеми вытекающими печальными для неё последствиями.

И ещё один очень важный момент. Формирующаяся советская элита, базовую модель которой предложил И. Сталин, являлась по определению открытой системой, в которой

были представлены лучшие люди из практически всех значимых социальных групп страны. Существовали чёткие критерии того, кто и как мог войти в эту элиту или должен был её покинуть. Кроме того, советская элита была достаточно мобильна и в вертикальном, и в горизонтальном плане.

В-третьих, важным механизмом функционирования советского социума являлась общенациональная система ответственности.

«Ответственность» в Советском Союзе являлась категорией и нравственной, и социальной, и экономической, и политической. На практике речь шла не только о приоритетном для советского общества идеологическом принципе «ты лично ответственен за положение дел в своём цеху (на заводе, в городе, области, стране)». Важно было то, что в рамках общесоюзного переговорного процесса по поводу Закона о государственном плане приводились в действие механизмы реализации этой идеологии. Сталин, в отличие от позднейших советских руководителей, хорошо осознавал, что действительно работающая эффективная идеология — это не набор деклараций и лозунгов, а практическая система ответственности десятков миллионов людей за постоянное воплощение в жизнь согласованных между социумом и государством интересов и целей.

В Советском Союзе общенациональная система ответственности воспроизводилась через коллективные договоры и систему переговорных процессов в ходе разработки и реализации Закона о государственном плане. В то же время она выступала в качестве стержневой основы для всей кадровой, идеологической и информационной работы в стране.

В-четвёртых, реализация Закона о государственном плане обязательно предусматривала систему общенационального институционального контроля. Советские люди не только могли, но и были обязаны контролировать ход реализации данного ежегодного Закона о государственном плане. Институциональная система контроля в СССР включала в себя органы народного, партийного, профсоюзного и комсомольского контроля. Механизм был выстроен таким образом, что массы трудящихся обладали достаточно действенными правовыми гарантиями и возможностями для контроля над бюрократией, а взаимный контроль элитарных групп друг над другом жёстко ограничивал их возможности выхода за рамки согласованной компетенции и пресекал рост коррумпции.

Все эти важнейшие компоненты общенациональной системы управления и самоуправления обеспечивали достаточно эффективную обратную связь между высшим политическим руководством страны и советским социумом.

В 40-е, 50-е, 60-е годы, когда данный системный механизм функционировал эффективно, Советский Союз превратился в безусловного лидера мирового развития, добился наибольших успехов во внешнеполитической, экономической и социально-культурной сферах.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК БАЗОВАЯ ЦЕННОСТЬ «КРАСНОГО ПРОЕКТА»

Почему десятки миллионов советских людей в тридцатые годы открыто и искренне поддерживали внутреннюю политику Сталина, в том числе и широкомасштабные репрессии против т. н. «врагов народа»? Почему не было массовых социально-политических выступлений против этой жёсткой и жестокой политики? Почему бывшая т. н. «ленинская гвардия» во время открытых судебных процессов 1937–1938 годов соглашалась практически со всеми предъявленными, самыми абсурдными, казалось бы, обвинениями, даже отдавая себе отчёт в том, что сами они будут расстреляны? Почему маршал Тухачевский сразу же после ареста признался в организации «военного заговора» и собственноручно на 143 страницах (!) подробно, чётким почерком, в деталях описал этот заговор? Почему именно в 37-м году, во время т. н. «большого террора», Дунаевский написал вдохновенную песню «Широка страна моя родная», сразу ставшую своего рода народным гимном Советского Союза? Почему Молотов и Калинин продолжали работать в высшем политическом руководстве СССР, рядом со Сталиным, в то время как их жёны оказались в лагерях, осуждённые на длительные сроки? Почему Святослав Рихтер, отец которого был расстрелян, был награждён Сталинской премией и с благодарностью получил её? Почему?..

Говорят, кто-то, то ли Молотов, то ли Калинин, всё же однажды решился прийти к Сталину просить за свою арестованную супругу. «Вождь народов» ответил приблизительно так: «А ты зачем ко мне явился? Твою жену осудил советский суд, обращайся туда. У меня самого есть репрессированные родственники».

Самый распространённый ответ — страх, люди боялись, и поэтому... Но невозможно представить себе «подавленного страхом»

Дунаевского, «дрожащей рукой» выводящего партитуру своей знаменитой, проникнутой вдохновляющим оптимизмом песни. Кроме того, народ, переживший мировую войну, трагедию революции, страшную Гражданскую войну, ужасы массового голода, вряд ли можно назвать массовым сборищем трусов.

...Репрессии 1937–1938 годов — это был процесс, в котором осознанно участвовали сотни тысяч советских граждан. В определённой степени можно сказать, что они стали отголоском, эхом Гражданской войны.

Основными жертвами больших репрессий 1937–1938 годов стали бюрократический аппарат, чиновничество больших городов, близкая к ним часть интеллигенции. Той интеллигенции, о которой Чехов как-то сказал: «Русский интеллигент может написать всё, что угодно: от доноса до романа».

Без поддержки массовых слоёв населения Сталин никогда бы не смог осуществить эти репрессии, не смог бы поставить под беспощадный контроль советскую бюрократию, не смог бы внедрить в неё, под угрозой страха, чувство ответственности за порученное дело, не смог бы заставить её работать по максимуму в условиях приближения большой войны.

Жесточайшими средствами в кратчайшие сроки внедрялось правовое сознание, уважение к закону. Вне зависимости от социального

статуса закон стал обязателен для всех: рабочих и секретарей обкомов, крестьян и народных артистов, генералов и жён членов Политбюро.

Действительный народ всегда ответственен за свою судьбу. Но ответственность должна культивироваться постоянно. После Великой Отечественной войны был принят закон, по которому за пятиминутное опоздание на работу давали три года лагерей. Хотя мало кого посадили. Потому что никто не протестовал против этого закона. Просто приходило все стали на полчаса раньше.

...В действительности погибли не только реальные «враги народа», но и десятки тысяч безвинных людей. Судьбы сотен тысяч людей были искалечены навсегда. И это — трагедия, и в истории навсегда останется трагедией. И об этом можно только искренне скорбеть!

Шарль де Голль, отмечая историческую уникальность Сталина, сказал: «Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел «приучать» своих врагов не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него было больше, чем поражений. Сталинская Россия — это не прежняя Россия, погибающая вместе с монархией. Но сталинское государство без достойных Сталина преемников обречено».

/ Александр ПРОХАНОВ /

Император Полярной звезды

В 2006 году А. Проханов выступил с парадоксальной книгой «Симфония Пятой империи», которую тогда многие не поняли, не сумели почувствовать таящейся в ней силы прозрения через толщу сопротивляющихся ей лет и событий. Мы завершаем выпуск журнала финальным эссе Проханова из этой его книги — потому что без него представленная нами галерея имперских вождей России останется неполной.

В начале была туманность. Затем был вихрь. В вихре возник кристалл. Его окружало сияние. Свечение мира заметили пастухи, звездочёты, странствующие волхвы. Они оповестили людей о таинственном, идущем с севера свете. Весть достигла многих, но никто не решался принять свет на себя. Затем явился один, который принял свет на себя. Назвал свет «своим». Дал ему имя — «Империя». Так возник Император. Его увидели все. Одни потянулись с мечами, чтобы убить его. Другие — с непробиваемыми щитами, чтобы его защитить. Возникли сражения, походы, великие храмы, светоносные тексты, богооткровенные деяния. Началась история.

Молодой Александр, сын македонского царя Филиппа, собрал генералов в крохотной комнате, где негде было яблоку упасть, и возвестил о начале похода. В этой тесной комнате возникла великая, на полмира, Империя. Молодой Бонапарт вышел к батареям и дал приказ расстрелять Тулон из картечи. Глядел, как дуют из орудий свистящие вихри, и из этих огненных смерчей родилась Империя. Сталин, в тупе, окутанный инеем, смотрел, как в мёрзлых цветах желтеет лицо **вождя**, и туманный, стоцветный, раскручивается волчок «Василия Блаженного». И из этого взгляда, раскрутившего стоцветный вихрь, возникла Империя.

Человек был выбран судьбой. Один среди миллиардов двигался в громадном потоке, омываемый слабой, крохотной струйкой. Возник турбулентный вихрь. Превратил поток в бурю, раздвинул воды, напился неприметную струйку могучей силой. Эта сила вынесла человека на вершину власти в гибнущей разорённой стране. Власть далась ему даром. Для её обретения он не совершал дворцовых переворотов. Не интриговал годами, таясь в «коридорах власти», дожидаясь урочного часа. Не рисковал жизнью. Не устранял соперников с помощью кинжала и яда. Он был «счастливчик», избранник судьбы.

Ему везло. Доведённый до отчаяния народ, ненавидящий власть, терпел его, не подымая восстания. В двух внутренних кровавых войнах, развязанных дерзкими горцами, он победил, почти не имея войск. Надменные богачи, подкупавшие чиновников и судей, владея армией наёмных убийц, «правлящие бал» в государстве, не трогали его, полагая, что президентская власть мнима. Он же незримо, используя властолюбие и алчность богачей, сталкивал их, и они, подобно паукам, «поедали» друг друга. Внешний враг, чья сила была непомерна, чьи боевые эскадры бороздили океаны и Космос, чьи наместники управляли планетой, — внешний враг не видел в нем конкурента. Терпел его. Дважды продлевая срок его президентства, «выдавая ярлык на правление». Страна, которой он управлял, будучи разорённой и поверженной, обладала несметными запасами недр. Торгуя «дарами природы», он сумел скопить для страны запасы денег и золота. Его репутации не повредили ни страшные аварии, уносившие на морское дно корабли и подводные лодки. Ни злодеяния террористов, окропивших страну детской кровью.

Будучи прозорливым, обладая «мистическим опытом», он задумывался о своей судьбе. О своей «богоизбранности». Бог зачем-то, сберегая его силы, заслоняя от напастей охраняющей дланью, возводил его по ступеням власти, открывал горизонты. Словно готовил к чему-то. Ждал от него решения. Огромного, ему одному вменённого поступка.

Какого поступка ждал от него Господь? Может, хотел, чтобы он, испив «чашу власти», удалился на покой, вкушая до скончания дней сладость богатой безбедной жизни? Или, отойдя от изнурительных забот государства, включился в мировую карусель элитных клубов, престижных постов, увлекательных саммитов и презентаций? Но разве для этого Господь вёл его по кромке пропасти, каждый раз зажигая перед ним лучистый фонарь над бездной? Разве для этого терпел

его многострадальный великий народ, обречённый на сиротство, погибающий в непонимании и муке?

Президент задумывался о своём предназначении. Гадал о поступке, которого ждал от него Господь.

Чтобы не ошибиться в выборе, не обмануться прельщением, он отправился в одно из священных мест России, где, как говорило поверье, Господь Бог коснулся устами земли. Там из неба на землю проливаются священные силы, питая жизнь своей благодатью. Это место — под Псковом, у Старого Изборска, где бьют из горы Славенские ключи — питают череду прохладных дивных озёр, вдоль которых на холмах и в долинах белеют чудесные храмы и где среди разноцветных камней ходил сам Пантелеймон Целитель. На этих священных местах совершалась русская история. Здесь зарождалась «Первая Империя» Киева и Новгорода, когда к городищу причалил свой челн Трувор, сподвижник Рюрика, сев на княжение в Изборске. Здесь, в Мирожском монастыре, старец Филофей изрек формулу «Второй Империи» — Московского царства, нарёк его «Римом». Здесь Пётр Великий, император «Третьей Империи», воюя со шведом, обложил стены псковского «детинца» земляными валами и «фортециями». Здесь, в сражениях под Псковом и Нарвой, молодая Красная армия одержала победу над немцами, положив начало «Четвёртой империи», а в годы Великой войны «красный герой» Матросов лёг грудью на пулёмёт фашиста. Здесь же, в десантной дивизии, возведён воинский памятник героям Шестой роты, отдавшей жизнь за Россию, что осветило рождение «Пятой империи».

Президент, оставив в стороне охрану, сидел один у немолкнувших Славенских ключей, в брызгах которых играла прозрачная радуга. Из озера, из далёких цветущих полей, из Труворова городища с крохотной белой церковью, подымался, едва различимый, столп света. Президент сидел и слушал таинственную, к нему обращённую мольву.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА 2.0. Стратегия русской победы

(серия «Коллекция Изборского клуба») –

М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2015. – 384 с.

В конце 2013 года США и их союзники начали, а в 2014 году открыто объявили войну против России. Войну ранее небывалого типа, которую сегодня называют «новой холодной войной», DIME-войной («горяче-холодной», или «гибридной» войной), hold-war («hold» – контаминация слов hot – «горячий» и cold – «холодный», имеющая в английском языке также и собственное значение: «выдержка», «терпение», т.е. «война как испытание прочности»), а также «глобальной хаотической войной».

Уже известные технологии «информационной войны» и «цветных революций» дополняются технологиями террористического подполья, запретительных санкций и манипуляциями на глобальных рынках: сырья, услуг, финансов и т.д.

Участники и эксперты Изборского клуба в своей новой книге раскрывают различные аспекты тех системных угроз со стороны Запада, с которыми столкнулась современная Россия: от причин их возникновения до путей к новой победе. В сборнике три коллективных доклада Изборскому клубу, посвящённых разным аспектам этой темы, а также авторские аналитические статьи. Среди авторов книги – Александр Проханов, Сергей Глазьев, Владимир Овчинский, Елена Ларина, Виталий Аверьянов, Александр Нагорный, Александр Агеев, Шамиль Султанов, Андрей Кобяков, Сергей Батчиков, Леонид Ивашов, Олег Розанов, Юрий Тавровский, Михаил Делягин, Георгий Малинецкий, Сергей Черняховский, Максим Калашников, Валерий Коровин, Владислав Шурыгин, Олег Платонов, Владимир Бондаренко и другие.

Михаил ДЕЛЯГИН, Вячеслав ШЕЯНОВ.

Империя в прыжке. Китай изнутри. –

М.: Книжный мир, 2015. – 672 с.

Новая книга экономиста Михаила Делягина и предпринимателя Вячеслава Шеянова посвящена Китаю. Сплав глубоко переработанной научной информации (по истории, политике, экономике и культурным особенностям Китая) с личным опытом авторов, которые регулярно посещают Поднебесную на протяжении почти двух последних десятилетий, спасает книгу от академической занудности при сохранении достоинств фундаментального исследования. Как пишут сами авторы – «без подобострастия, без предубеждений, без зауми».

Современный Китай вызывает противоречивые чувства: восхищение его экономическими и социальными успехами, надежду на взаимовыгодное сотрудничество, интерес к экзотической культуре, опасение растущей политической и военной мощи, страх перед китайской экспансией – как во всём

мире, так и на огромной, но пустынной российской территории от Урала до Тихого океана.

Как стало возможно «китайское чудо»? Что такое китайский капитализм с «социалистическим лицом» и какое будущее ждёт Китай в жерновах глобального кризиса и новой технологической революции? Какие особенности китайского менталитета должны учитывать предприниматели, стремящиеся вести дела с китайским бизнесом? Как наиболее рационально вести себя российским гражданам в Китае? На эти и многие другие вопросы авторы дают ответы – подробные, откровенные и нелицеприятные.

Книгу можно, без преувеличения, назвать краткой энциклопедией китайской жизни XX и начала XXI веков, которая станет полезной и бизнесменам, и туристам, и интересующимся культурой и историей Китая.

**Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
Юлия ЧЕРНЯХОВСКАЯ.
Вершина Крыма.
Крым в русской
истории и крымская
самоидентификация
России. От античности
до наших дней. —
М.: Книжный мир, 2015. — 416**

Мало кто станет спорить с тем, что крымские события 2014 г. стали самыми значимыми для мировой геополитики и обозначили новую развилку в мировой истории. Будущее всего человечества после возвращения Крыма в Россию стало неопределённым — как это бывало уже много раз в истории.

Доктор политических наук, действительный член Академии политических наук Сергей Феликсович Черняховский и кандидат политических наук, историк, политический философ Юлия Сергеевна Черняховская в своей новой книге показывают цивилизационно-смысловое значение Крыма для русской истории: и как одного из трёх очагов европейской государственности наравне с Элладой и Римом, и как древнейшего очага русской государственности, наравне с Новгородом и Киевом, и как фундаментальной социокультурной модели интеграции этносов и религий для тысячелетнего Российского государства, и как свидетельства суверенитета и силы новой России.

Крым всегда был и остаётся особым геополитическим регионом, хотя и равноудалённым географически, например, от Америки или Китая, но оказывающим — и оказывавшим в древности! — огромное влияние на судьбы многих стран Европы и Азии.

Как сложился такой баланс сил? Почему древняя земля Тавриды стала играть столь большое значение в политике великих держав — от Римской империи и Киевской Руси до США и новой России? Ответ — под обложкой этой книги.

Хронология мероприятий клуба

26–28 января 2015 года

Делегация Изборского клуба (**Александр Проханов, Виталий Аверьянов, Александр Агеев, Дмитрий Аяцков, Леонид Ивашов, Валерий Коровин, Олег Розанов, Николай Стариков, Сергей Черняховский, Владислав Шурыгин**) посетила Нижегородскую землю. Также в мероприятиях принял участие постоянный член Изборского клуба, нижегородский писатель и общественный деятель **Захар Прилепин**.

Тема визита, обсуждавшаяся на заседании в Нижегородском госуниверситете им. Лобачевского, — «**Россия на переломе судьбы**». По этой теме выступили виднейшие местные эксперты и общественные деятели.

Члены клуба прочитали лекции студентам и преподавателям нижегородских вузов, ответили на их вопросы, дали интервью местным телеканалам и газетам, провели встречу с нижегородскими промышленниками. Экскурсию по Нижнему Новгороду для изборцев провёл постоянный эксперт клуба историк **Максим Медоваров**.

Особым пунктом в программе стала поездка в Городец, уникальный центр национальной культуры, где прошёл ещё один круглый стол в Городецком Феодоровском монастыре. Принимавший гостей **епископ Городецкий и Ветлужский Августин (Анисимов)**, организовавший это заседание, был принят в число постоянных членов клуба.

По итогам поездки в регионе создано региональное отделение Изборского клуба.

16–19 февраля 2015 года

Делегация Изборского клуба (**Александр Проханов, Виталий Аверьянов, Валерий Коровин, Олег Розанов, Юрий Тавровский, Максим Шевченко**) посетила Оренбургскую область.

В первый и последний дни визита изборцы встречались с руководителем области **губернатором Юрием Бергом**. Темой заседания клуба, прошедшего

с участием большого числа оренбургских экспертов, стало «**Евразийство и холодная война 2.0**». Александр Проханов и Максим Шевченко выступили с лекциями на проходящем в тот же день медиафоруме «Оренбуржье-2015».

Во второй день визита делегация посетила город Ясный: 13-ю ракетную дивизию РВСН, где состоялось общение с личным составом; предприятия «Космотрас» и «Оренбургские минералы». В третий день визита изборцы побывали в православной гимназии, прочитали лекции перед студентами ведущих вузов Оренбурга, а затем побывали на знаменитом предприятии — производителе ракет НПО «Стрела», где пообщались с руководством предприятия и с его коллективом.

Члены Изборского клуба были встречены повсюду с огромным вниманием и участием.

Февраль 2015 года

В конце февраля член Изборского клуба российский писатель **Захар Прилепин** доставил в Донбасс партию гуманитарной помощи. Как выяснилось в ходе подготовки к этой акции, больше всего в ДНР и ЛНР не хватает сейчас медикаментов, детского питания, средств гигиены — именно эти грузы и составили основу прилепинской гумпомощи. Писатель лично объехал более сотни адресов и вручил помощь многодетным семьям, инвалидам и старикам.

— Я написал в своём блоге два абзаца текста, совершенно элементарные слова: «Я еду в Новороссию и буду раздавать всё сам». Я делаю это не в первый раз, и люди, видимо, уже доверяют мне, — напомнил писатель. — Мы собрали 12 миллионов 700 тысяч рублей за неделю — это колоссальные средства.

Февраль 2015 года

Во втором номере журнала «Наш современник» начата публикация **нового романа Александра Проханова «Убийство городов»**, посвящённого трагическим событиям гражданской войны на Донбассе.

/ Игорь ТЮЛЕНЕВ /

«Не рви с Россией пуповину»

ИМПЕРИЯ, ОЧНИСЬ!

Империя, очнись!
Душе покоя нет.
Там Азия грядёт.
А здесь смердит Европа...
Империя, очнись!
Тебя зовёт поэт.
И гимн остался твой.
И войск потешных рота.

Империя, сейчас.
Я пред тобой один.
Стою, как в поле перст,
Даю тебе свободу
Доживший до седин.
И не кричите с мест:
— Где шастал, сукин, сын?
С кем пил вино и воду?

Империя, очнись!
Я чую холодок,
Что тянет по ногам
Из Караван-сарая.
Империя вернись!
Я верный твой ходок.
Толмач царям зверей
И ангел твой вне рая.

Не кончено с тобой.
Кедровый Берендей
Простёрся до степей
И дальше до Евклида.
А мысли за Урал,
За океан морей,
Где в лапах якорей
Мерцает перстень МИДа.

Империя дождись!
Имперские слова —
К душе взлетел глагол,
Когтями рвёт грудину.
Империя держись!
К тебе народ ползёт.
Не торопись, не рви
С Россией пуповину.

БИОГРАФИЯ

ТЮЛЕНЕВ Игорь Николаевич

Родился 31 мая 1953 года в Пермском крае. Окончил восьмилетнюю школу (1968), Пермский строительный техникум/колледж (1973), Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького в семинаре известного русского поэта Юрия Кузнецова (1991). Живёт и работает в городе Перми.

Первая книга стихов — «Братина» — вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1983 году тиражом 15 тысяч экземпляров. В 1989 году по рекомендации поэтов Алексея Решетова, Виктора Болотова и Николая Домовитова был принят в Союз писателей России.

Является автором семнадцати сборников стихов и более сотни публикаций во всеююзных альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах, а также в других странах.

О творчестве поэта писали известные российские критики и литераторы: В. Курбатов, М. Лобанов, Ю. Кузнецов, В. Бондаренко, В. Сорокин, Н. Дмитриев, С. Небольсин, которые отмечали присущую поэту «священную глубину отечественной истории, родовой памяти». Уверенность голоса, свой ритм, свой размер, свои точные слова, «вечная, священная глубина-высь, поющая в его сердце» — таковы критические отзывы на произведения Тюленева.

Многие сборники стихов и поэтические публикации Игоря Тюленева признаны лучшими и отмечены литературными премиями и победами во всеююзных поэтических конкурсах. За наиболее яркое воплощение русской литературной традиции в книгах последних лет поэту была присуждена премия Союза писателей России «Традиция».

УРАЛЬСКОЕ КРЕЩЕНИЕ

Нам Кама вместо Иордана,
Во льдах пробитая купель.
Я встал ни поздно и ни рано,
Калиткой прищемив метель.

И вспомнил подвиг Иоанна,
Его геройские черты.
И иудейского тирана,
Толпы разъявленные рты.

И с блюдом девку Саломею
С окровавленной головой...
И бесов, чёрной стаей рея,
Зависших над моей страной.

Не думая об их возврате,
Я босоногим встал на лёд.
Когда мы все друг другу рады —
Мы превращаемся в народ!

Прощения спросив у Бога,
Я окунулся в холод вод.
И батюшка светло и строго
Держал крестом над нами свод.

Как будто Иоанн Креститель
На миг предстал передо мной...
Крещённый воскресил Спаситель!
Исчезло блюдо с головой...

Мне стало легче с ношей крестной.
Всё выдержим, ты, брат, не трусь!
Пока восходит над планетой
И звёздами Святая Русь!

Мороз стоит в такую пору,
Чем легче нам, тем толще лёд.
Сын Божий русскому простору
Свою десницу подаёт.

БЕЛОГОРЬЕ

Нужно встать и уйти в монастырь,
Если примет отец Варлаам...
С Белогорья державная ширь
Океаном подступит к глазам.

Закачается палубный лес,
Бес, как в омут, в дупло сиганёт,
На груди моей матушки крест
Наважденье-туман разомкнёт.

И увидишь дорогу в цветах,
Что лежит между вздыбленных туч,
Всё, что грезилось в детских мечтах,
Озарил пробегающий луч.

БИТВА ЗА НОВОРОССИЮ

«Плюнуть, что ли, в Днепр»

И. Бродский

Где вы, русские войска?
Где бойцовская армада?
Даже у небес тоска,
Что войска вводить не надо...

— Новоро-о-о-ссия! — кричат, —
Вашингтонская ловушка!
Ручки детские летят...
Следом в небо — ножка... ушко...

Лукашенко встал спиной
К Путину и тот спиною.
— Отразим мы бой любой!
А он рядом, за стеною...

ПОРА, МОЙ ДРУГ, ВВОДИТЬ ВОЙСКА

Юго-Востоку...

Что крутишь пальцем у виска?
Не все в России оккупанты...
Пора, мой друг, вводить войска,
Сменив усы на аксельбанты.

Шагать по молодой траве,
В рассветах полоскать знамёна.
Мы рождены в одной стране!
Я это чую обострённо.

Согласен, что пора вводить,
Бандеровцам ломая горло.
Пускай Европа станет выть,
Как ей хотелось — однополо.

От жовто-гебельских речей
Мы будем злы в грядущей битве.
Ты «Правый сектор» не жалей —
Потом помянем их в молитве.

Ведь тот, кто полиция внук,
Понять не сможет русской крови,
Не сможет прикурить чубук,
По грудь стгорая в корнеслове.

Овец отделим от козлищ,
Я думаю, что будет польза...
Ты харьковчанин, я — москвич.
Вводить войска ещё не поздно!

Мерцает Днепр, как Рубикон,
Блистают волны, словно латы.
Я был в Украину влюблён,
Причём с трезва, а не поддатый.

И хай пасеться й живе,
В пять пальцев нарастает сало!
Шановни друзи, заржавела
В Раде ручка стоп-сигнала...

Иль от Тавриды до Перми,
До стен недвижимого Китая,
За Киев не молились мы,
Как за Россию — Русь Святая.

НА ЗАТОПЛЕНИЕ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ В КРЫМУ

У моря завывает волк
Штормами горя.
Ведь не один вместился полк
Под крышей моря.

Сошел с ума наш водолаз,
Как мне сказали,
Когда узрел стоящих вас,
Как на вокзале.

Стою и с морем говорю,
Жена подходит:
«Ты не в себе?» — «Ах, мать твою!»
Жена уходит.

Не обижайся на меня,
Осколок страсти.
Но не сбивай на склоне дня
Мечту о власти.

Когда-нибудь нерусский строй
Потопит русских,
Я должен знать, как под водой
Наростить мускул.

Чтоб выйти, чешуёй горя,
Из волн на берег,
И чтоб осталось только «бля»
От всех америк.

МЁРТВЫЙ РУССКИЙ ВОСХОДИТ НА ХОЛМ

Мысли на Мамаевом кургане

Мёртвый русский восходит на холм.
Он не сломлен, но он уже хром,
Как железный Тимур-азиат.
У него на плече автомат.
Пистолет и кинжал на бедре,
Две гранаты и злоба в ребре.
Нет страны — только голая лесть.
— Где ж ты, Родина? — спросит...
— Я здесь!
Ниоткуда услышит ответ,
Ниоткуда затеплится свет.
— Раз ты здесь — значит, я ещё жив! —
Говорит, головы не сложив.
Портупея на рёбрах скрипит,

Чужедальная пуля летит,
Шип змеиный на гору ползёт,
Червь сомнения сердце грызёт.
Наезжает на Запад Восток,
Отлетает от ветки листок,
И несётся куда-то, Бог весть...
Мимо слов: «Моя Родина здесь!»

КАЖДЫЙ ГОД ВСХОДИТ В НЕБЕ ЗВЕЗДА...

С гор Уральских смотрю на восток,
Сквозь ветра, сквозь снега, сквозь песок.
Я согнут, как гребец на галере.
Каждый год всходит в небе звезда,
Вифлеем выбирает она.
Путь звезды и волхвов соизмерен.

Нынче праздник, а Ирод потом
Крысоловом войдёт в каждый дом,
Заберёт у рожениц младенцев...
Но покуда очаг златоткан,
А вертеп превращается в храм.
И волхвы, и дары уже в сенцах.

Что страшиться? Ведь с нами Господь!
Он с Христом, как с зарёй небосвод, —
Расступаются земли и воды
Перед чистым сияньем небес.
И Урал, как большой волнорез,
Рассекает стада и народы.

НЕБЕСНАЯ РОССИЯ

Так, значит, есть Небесная Россия,
На холмах облачный алмазный вертоград,
И нету тьмы — лишь голоса родные,
Словно лучи пронизывают сад.
А мне и любо: Пушкин и царевны,
А мне и славно, кто ж не будет рад,
Что нет лгунов — итоги их плачевны,
За пазухой у Бога нет награды.
И нет блудниц, тем паче — власть имущих,
Нет распрей, грабежей и воровства,
Роскошные реликтовые кущи
Оберегают русские слова.
Порой душа пугается напрасно
Переступить бессмертия порог,
Того не зная — умирать не страшно,
Коль Господу угоден русский слог!

